В. Харкевичъ.

1812 ГОДЪ

ВЪ

ДНЕВНИКАХЪ,

запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ.

МАТЕРІАЛЫ

Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба.

ВЫПУСКЪ I.

1 и 2 западныя арміи. Главная армія.

Издано при содѣйствіи Штаба Виленскаго военнаго Округа.

г. Вильна.
Типографія Штаба Виленскаго военнаго Округа.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 12 Октября 1900 г.

Военно-ученый архивъ главнаго штаба, на ряду съ обширной офиціальной перепиской, относящейся къ кампаніи 1812 года, хранитъ значительный и цѣнный матеріалъ въ видѣ частныхъ бумагъ, записокъ и воспоминаній современниковъ великой эпохи Отечественной войны.

Начало собиранія неофиціальнаго матеріала было положено покойнымъ историкомъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, который, приступая къ составленію описанія Отечественной войны, обратился ко всѣмъ болѣе или менѣе виднымъ участникамъ ея съ просьбою о высылкѣ сохранившихся у нихъ дневниковъ и записокъ. Подобныя-же рукописи поступали къ нему отъ разныхъ второстепенныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ и собирались по его порученію въ архивахъ тѣхъ губерній, которыя вошли въ составъ театра войны.

Матеріалы, собранные такимъ путемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офиціальными документами, случайно не попавшими въ подлинныя дѣла войны 1812 года, составили двѣнадцать обширныхъ папокъ, извѣстныхъ подъ именемъ матеріаловъ Михайловскаго-Данилевскаго.

Собраніе Михайловскаго-Данилевскаго не исчерпываетъ однако всего неофиціальнаго матеріала по Отечественной войнѣ, хранящагося въ военно-ученомъ архивѣ. Разновременно въ него поступали другія бумаги и рукописи участниковъ войны, присланныя авторами при жизни или переданныя послѣ ихъ смерти.

Весь этотъ богатый матеріалъ, за немногими исключеніями, оставался не напечатаннымъ до настоящаго времени. Онъ даже далеко не въ полной мѣрѣ использованъ историками войны 1812 года.

По сравненію съ офиціальной перепиской дневники, записки и воспоминанія частныхъ дѣятелей несомнѣнно имѣютъ второстепенное значеніе. Однако пренебрегать ими со стороны историка было-бы большой ошибкой. Такой неофиціальный матеріалъ освѣщаетъ бытовую сторону войны, даетъ нерѣдко цѣнныя подробности, которымъ нѣтъ мѣста въ служебной перепискѣ, и, въ извѣстныхъ случаяхъ, облегчаетъ даже самое установленіе фактовъ.

Значеніе письменнаго матеріала, оставленнаго современниками Отечественной войны, весьма различно. Независимо большей или меньшей субъективности авторовъ, рядомъ съ такими крупными дѣятелями, какъ Растопчинъ, Коновницынъ, Паскевичъ, Воронцовъ, встрѣчаются скромныя имена второстепенныхъ дѣятелей, принявшихъ свою долю участія въ великой борьбѣ нашего отечества противъ геніальнѣйшаго пол-

ководца всѣхъ временъ. На ряду съ дневниками, имѣющими характеръ современнаго матеріала, встрѣчаются воспоминанія, написанныя исключительно по памяти десятки лѣтъ спустя послѣ событій.

Въ видахъ облегченія оцѣнки печатаемаго матеріала приведены имѣющіяся данныя относительно каждой отдѣльной рукописи и ихъ авторовъ. Рукописи напечатаны строго съ подлинниковъ съ сохраненіемъ неправильностей языка, допущенныхъ авторами. Въ случаѣ позднѣйшихъ вставокъ и измѣненій, внесенныхъ въ первоначальный текстъ, сдѣланы соотвѣтствующія оговорки и поясненія.

Въ цѣляхъ удобства чтенія рукописямъ предпосланы краткія содержанія ихъ и, болѣе значительныя по объему, подраздѣлены на главы. Бумаги на иностранныхъ языкахъ напечатаны, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ на русскій языкъ.

Обиліе имѣющагося въ распоряженіи матеріала привело къ необходимости раздѣлить его на нѣсколько выпусковъ, причемъ въ основаніе для распредѣленія рукописей по послѣднимъ принята принадлежность ихъ авторовъ къ той или другой арміи, къ тому или другому раіону дѣйствій. Въ настоящій 1 выпускъ входитъ лишь часть бумагъ, относящихся къ дѣйствіямъ 1 и 2 западныхъ армій — впослѣдствіи главной арміи.

Записки Щербинина.

Авторъ записокъ, Александръ Андреевичъ Щербининъ, родился въ 1791 году. Въ войну 1812 года и затѣмъ въ послѣдующія—1813 и 1814 годовъ служилъ офицеромъ квартирмейстерской части. Впослѣдствіи перешелъ на службу по гражданскому и придворному вѣдомствамъ и носилъ званіе гофмаршала. Высочайшаго Двора. Умеръ въ глубокой старости въ 1876 году.

Хранящаяся въ военно-ученомъ архивѣ рукопись автора представляетъ переплетенную тетрадь въ листъ писчей бумаги, писанную карандашемъ. Какъ видно изъ собственноручныхъ замѣчаній А. А. Щербинина, та часть ея, которая вошла въ I главу, писалась имъ на пергаментныхъ листкахъ во время самыхъ событій; остальная часть записокъ носитъ дату 12 марта 1851 года.

Записками А. А. Щербинина пользовались **Bernhardi** *и Богдановичъ. Время поступленія рукописи въ архивъ неизвѣстно; по позднѣйшимъ примѣчані-*

[illegible] на поляхъ ея видно только, что произо-[illegible] во всякомъ случаѣ послѣ 1858 года.

I.

Отступленіе 1 арміи къ Дриссѣ. Государь оставляетъ армію. Нерѣшительность Барклая. Бой подъ Витебскомъ. Соединеніе армій. Военный совѣтъ въ Смоленскѣ. Требованія Толя отъ офицера квартирмейстерской части. Наступленіе къ Руднѣ. Переходъ на Порѣченскую дорогу. Вольцогенъ. Рекогносцировка его къ Выдрѣ. Толь на дорогѣ къ Руднѣ. Наступленіе Наполеона лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Рѣшимость Барклая очистить Смоленскъ. Толь при отступленіи изъ Смоленска. Армія постепенно отходитъ къ Цареву Займищу. Барклай рѣшается принять сраженіе. Прибытіе Кутузова.

Іюня 12-го непріятель перешелъ черезъ Нѣманъ. Отступленіе 1 арміи черезъ Свенцяны, Нѣменчинъ, Видзу, Бельмонтъ до Дриссы. Государь нигдѣ не рѣшается дать сраженіе, хотя мѣстоположеніе вездѣ намъ много способствовать бы могло. Избраніе сей операціонной линіи совершенно раздѣляетъ 1 армію отъ арміи князя Багратіона.

27-го числа вечеромъ вступаетъ вся армія въ лагерь при Дриссѣ. Совершенная увѣренность быть въ ономъ атаковану побуждаетъ Государя въ дневномъ приказѣ напомнить войскамъ о знаменитомъ Полтавскомъ сраженіи, воспламенить ихъ къ храбрости и обѣщаніемъ предстоящаго боя вознаградить за поспѣшное отступленіе, приведшее ихъ въ негодованіе.

Непріятель, преслѣдовавшій насъ, вдругъ останавливается въ двухъ маршахъ отъ Дриссы. Наполеонъ не дерзаетъ атаковать, полагая лагерь нашъ наикрѣпчайшимъ. Избраніе онаго сдѣлано флигель-адъютантомъ Вольцогеномъ, приближеннымъ генера-

лу Фулю и, вмѣстѣ съ нимъ, выходцемъ изъ Пруссіи. Государь совершенно убѣжденъ въ превосходствѣ лагеря.

Опытные офицеры, осмотрѣвъ укрѣпленія, находятъ лагерь, напротивъ того, весьма для насъ опаснымъ—въ тылу значительная рѣка, черезъ которую только три моста, и отъ крайней, на большихъ возвышенностяхъ, черты лагеря безпрерывная наклонность мѣстоположенія до непосредственнаго берега рѣки. Самъ Государь начинаетъ сомнѣваться, созываетъ военный совѣтъ, коего всѣ члены, и въ томъ числѣ полковникъ Толь, доказываютъ, что лагерь этотъ долженъ быть погибелью и гробомъ нашей арміи. Флигель-адъютантъ полковникъ Мишю особенно убѣждаетъ въ томъ Государя. 3 Іюля оставляетъ армія лагерь.

Движеніе вдоль Двины черезъ Полоцкъ до Будиловой пристани. Въ Полоцкѣ оставляетъ Государь армію и поручаетъ ее Барклаю.

Нерѣшимость сего генерала оказывается въ первыхъ дняхъ командованія. Ермоловъ и Толь, замѣстившій маркиза Паулуччи въ званіи генералъ-квартирмейстера, предлагаютъ ему перейти Двину у Будиловой пристани и движеніемъ къ Оршѣ соединиться съ княземъ Багратіономъ. Онъ отвергаетъ полезный сей совѣтъ, опасаясь встрѣтить армію непріятельскую, которая, какъ впослѣдствіи мы узнали, была въ двухъ маршахъ отъ Будиловой пристани въ то время, какъ мы тамъ переправиться могли.

По вступленіи арміи въ Витебскъ, она располагается лагеремъ на лѣвомъ берегу Двины передъ самымъ городомъ; правый флангъ упирается къ

рѣкѣ, лѣвый—примыкаетъ къ дорогѣ Оршинской. 12 іюля получаетъ графъ Остерманъ-Толстой повелѣніе идти впередъ по дорогѣ вдоль Двины и прогнать до Бешенковичъ одинъ изъ непріятельскихъ корпусовъ, приблизившійся къ Витебску, потомъ, не преслѣдуя болѣе непріятеля, взять направленіе къ Бабиновичамъ, оставивъ вправо дорогу, ведущую изъ Сѣнно. Въ это время армія наша должна была идти изъ Витебска большою дорогою въ Бабиновичи. Цѣль сего движенія состояла въ соединеніи съ Багратіономъ.

13 іюля въ 3 часа утра атакуетъ Остерманъ непріятеля и прогоняетъ его на 18 верстъ отъ Витебска, несмотря на превосходныя силы непріятеля, кои состояли изъ корпуса маршала Нея и большей части кавалеріи Мюрата. По опрометчивости въ распоряженіяхъ Остермана теряемъ мы въ этомъ дѣлѣ 3 орудія и 4000 человѣкъ, хотя потеря непріятеля была и вдвое больше.

14 іюля атаковалъ онъ насъ въ большихъ силахъ. Вся армія его успѣла сосредоточиться. Главнокомандующій даетъ повелѣніе Остерману ретироваться на Витебскъ и посылаетъ 3 пѣхотную дивизію Коновницына удерживать непріятеля, сколько возможно.

Вечеромъ возвращается 3 дивизія въ лагерь подъ прикрытіемъ арьергарда графа Палена I. Въ этотъ же вечеръ перемѣнилась позиція наша, обратившись фронтомъ къ городу и нѣсколько вдоль Оршинской дороги. Повелѣвающія высоты лѣваго берега Лучесы, которая находилась передъ фронтомъ прежней позиціи, побудили къ сей перемѣнѣ.

Арьергардъ графа Палена 15 іюля утромъ пе-

решелъ по сю сторону Лучесы и, разсыпавъ стрѣлковъ въ крутомъ оврагѣ, удерживалъ всю непріятельскую армію, въ виду коей отретировались мы тремя колоннами къ Смоленску, изъ коихъ двѣ пошли черезъ Порѣчье, третья-же—черезъ Рудню. Если-бы Наполеонъ въ это время насъ атаковалъ, онъ привелъ-бы армію нашу въ большое замѣшательство, но, полагая, что мы имѣемъ на сторонѣ нашей выгоду мѣстоположенія, опасался быть опрокинутымъ къ Двинѣ. Колоннамъ, шедшимъ на Порѣчье, предстояло 6 маршей до Смоленска. 5-й и 6-й корпуса, составлявшіе правую колонну, шли чрезъ Рудню форсированными маршами и были на 4-й день въ Смоленскѣ. Цѣль соединенія двухъ армій исполнилась *) числа.

Барклай принимаетъ командованіе обѣими арміями. Пять дней проводитъ онъ въ Смоленскѣ въ нерѣшимости и бездѣйствіи, наконецъ собираетъ военный совѣтъ. Князь Багратіонъ, Сенъ-Пріестъ, Ермоловъ, Великій Князь и Толь настоятельно совѣтуютъ наступательное движеніе. Флигель-адъютантъ Вольцогенъ, бывъ посланъ для рекогносцировки дорогъ, доноситъ, что нельзя по онымъ сдѣлать движеніе. Толь, осмотрѣвъ ихъ послѣ, ручается провести по нимъ армію.

Во время этой рекогносцировки Толь замѣтилъ однажды окружавшимъ его офицерамъ, что исправный квартирмейстерскій офицеръ долженъ ежедневно сдѣлать сто верстъ верхомъ. Онъ выполнялъ это на самомъ дѣлѣ. Между тремя его лошадьми былъ немилосердный иноходецъ, очень маленькій, длин-

*) Пропускъ въ подлинной рукописи.

нохвостый, свѣтло-сѣрой масти, за которымъ поспѣвать намъ было очень трудно. Быстро и во всей подробности осмотрѣлъ Толь огромное на правомъ берегу Днѣпра пространство, по которому надлежало двинуть армію, и, по диспозиціи его, сдѣлала она въ ночь на 27 іюля маршъ тремя колоннами до Выдры.

Авангардъ дошелъ до Инкова, гдѣ два полка казачьихъ 27 числа совершенно разбиваютъ 6 полковъ непріятельской кавалеріи, преслѣдуютъ ихъ до Лешни, берутъ 300 плѣнныхъ, 2 подполковниковъ и 6 офицеровъ—это былъ авангардъ маршала Нея. Посланные на подкрѣпленіе его 400 пѣхотныхъ егерей были измяты французскою кавалеріею при бѣгствѣ ея отъ казаковъ.

Продолжая наступленіе сіе, мы совершенно раздѣлили-бы силы Наполеона, который, упоенный легкимъ завоеваніемъ многихъ провинцій, считалъ армію нашу бездѣйственною и не могущею вредить ему. Онъ распространилъ силы свои на разстояніи 250 верстъ: корпусъ вице-короля италіанскаго пошелъ на Порѣчье, самъ Наполеонъ находился въ Витебскѣ, въ Могилевѣ-же стоялъ корпусъ Давуста. Оставались корпусъ Нея и тысячъ двадцать кавалеріи Мюрата кои находились въ Ровнѣ (Руднѣ?). Если-бы Ней и Мюратъ были атакованы соединенными силами нашими, неминуемо долженствовали быть истреблены. Сіе движеніе необходимо доставляло и ту выгоду, что Наполеонъ былъ-бы отрѣзанъ отъ прочихъ корпусовъ, кои могли быть атакованы отдѣльно. Къ сему много способствовало-бы употребленіе въ дѣло казаковъ нашихъ, 27 числа ужасъ на непріятеля навлекшихъ.

Но главнокомандующій отказывается внезапно отъ намѣренія атаковать непріятеля. Дошедшія отъ генерала Краснова извѣстія о приближеніи вице-короля италіанскаго къ Порѣчью заставляютъ Барклая двинуться со всею массою на Порѣченскую дорогу въ село Стабну, неосновательно опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ коммуникацій своихъ.

Это движеніе отнести должно къ послушности, которую Барклай оказываетъ вреднымъ совѣтамъ Вольцогена, подозрѣваемаго всею арміею въ измѣнѣ. Не раздѣляя этого мнѣнія, я не могу однако не вспомнить съ какимъ энтузіазмомъ Вольцогенъ, съ которымъ я провелъ шесть мѣсяцевъ во время рекогносцировки, окончившейся отысканіемъ несчастнаго Дриссенскаго лагеря, разсказывалъ одной помѣщицѣ въ Курляндіи объ обращеніи съ нимъ Наполеона, когда Вольцогенъ, находившись въ службѣ Виртембергской, былъ однажды къ нему посланъ королемъ. Можно-ли полагать, чтобы Вольцогенъ, облагодѣтельствованный нынѣ императоромъ Александромъ, рѣшился измѣнить Россіи? Но сомнѣнія нѣтъ, что онъ погруженъ въ то очарованіе, которое Наполеонъ умѣетъ наводить по произволу на всякаго, кого привлечь хочетъ, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникла въ Вольцогенѣ мысль о непреодолимомъ геніи и счастіи Наполеона и о безполезности противодѣйствія ему. Это моральное состояніе дѣлаетъ нынѣ Вольцогена, въ качествѣ практическаго офицера, равнымъ нулю. Такимъ образомъ объяснить можно безумное донесеніе его, что армія не можетъ двинуться по направленію отъ Смоленска къ Выдрѣ.

Вольцогенъ, бывъ посланъ для этой рекогнос-

цировки, выпросилъ меня у Толя для сопутствованія ему. Мы проѣхали широкою дорогою и тихимъ шагомъ отъ 1-го до 8-го часа пополудни. Прибывъ къ пѣхотному корпусу Дохтурова, Вольцогенъ поужиналъ у генерала, проспалъ всю ночь, и на другое утро возвратились мы благополучно, опять тихимъ шагомъ, въ главную квартиру, чтобы донести, какъ выше я сказалъ, что дороги непроходимы?! Немудрено, что движеніе непріятеля на Порѣчье навело на Вольцогена паническій страхъ, отозвавшійся и въ Барклаѣ.

Четыре дня проводитъ армія въ Стабнѣ, а главнокомандующій въ Мощинкахъ въ совершенной недѣятельности и нерѣшимости. Между тѣмъ Наполеонъ имѣетъ время собрать силы свои въ Оршѣ, откуда лѣвымъ берегомъ Днѣпра двинулся на Смоленскъ. Не будучи извѣщены о томъ по совершенному недостатку въ шпіонахъ, мы опять обращаемся на Рудню по первому плану Толя и вслѣдствіе его настояній, одолѣвшихъ совѣты Вольцогена.

Толь отправился къ передовымъ войскамъ, составлявшимъ авангардъ. Послѣ перваго длиннаго перехода остановился онъ на ночь въ деревнѣ.

Какъ къ пункту, къ которому на другой день по диспозиціи, имъ въ Мощинкахъ написанной, надлежало придти арміи, авангардъ прошелъ эту деревню и расположился далеко предъ нею. Толь зашелъ съ своими офицерами въ оставленную хозяевами избу, въ которой легли мы на лавкѣ, не снимая одежды. Лошади, неразсѣдланныя, стояли съ двумя или тремя казаками нашими во дворѣ. Въ глухую ночь я проснулся отъ какого-то шороха,

вышелъ на улицу и увидѣлъ егерскій полкъ, идущій назадъ, то есть по направленію къ Смоленску. Я узналъ, что этотъ полкъ былъ самый передовой нашего авангарда, превратившагося непостижимою силою въ арьергардъ. Проходили мимо избы послѣдніе уже взводы егерей. Я поспѣшилъ разбудить Карла Федоровича. Молча и въ недоумѣніи поплелись мы за егерями среди глубокой темноты.

Обогнавъ на разсвѣтѣ авангардъ, мы помчались по направленію къ прежней главной квартирѣ. Вскорѣ услышали, а потомъ и увидѣли, мы выстрѣлы на противоположномъ берегу Днѣпра. Невѣровскій, отступая отъ Краснаго къ Смоленску, несъ на плечахъ своихъ главный авангардъ Наполеона, который, пробужденный первымъ нашимъ наступательнымъ движеніемъ къ Выдрѣ, сосредоточилъ силы свои въ Оршѣ и быстро пошелъ на Смоленскъ. Этотъ разъ отступательное движеніе Барклая для прикрытія главныхъ коммуникацій нашихъ имѣло основательный поводъ; надлежало ему только послать отыскать своего генералъ-квартирмейстера и извѣстить его непосредственно о перемѣнѣ плана операціи.

Мы догнали корпуса 1 арміи, быстро сближающіеся съ Смоленскомъ. Самаго Барклая нашли мы на Поклонной горѣ, откуда съ праваго берега открывается видъ на весь городъ.

Во время наступательнаго движенія 1 арміи Багратіонъ былъ направленъ стеречь переправу черезъ Днѣпръ, по направленію на Дорогобужъ, за сорокъ верстъ отъ Смоленска; дивизія-же Раевскаго была оставлена Багратіономъ въ Смоленскѣ. Медленное геройское отступленіе и отпоръ Раевскаго дали

время корпусамъ 1 арміи возвратиться въ Смоленскъ прежде, нежели Раевскій уступилъ-бы превосходнымъ силамъ непріятеля.

Древнія стѣны и валы Смоленска, о которыхъ прежде никто не помышлялъ, защитили насъ 4 и 5 августа противъ отчаянныхъ атакъ, сначала Понятовскаго, а потомъ и другихъ непріятельскихъ корпусовъ. Съ нашей стороны 2, 6 и 3 корпуса введены были на смѣну Раевскаго одинъ за другимъ въ дѣло, чтобы отстоять Смоленскъ. Тщетно непріятель старается овладѣть городомъ—семь разъ отбитъ штурмъ его. Къ вечеру 5 числа главнокомандующій даетъ повелѣніе выйти по наступленіи ночи всѣмъ войскамъ изъ города и сжечь мостъ Днѣпровскій. Сіе добровольное отступленіе производитъ всеобщій ропотъ. Въ 11-мъ часу того-же вечера, т. е. 5-го числа, князь Багратіонъ посылаетъ къ министру письмо, которымъ совѣтуетъ удержать Смоленскъ и на другой день атаковать непріятеля.

Письмо это подало всѣмъ надежду—мостъ еще не былъ сожженъ. Но Барклай отвергнулъ совѣтъ князя Багратіона. Тотчасъ воспослѣдовало повелѣніе сжечь мостъ.

Непріятель, увидѣвъ пламя, бросился въ городъ. Утромъ 6 августа непріятельскіе егеря переходятъ рѣку вбродъ и уже занимаютъ кладбище на Поклонной горѣ, гдѣ ночь проводилъ министръ. Между тѣмъ величайшій безпорядокъ овладѣлъ арміею. Корпуса безъ назначенія мѣста идутъ, возвращаются, пересѣкаютъ другъ другу дорогу. Нѣсколько полковъ кавалеріи и егерей могли-бы совершенно разбить армію.

Толь приводитъ все въ порядокъ рѣшительностью и скоростью дѣйствій. Тутъ уже не было времени составлять и писать диспозиціи. Нѣкоторыя части войскъ онъ самъ приводитъ на мѣста, къ другимъ посылаетъ для этого офицеровъ своихъ. Девятью баталіонами егерей опрокидываетъ онъ непріятельскихъ и прогоняетъ ихъ опять за рѣку. Между тѣмъ становитъ армію лѣвымъ флангомъ къ кустарнику противъ города, правымъ флангомъ—къ Рудненской дорогѣ. По дорогѣ изъ Катани шла непріятельская колонна, изъ пяти тысячъ состоявшая, чтобы взять насъ въ правый флангъ. Въ предупрежденіе того едва успѣли поставить 2 корпусъ.

И вотъ какой тутъ былъ случай, лично ко мнѣ относившійся. Карлъ Федоровичъ часто твердилъ своимъ офицерамъ, чтобы безпрерывно изучать мѣстоположеніе тамъ, гдѣ располагаются арміи. Долгое пребываніе главной квартиры около Смоленска дало мнѣ возможность разузнать мѣстоположеніе, какъ карманы мои (всегда пустые, мимоходомъ сказать). Когда узнали о приближеніи сказанной колонны въ правый флангъ нашъ, Карлъ Федоровичъ поскакалъ на угрожаемый пунктъ. Густой кустарникъ закрывалъ отъ насъ движеніе непріятеля. Карлъ Федоровичъ остался на равнинѣ, передъ которою тянулась опушка кустарника, изъ коего ежеминутно ожидать должно было появленія непріятельской пѣхоты; меня же послалъ привести туда, какъ можно скорѣе, 2 пѣхотный корпусъ.

Дорога къ этому корпусу шла весьма окольная; но мнѣ извѣстна была длинная логовина, которая вела къ нему почти прямою линіею, исходя потомъ

въ Днѣпръ. По ней я помчался и привелъ скорымъ шагомъ 2 корпусъ. Принцъ Евгеній Виртембергскій, командовавшій одною изъ дивизій того корпуса, ѣхалъ въ головѣ колонны. Едва увидѣлъ насъ Карлъ Федоровичъ, выходящихъ, какъ будто-бы, изъ подъ земли, онъ бросился ко мнѣ. Скорое появленіе войска сего не представляло съ моей стороны подвига—я былъ только исполнитель, но прекрасное сердце Карла Федоровича внушило ему слѣдующія слова, которыя онъ обратилъ ко мнѣ съ свойственнымъ ему жаромъ: „Александръ Андреевичъ, я во всю жизнь мою не забуду одолженія, которое Вы мнѣ теперь оказали". Непріятель, удовольствовавшись занятіемъ Смоленска, не тревожилъ насъ во весь день.

Ночью въ 2 часа армія наша выступаетъ, направляясь къ Бредихину двумя колоннами: одною—черезъ Крахоткино, Гедеоново и проч., по Дорогобужской дорогѣ, другою—черезъ . . . . *). Послѣдняя колонна, въ коей находилась и гвардія, имѣла описать большую дугу. Непріятель быстро преслѣдуетъ первую, догоняетъ арьергардъ ея, который три часа выдерживаетъ нападеніе сильнѣйшаго непріятеля. Между тѣмъ возвращаются изъ Бредихина 2 и 6 корпуса и два полка гренадерской дивизіи. Сраженіе продолжается отъ 2-хъ часовъ пополудни до 9-ти вечера. Непріятель, хотя вдвое сильнѣе, не могъ опрокинуть линій нашихъ, и важный пунктъ, на который надлежало дебушировать дальней колоннѣ, удержанъ.

Впослѣдствіи, когда находились мы на переходѣ отъ Колоцкаго монастыря къ Бородину, слышалъ

*) Пропускъ въ подлинной рукописи.

я отзывъ Барклая Бенигсену въ томъ, что изъ ста подобныхъ дѣлъ можно выиграть только одно. Личная храбрость войскъ и отдѣльныхъ начальниковъ заслуживаетъ вѣнца, но Барклаю хвастать было нечѣмъ. Армія менѣе-бы рисковала, если-бы онъ удерживалъ крѣпкій Смоленскъ, пустилъ Багратіона въ правый флангъ Наполеона.

Въ ночь на 8 августа мы отступили и пришли занять лагерь у Соловьева моста. Не дожидаясь въ ономъ непріятеля, мы отошли къ Андреевкѣ, гдѣ занимаемъ весьма выгодную позицію, но по совѣту князя Багратіона идемъ въ Дорогобужъ. И здѣсь не остаемся, находя погрѣшности въ позиціи.

Въ тотъ самый день 9 числа августа услышали мы о приближеніи князя Кутузова для командованія арміями. Общая радость возникаетъ во всемъ лагерѣ.

Барклай ретируется къ Вязьмѣ. Говоръ, что тамъ рѣшительное дастъ сраженіе и ни шагу не уступитъ. Толь находитъ позицію въ 10 верстахъ за Вязьмою, но вскорѣ оказывается недостатокъ въ водѣ, что и заставляетъ насъ отступить.

Приходимъ въ лагерь передъ Царевымъ Займищемъ. Рѣчка съ чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линій нашихъ. Слишкомъ опасно принять сраженіе въ такой позиціи. Не менѣе того Барклай на то рѣшиться хочетъ. Толь до такой степени убѣжденъ былъ въ опасности этого лагеря, что бросается передъ Барклаемъ на колѣни, чтобы отклонить его отъ намѣренія сражаться здѣсь. Барклай не внимаетъ убѣжденіямъ своего генералъ-квартирмейстера. Но вдругъ воз-

вѣщаютъ о прибытіи Кутузова въ Царево Займище. Это было въ 3-мъ часу пополудни августа. (*) День былъ пасмурный, но сердца наши прояснились. Узнавъ отъ Толя объ опасности лагеря, князь Кутузовъ тотчасъ приказалъ отступить. Квартирмейстерскій офицеръ Гартингъ былъ посланъ по дорогѣ къ Можайску отыскивать позицію для принятія рѣшительнаго сраженія. (**)

II.

Назначеніе, данное Кутузовымъ корпусу Тучкова на лѣвомъ флангѣ Бородинской позиціи. Распоряженія Бенигсена при объѣздѣ позиціи 25 августа. Невыгодныя послѣдствія измѣненія расположенія Тучкова. Смѣна начальствующихъ лицъ послѣ раны князя Багратіона. Посылка Толя на лѣвый флангъ позиціи. Кутузовъ послѣ доклада Щербинина дѣлаетъ распоряженія объ отправкѣ на лѣвый флангъ подкрѣпленій. Рѣшеніе начать отступленіе. Обѣ стороны одновременно очищаютъ поле сраженія. Командировка Щербинина въ арьергардъ Милорадовича. Приказаніе „почтить древнюю столицу видомъ сраженія". Оставленіе Москвы. Милорадовичъ и Себастіани. Взятіе въ плѣнъ Перовскаго. Посылка Щербинина къ Кутузову и возвращеніе его въ главную квартиру.

Событія Бородинскаго сраженія описаны многими, но вотъ, что осталось неизвѣстнымъ. При занятіи позиціи при Бородинѣ князь Кутузовъ призвалъ капитана инженернаго, находившагося при главной квартирѣ, по фамиліи, если не ошибаюсь, Фелькеръ, и приказалъ ему разсмотрѣть мѣстоположеніе позаци лѣваго фланга съ тѣмъ, что нельзя

*) *Позднѣйшія примѣчанія автора*: 1) Въ запискахъ моихъ, писанныхъ карандашемъ на пергаментныхъ листкахъ, стерлось число. У меня нѣтъ экземпляра Данилевскаго войны—тамъ долженъ быть означенъ день прибытія Кутузова къ арміи. 2) Изъ найденнаго впослѣдствіи при бумагахъ моихъ листка: Nouvelles officielles de l'armée видно, что Кутузовъ прибылъ 17 числа.

**) *Примѣчаніе автора:* Здѣсь оканчиваются мои записки, потому что, за исключеніемъ малаго отдыха, я былъ безпрерывно на лошади. Слѣдующіе за симъ отрывки пишу я нынѣ на память.

ли поставить тамъ часть войска скрытно отъ непріятеля „Когда непріятель - сказалъ Кутузовъ капитану—употребитъ въ дѣло послѣдніе резервы свои на лѣвый флангъ Багратіона, то я пущу ему скрытое войско во флангъ и тылъ". Капитанъ возвратился съ донесеніемъ, что мѣстоположеніе чрезвычайно благопріятствуетъ этому плану. Итакъ 3 корпусъ и Московское ополченіе поставлены въ засадѣ.

Товарищу моему Траскину велѣно было начертить планъ всей позиціи. На планѣ этомъ надписано надъ 3 корпусомъ и Московскимъ ополченіемъ „расположеніе скрытно". Планъ напечатанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ достался мнѣ. Я вручилъ его господину Бернгарди*).

Августа 25-го готовились мы къ генеральному сраженію. Я употребилъ цѣлый день въ разъѣздахъ по позиціи, чтобы ознакомиться съ мѣстоположеніемъ. Подъ вечеръ приближался я къ лѣвому флангу князя Багратіона. Меня догнали Бенигсенъ и графъ Ожаровскій, находившійся при главной квартирѣ во все время кампаніи. Они ѣхали въ крытыхъ дрожкахъ. Я послѣдовалъ за ними. Миновавъ конечность лѣваго фланга, мы нашли ведеты егерей нашихъ подъ командою полковника Вуича, который, подошедъ къ Бенигсену, съ большимъ жаромъ объяснялъ ему, что бригада его поставлена на жертву, что пространство, раздѣляющее лѣвый флангъ отъ отряда, состоявшаго изъ 3 корпуса и ополченія, столь велико, что непріятель въ оное бросится массами и истребитъ бригаду.

*) *Примѣчаніе автора:* Получивъ его впослѣдствіи обратно, я прилагаю его въ концѣ сихъ записокъ.

Планъ этотъ имѣется въ Дѣлѣ Воен. Учен. Арх. № 4718.

Бенигсенъ поѣхалъ къ отряду Тучкова и велѣлъ ему двинуться, чтобы стать ближе къ лѣвому флангу Багратіона. Тучковъ возражалъ, что пространство, которое ему въ такомъ случаѣ занять-бы должно, составляетъ отклонъ горы, съ вершины коей непріятелю легко дѣйствовать къ истребленію корпуса его; о назначеніи-же оставаться скрытно отъ непріятеля онъ не замѣтилъ Бенигсену, вѣроятно потому, что самъ не вѣдалъ плана главнокомандующаго. Бенигсенъ повторилъ съ досадою приказаніе. Тучковъ тотчасъ началъ выдвигать 3 корпусъ. Я не могъ воображать, чтобы Бенигсену, начальнику главнаго штаба при Кутузовѣ, не было извѣстно о планѣ, о которомъ зналъ я, свитскій прапорщикъ. Я полагалъ, что Кутузовъ отмѣнилъ прежній планъ. Я тѣмъ болѣе въ этомъ удостовѣрился, когда, проводивъ Бенигсена обратно въ главную квартиру, находившуюся въ деревнѣ Горкахъ, позади села Бородина, увидѣлъ, какъ онъ вошелъ въ избу, занятую Кутузовымъ.

Кто могъ воображать, что между ними не будетъ упоминаемо о распоряженіяхъ Бенигсена касательно Тучкова! Что-же оказалось впослѣдствіи? Въ февралѣ 1813 года, во время бытности главной квартиры въ Калишѣ, Карлъ Федоровичъ пилъ однажды чай въ своей канцеляріи, какъ съ особеннымъ удареніемъ любилъ называть ее, и которую тогда составляли квартирмейстерскіе офицеры: Брозинъ, какъ главный редакторъ, Вашутинъ, Габбе, братъ мой и я. Онъ разговаривалъ съ нами о славныхъ событіяхъ предшествовавшей кампаніи. Я желалъ узнать отъ Карла Федоровича о причинѣ, по

которой князь Кутузовъ перемѣнилъ планъ касательно засады на лѣвомъ флангѣ Бородинскаго лагеря.— „Никогда Свѣтлѣйшій не перемѣнялъ, сказалъ Карлъ Федоровичъ съ жаромъ, но вышла какая-то ошибка при исполненіи“. Тогда я разсказалъ о вышеобъясненномъ распоряженіи Бенигсена. Карлъ Федоровичъ въ изумленіи бросился опоясываться шарфомъ (безъ шарфа никто не входилъ къ Кутузову) и побѣжалъ къ главнокомандующему, которому тогда только открылось о своевольномъ и опрометчивомъ дѣйствіи Бенигсена.

Можно представить себѣ, какъ во время Бородинскаго сраженія Кутузовъ, полагавшій Тучкова въ скрытомъ мѣстѣ, удивленъ былъ извѣстіемъ, что Тучковъ сдѣлался предметомъ и скорою жертвою перваго натиска французовъ. На бѣднаго Тучкова пало даже подозрѣніе въ главной квартирѣ, что онъ не умѣлъ держаться. Никто незналъ, что по мѣстоположенію, вслѣдствіе легкомыслія Бенигсена ему указанному, это было физически невозможно. Тучкову судьба не представила оправдаться. Онъ палъ при первыхъ выстрѣлахъ.

Планъ Кутузова, приведенный въ ничтожество Бенигсеномъ, могъ имѣть важныя, вѣроятно весьма выгодныя для насъ, послѣдствія. Ибо, по перехваченнымъ во время бѣгства Наполеона бумагамъ Бертье, оказалось, что 25 августа составлены были двѣ диспозиціи. По первой надлежало корпусу Понятовскаго атаковать лѣвый флангъ Багратіона, упиравшійся объ укрѣпленное село Семеновское, корпусамъ же Нея и Даву подкрѣплять атаку Понятовскаго. Сомнѣнія нѣтъ, что весь этотъ натискъ

былъ-бы выдержанъ нами и безъ содѣйствія Тучкова, ибо сей послѣдній, поставленный Бенигсеномъ въ невозможность сражаться по невыгодности мѣстоположенія, сдѣлался совершенно безполезенъ. Московское же ополченіе употреблено было единственно для относки нашихъ раненыхъ для перевязки. Тѣмъ не менѣе село Семеновское было удержано нами до самой ночи. И если-бы этотъ результатъ былъ одержанъ и безъ содѣйствія Тучкова и ополченія, то появленіе этого скрытаго отряда, по плану Кутузова, во флангѣ и тылу непріятеля при окончаніи битвы, было-бы для него гибельно. И этому воспрепятствовало непростительное распоряженіе Бенигсена.

По второй диспозиціи Бертье, написанной вечеромъ 25 числа, корпусу Понятовскаго назначено идти правѣе (l'ennemi, ayant prolongé sa gauche) корпусу-же Нея, подкрѣпленному корпусомъ Даву, замѣстить Понятовскаго. Выраженіе „l'ennemi, ayant prolongé sa gauche“ доказываетъ, что отрядъ Тучкова въ томъ положеніи, какъ назначено было Кутузовымъ, оставался прежде дѣйствительно скрытымъ отъ непріятеля.

Этотъ фактъ, между многими другими, относящимися къ кампаніямъ 1812, 13 и 14 годовъ, сообщилъ я Данилевскому; въ архивѣ Генеральнаго Штаба онъ могъ найти и диспозиціи Бертье. Но онъ заблагоразсудилъ скрыть этотъ случай, который, между прочимъ, въ томъ отношеніи поучителенъ, что для главнокомандующаго опасно скрывать о распоряженіяхъ своихъ отъ начальника главнаго штаба. Кутузовъ, какъ генералъ старой

школы, не довольно изучилъ такъ называемую у насъ *желтую книжку*, содержавшую учрежденіе дѣйствующей арміи.

Послѣ Багратіона, смертельно раненаго при началѣ Бородинскаго сраженія, принялъ команду на лѣвомъ флангѣ генералъ Дохтуровъ, который тотчасъ прислалъ просить подкрѣпленія. Кутузовъ отказалъ ему и велѣлъ держаться. Вскорѣ послѣ того онъ обратился къ находившемуся при главной квартирѣ герцогу Александру Виртембергскому и приказалъ ему принять командованіе лѣвымъ флангомъ. Едва герцогъ туда прибылъ, какъ прислалъ адъютанта требовать также подкрѣпленія. Тогда Кутузовъ велѣлъ ему сдать команду опять Дохтурову подъ тѣмъ предлогомъ, что герцогъ нуженъ ему, Кутузову, для личныхъ совѣтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Кутузовъ приказалъ Толю отправиться на лѣвый флангъ, сказавъ ему: „Карлъ, какъ ты скажешь, такъ я сдѣлаю".

Толь, обратившись къ группѣ квартирмейстерскихъ офицеровъ, сказалъ мнѣ; „Щербининъ, поѣзжайте со мною". Замѣтить должно, что какъ въ Бородинской позиціи армія князя Багратіона вошла въ составъ общій, то званіе генералъ-квартирмейстера при Кутузовѣ принялъ, по старшинству чина, генералъ Вистицкій, находившійся въ томъ званіи во 2 арміи. Но моральное вліяніе полковника Толя на офицеровъ было таково, что всѣ мы по прежнему толпились около него; а Вистицкій, высокій, худощавый старикъ, разъѣзжалъ одинъ, какъ командоръ въ Донъ-Жуанѣ. Наконецъ онъ мнѣ съ досадою приказалъ оставаться близъ него. Сначала

я это и выполнилъ, но когда онъ въѣхалъ въ толпу, окружавшую Кутузова, то я этимъ воспользовался и, отставъ отъ него, присоединился къ товарищамъ моимъ. Но когда Кутузовъ послалъ Толя на лѣвый флангъ, чтобы разрѣшить критическій моментъ сраженія, то Вистицкій исчезъ изъ главной квартиры, какъ тѣнь.

Карлъ Федоровичъ, едва пріѣхавъ на лѣвый флангъ, убѣдился въ необходимости подкрѣпленія. Ядра сыпались на село Семеновское, деревья падали, и избы разрушались, какъ декораціи театральныя; воздухъ вылъ непрерывно, и земля дрожала. Мы подъѣхали къ дивизіонному командиру Александру Алексѣевичу Тучкову. Онъ тутъ-же палъ отъ ядра. За исключеніемъ арьергардной неважной перестрѣлки подъ Витебскомъ, это было первое сраженіе, въ которомъ я участвовалъ. Я полагалъ, что и во всякомъ генеральномъ дѣлѣ бываетъ столь жарко, какъ мы тутъ нашли. Но какъ впослѣдствіи я прошелъ весь рядъ генеральныхъ сраженій 1812, 13 и 14 годовъ и участвовалъ въ нѣкоторыхъ и отдѣльныхъ дѣлахъ, находясь при Толѣ, Коновницынѣ и Милорадовичѣ, то я могу опредѣлительно сказать, что всѣ тѣ сраженія содержатся къ Бородинскому, какъ маневры къ войнѣ.

Карлъ Федоровичъ, оставшись на этомъ пиру, велѣлъ мнѣ спѣшить къ Свѣтлѣйшему и доложить, что подкрѣпленіе необходимо. Подскакавъ къ холму, на которомъ была деревня Горки, разобранная вся на дрова для биваковъ, я увидѣлъ Кутузова, который, спустясь съ холма одинъ—слѣдовательно запретивъ свитѣ своей слѣдовать за нимъ, ѣхалъ

ко мнѣ на встрѣчу шагомъ на широкогрудомъ, длиннохвостомъ, бѣломъ конѣ своемъ. Кутузовъ, какъ обыкновенно, былъ въ сертукѣ безъ эполетъ, въ бѣлой съ красною выпушкою фуражкѣ безъ козырька; шарфъ и нагайка накинуты на плечо. Хотя при одномъ глазѣ, онъ замѣтилъ, кто изъ офицеровъ поѣхалъ съ Толемъ, и хотѣлъ ожидаемую невыгодную вѣсть узнать безъ свидѣтелей. Выслушавъ меня, онъ сказалъ: „Поѣзжай-же ко 2-му корпусу и веди его на лѣвый флангъ“.

Но уже на пути къ правому флангу, на конечности котораго находился этотъ корпусъ, я встрѣтилъ его. Кутузовъ уже прежде далъ ему приказаніе сняться съ мѣста и направиться къ Горкамъ, то есть центру позиціи. Исполнивъ повелѣніе Кутузова, я возвратился къ нему, гдѣ я нашелъ и Карла Федоровича.

Въ 10-мъ часу, когда огонь при совершенной темнотѣ сталъ умолкать, Кутузовъ возвратился въ прежнюю главную квартиру свою, дворъ Татариновъ, верстахъ въ 5-ти за позиціею. Онъ собралъ генераловъ, чтобы рѣшить, удержать-ли на другое утро поле сраженія, или отступить, а, между тѣмъ, велѣлъ Толю обозрѣть, въ какомъ положеніи находится лѣвый флангъ.

Карлъ Федоровичъ велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Слѣдуя въ темнотѣ по линіи войскъ, расположившихся уже на бивакахъ, но еще безъ огней, мы слышали падавшіе вдали весьма изрѣдка отдѣльные пушечные выстрѣлы. Пріѣхавъ на лѣвый флангъ, Карлъ Федоровичъ узналъ, что старая Московская дорога, ведетъ лѣсами, прямѣе почтовой,

на коммуникаціи арміи. Оттуда только слышались упомянутые выстрѣлы. Это обстоятельство было рѣшительное.

Въ 11 часовъ вечера генералы разъѣхались къ своимъ мѣстамъ, получивъ приказаніе Кутузова къ отступленію. Карлъ Федоровичъ послалъ меня въ то-же время къ арьергардному кавалерійскому отряду подъ командою генералъ-адъютанта Корфа, чтобы вести его на другое утро къ Можайску.

Я нашелъ Корфа ночью впереди и нѣсколько правѣе бывшаго центра позиціи. Оберъ-квартирмейстеромъ находился при немъ капитанъ Шубертъ, нынѣшній полный генералъ. Мы ожидали, что при первомъ мерцаніи дня непріятель насъ задавитъ. Сколь велико было удивленіе наше, когда, по восходѣ солнца, при совершенно ясномъ небѣ, мы не могли открыть непріятеля, сколько глазъ видѣть могъ въ отдаленность. 130 или, можетъ быть, и 150 тысячъ отошли ночью незамѣтно, какъ кошка.

Арьергардъ далъ время всѣмъ войскамъ сняться съ лагеря и уже послѣ полдня послѣдовалъ за ними къ Можайску, не видавъ ни души непріятельской. Справедливо донесъ Кутузовъ въ моментъ окончанія сраженія, что оно выиграно нами. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстно, что Наполеонъ потерялъ въ немъ почти всю кавалерію, отчего и не рѣшался атаковать лагерь Тарутинскій. Подъ Бородинымъ виноватъ Платовъ, ничего не дѣлавъ во весь день. Казаки его и ночь всю проспали, не замѣтивъ отступленія ведетовъ непріятельскихъ.

Послѣ Бородина большой арьергардъ арміи ввѣренъ былъ Милорадовичу. Августа 28-го прислалъ

онъ въ главную квартиру просить квартирмейстерскаго офицера. Изъ состоящихъ при немъ одинъ былъ раненъ, а подполковникъ Чуйкевичъ занемогъ. Карлъ Федоровичъ откомандировалъ меня въ арьергардъ, гдѣ и находился безотлучно при Милорадовичѣ.

Нѣсколько разъ въ день должно было доносить главнокомандующему о положенiи арьергарда. Рапорты Милорадовича писались мною подъ выстрѣлами, иногда по его диктовкѣ. Арьергардъ пользовался малѣйшими выгодами мѣстоположенiя, чтобы останавливать превосходныя силы непрiятеля на каждомъ шагу. Донская конная артиллерiя подъ командою маiора Суворова производила чудеса. Но подходившiя отъ летучихъ отрядовъ на обоихъ флангахъ донесенiя Милорадовичу, что ихъ оттѣсняютъ безпрерывно огромныя колонны непрiятельскiя, коихъ головы обходили нашъ арьергардъ концентрическимъ направленiемъ къ Москвѣ, побуждали Милорадовича къ отступленiю.

1-го числа сентября получаетъ онъ отношенiе Ермолова, въ которомъ, по приказанiю Кутузова, извѣщается Милорадовичъ о намѣренiи сдать Москву, и что Милорадовичу представляется „почтить древнюю столицу *видомъ сраженiя* подъ стѣнами ея“. Это выраженiе взорвало Милорадовича. Онъ призналъ его маккiавелистическимъ и отнесъ къ изобрѣтенiю собственно Ермолова. Если-бы Милорадовичъ завязалъ дѣло съ массою силъ Наполеоновскихъ и проигралъ-бы оное, какъ необходимо произошло-бы, то его обвинили-бы, сказавъ: „Мы вамъ предписали только маневръ, только видъ сраженiя“. Если-бы Милорадовичъ отступилъ поспѣшно

и навелъ-бы Наполеона на отступающую съ огромными своими обозами армію, то сказали бы: „Зачѣмъ же вы не испытали сраженія, мы вамъ его предписывали“.

Милорадовичъ вышелъ изъ себя. Легши съ однимъ адъютантомъ и со мною на огромную кучу соломы, насланную на полу черной избы, онъ объявилъ намъ въ ночь на 2 число, что онъ до разсвѣта ѣдетъ въ главную квартиру отказаться отъ команды. Усталость сомкнула между тѣмъ глаза наши, и утро вечера мудренѣе. Мы напились чаю, и о сдачѣ команды уже рѣчи не было.

Арьергардъ, сильно тѣснимый, приближался быстро къ Москвѣ. Полковники Сипягинъ и Потемкинъ, находившіеся при Милорадовичѣ, давали ему разные совѣты, какимъ образомъ дать отпоръ непріятелю. Милорадовичъ ѣхалъ молча. Вдругъ приказалъ онъ адъютанту поѣхать къ Л. Гв. Гусарскому полку и потребовать офицера, который объяснялся-бы хорошо на французскомъ языкѣ. Прискакалъ Нащокинъ на прекрасномъ сѣромъ конѣ. „Поѣзжайте, сказалъ ему Милорадовичъ, къ королю неаполитанскому, командующему авангардомъ непріятельскимъ, скажите ему, что я сдаю ему Москву съ жителями ея, если онъ прекратитъ дѣйствія свои до 7 часовъ завтрашняго утра; въ противномъ случаѣ онъ можетъ взять ее не иначе, какъ прошедъ чрезъ тѣло мое“. Въ то-же время послалъ Мамоновскаго полка маіора Павлова дать ходъ обозамъ, загромоздившимъ Московскія улицы, и половину улицъ очистить для свободнаго прохода войскъ арьергарда, коего пѣхота поспѣшно была направлена къ городу. Кавалерія

удерживала вершину возвышеній, закрывавшую отъ взоровъ непріятеля необъятную Москву и безпорядокъ, съ которымъ толпились чрезъ нее войска. Появленіе Нащокина на аванпостахъ непріятельскихъ тотчасъ пріостановило ихъ движеніе.

Между тѣмъ Милорадовичъ, нимало не расположенный жертвовать безъ пользы любезнымъ тѣломъ своимъ, спѣшилъ догнать пѣхоту. Онъ достигъ головы колонны ея, когда она приближалась къ Кремлю. Въ это время Нащокинъ возвратился съ извѣстіемъ, что король неаполитанскій принимаетъ предложеніе и остановилъ наступательное движеніе. Милорадовичъ опередилъ тогда пѣхоту и поѣхалъ съ своею свитою къ Драгомиловской заставѣ, отъ которой въ 7-ми верстахъ назначалъ ночлегъ арьергарду. Проѣхавъ Кремль, мы увидѣли 2 баталіона Московскаго гарнизона, оставлявшаго Москву съ музыкою. Милорадовичъ обратился къ командовавшему гарнизономъ генералъ-лейтенанту Брозину съ слѣдующими словами „Какая каналья велѣла Вамъ, чтобы играла музыка?“ Брозинъ отозвался, что, когда гарнизонъ оставляетъ крѣпость по капитуляціи, то играетъ музыка „такъ сказано въ уставѣ Петра Великаго“ — „А гдѣ написано въ уставѣ Петра Великаго, возразилъ Милорадовичъ, о сдачѣ Москвы? Извольте велѣть замолчать музыкѣ“.

Проѣзжая далѣе, видѣли мы вездѣ обозы разнаго состоянія людей, оставлявшихъ Москву. Толпы изъ бѣднѣйшаго класса въ отчаяніи тѣснились около Милорадовича. Онъ уговаривалъ ихъ не оставлять городъ, который онъ сдалъ съ тѣмъ, чтобы жите-

лямъ отъ французовъ обиды не было. Послѣдствія показали, что эти убѣжденія не подѣйствовали.

Едва выѣхавъ за заставу, мы увидѣли вправо двухъ непріятельскихъ уланъ. Милорадовичъ бросился къ нимъ въ галопъ, вырвавшись отъ адъютанта своего Юнкера, который хотѣлъ удержать его за полу мундира. Милорадовичъ былъ въ полной формѣ съ 3-мя звѣздами, безъ шинели. Мы поѣхали за нимъ рысью, сколько усталыя и голодныя лошади наши бѣжать могли. Издали мы слышали, какъ онъ кричалъ уланамъ „Qui commande ici?“ и получилъ отвѣтъ: Le général Sebastiani. Милорадовичъ помчался далѣе. Уланы, въ изумленіи, пропустили его и потомъ насъ.

Вскорѣ мы увидѣли Милорадовича, подскакавшаго къ группѣ непріятельской. Это былъ Себастіани со свитою. Доѣхавъ до Милорадовича, мы услышали слѣдующій разговоръ его съ Себастіани

Ce ne sont plus les beaux jours de Boukarest! вскричалъ Милорадовичъ, вѣроятно на привѣтствіе, котораго мы слышать не могли. „Vous avez agis en traitre, продолжалъ онъ; le roi de Naples a conclu avec moi une suspension d'armes jusqu'à 7 heures du matin, et vous voilà, qui voulez me barrer le chemin!

Себастіани „Le roi ne m'en a point informé, mais je connais votre loyauté, cher Miloradovitche et je vous crois sur parole“.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Себастіани велѣлъ остановиться отряду параллельно Рязанской дорогѣ, которую оставилъ свободною для прохода обозовъ и войскъ нашихъ. Себастіани — средняго роста, худощавъ,

смуглъ, блѣденъ; черты лица не рѣзкія, пріятныя; онъ казался лѣтъ около 50. Отрядъ его назначенъ былъ Мюратомъ въ обходъ лѣваго фланга нашего, и, перешедъ Москву рѣку вбродъ у Воробьевыхъ горъ, готовился отрѣзать арьергарду отступленіе.

Себастіани, Милорадовичъ и смѣшавшіяся ихъ свиты поѣхали шагомъ по Рязанской дорогѣ. Въ это время подъѣхалъ къ намъ квартирмейстерскій прапорщикъ Перовскій, находившійся при летучемъ отрядѣ Донского генерала Карпова. Онъ мнѣ разсказывалъ, что отпросился у генерала своего для того собственно, чтобы заѣхать въ Москвѣ въ отцовскій домъ (т. е. графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго), откуда могъ взять въ память только кинжалъ, который держалъ въ рукахъ. Вещь эта была драгоцѣнная съ рукояткою, облитою каменьями. Къ намъ подъѣхалъ польскій уланскій офицеръ и вступилъ въ разговоръ съ Перовскимъ на французскомъ языкѣ, прося показать ему кинжалъ. Я остановился съ ними на минуту, но потомъ пустился догонять Милорадовича. О Перовскомъ болѣе слуха не было — онъ исчезъ.

По взятіи Парижа, выходя однажды изъ кабинета князя Волконскаго, гдѣ я ежедневно занимался, я былъ привѣтствованъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ въ модномъ фракѣ. Я узналъ Перовскаго. Онъ мнѣ разсказалъ, что, остановившись съ польскимъ офицеромъ по оставленіи нами Москвы, онъ, хотя очень смерклось, видѣлъ еще пыль отъ моей лошади, когда этотъ негодяй, положивъ руку ему на узду, сказалъ: „Vous étes mon prisonnier“ и, потребовавъ отъ него кинжалъ и саблю, повелъ

его въ главную квартиру Мюрата. Но Перовскій былъ представленъ королю не прежде, какъ на другое утро. На требованіе его быть отпущеннымъ, король сознался, что Перовскій взятъ въ плѣнъ неправильно, но что, бывъ свидѣтелемъ безпорядка, который господствовалъ въ войскахъ французскихъ, онъ не можетъ быть отпущенъ. Перовскаго отправили во Францію. Онъ явился, какъ выше сказано, къ Волконскому въ томъ-же чинѣ прапорщика, въ коемъ началъ кампанію, тогда какъ я окончилъ ее въ капитанскомъ чинѣ и получилъ всѣ ордена, доступные оберъ-офицеру. Перовскій, нынѣшній генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи замѣнилъ себѣ это все съ избыткомъ. Но возвратимся къ разсказу о Милорадовичѣ.

Когда я догналъ его, я услышалъ слѣдующій разговоръ:

Себастіани (указывая на обозы, которые въ безпорядкѣ кое-какъ плелись)—„Avouez, que nous sommes de bonnes gens, nous aurions pu prendre tout cela“.

Милорадовичъ (возвысивъ голосъ и съ важнымъ видомъ указывая рукою впередъ)—„Vous vous trompez; cent mille hommes sont là, qui m'auraient vengé“?

При приближеніи темноты онъ разстался съ Себастіани.

На другое утро въ седьмомъ часу поскакалъ онъ на аванпосты и тамъ согласился съ своимъ пріятелемъ пріостановить дѣйствія до 7 часовъ вечера. Но какъ въ это время было уже совершенно темно, и луна не свѣтила, то въ существѣ армія выиграла еще цѣлыя сутки, а всего 36 часовъ, въ

продолженіи которыхъ совершено отступленіе со всѣми огромными обозами и парками, прикрывъ вмѣстѣ и спасавшихся съ достояніемъ своимъ Московскихъ жителей. И этимъ Россія обязана безсмертному подвигу Милорадовича. Фанфаронство, составлявшее черту въ характерѣ его, внушило ему мысль къ спасенію арміи. Провидѣніе употребляетъ иногда слабости и самые пороки людей для достиженія великихъ цѣлей своихъ. Всѣ подробности сіи касательно сдачи Москвы я сообщилъ изустно Данилевскому. Кажется онъ помѣстилъ ихъ въ своей исторіи.

На разсвѣтѣ 4 сентября изготовилъ Милорадовичъ рапортъ князю Кутузову о положеніи дѣлъ въ арьергардѣ. Я вызвался везти его. Мнѣ становилась нестерпима временная командировка моя. Цѣлую недѣлю я питался только чаемъ. У Милорадовича стола не было. Его наперерывъ откармливали Сипягинъ и Потемкинъ. Казака при мнѣ не было. Лошадь моя шесть сутокъ оставалась неразсѣдланною; къ вечеру я распущалъ ей только подпруги. Не знаю, кто ее кормилъ и поилъ.

Я нашелъ Кутузова у перевоза черезъ Москву рѣку по Рязанской дорогѣ. Я вошелъ въ избу его по той сторонѣ рѣки. Онъ сидѣлъ одинокій, съ поникшею головою, и казался удрученъ. Распросивъ въ краткихъ словахъ о состояніи арьергарда прежде распечатанія пакета, онъ велѣлъ мнѣ идти *къ своему мѣсту*. Я понялъ это такъ, что мнѣ должно возвратиться къ его генералъ-квартирмейстеру. Я это съ радостью и исполнилъ.

III.

Движеніе съ Рязанской дороги на Калужскую. Распоряженія Кутузова по организаціи управленія арміей. Милорадовичъ подвергается опасности попасть въ плѣнъ во время расположенія у Красной Пахры. Бенигсенъ настаиваетъ на атакѣ непріятеля. Главная квартира въ Леташевкѣ. Свиданіе Кутузова съ Лористономъ. Рекогносцировки Толя передъ Тарутинымъ. Толь предугадываетъ дальнѣйшій ходъ войны. Причины, заставившія отложить назначенное на 4 октября нападеніе на авангардъ Мюрата. Гнѣвъ Кутузова. Нападеніе при Тарутинѣ. Бездѣйствіе 4 корпуса. Сужденіе Коновницына о Тарутинскомъ боѣ.

Отъ пункта, гдѣ Москва рѣка пересѣкаетъ Рязанскую дорогу, совершенъ безсмертный фланговый маршъ на Калужскую дорогу, рѣшившій участь кампаніи. Подъ начальствомъ подполковника Гартинга посланы квартирмейстерскіе офицеры Траскинъ, Габбе, числившійся Лейбъ-Гвардіи по Московскому полку Зеньковскій и я для назначенія лагеря, сначала въ Подольскѣ на Серпуховской, а потомъ въ Красной Пахрѣ на Калужской дорогѣ. Насъ сопровождали два казака.

Отъ одного лагернаго пункта до другого совершали мы путь ночью, ожидая на каждомъ шагу, особенно въ деревняхъ, черезъ кои пролегалъ путь, попасться непріятельской партіи. Не доѣзжая до деревень, мы посылали казака подползти къ крайней избѣ и выманить крестьянина, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли Французовъ. Нигдѣ о нихъ и слуху не было. Между тѣмъ въ правой отдаленности пылало пламя, пожиравшее Москву. Оставленная жителями и войскомъ, она, какъ мертвый трупъ, была предана на сожженіе хладнокровно.

Въ Подольскѣ кратковременный лагерь имѣлъ въ тылу рѣку и крутую къ ней покатость. Бениг-

сенъ настаивалъ ожидать въ немъ непріятеля и съ трудомъ уступилъ мнѣнію Толя и Кутузова, что позиція для насъ опасная, да и въ стратегическомъ отношеніи негодная. На пути ночью къ Красной Пахрѣ и все утро въ самомъ этомъ пунктѣ, пока не прибыла армія, мы, посланные впередъ, еще болѣе опасались встрѣтить непріятельскій отрядъ. Этой боязни особенно предавался Гартингъ, сказывая намъ, что какъ онъ выходецъ изъ Голландіи, то немедленно былъ-бы разстрѣлянъ Наполеономъ, какъ не возвратившійся въ отечество послѣ воззванія Наполеона къ эмигрантамъ. Вскорѣ настигла въ Красную Пахру армія, и безпокойство наше кончилось. О непріятелѣ не было и слуху. Онъ пустился преслѣдовать отрядъ Винценгероде по направленію къ Коломнѣ, считая, что это главный отрядъ нашей арміи.

Въ Красной Пахрѣ состоялось распоряженіе князя Кутузова къ образованію правильнаго управленія по движенію арміи. Толь пользовался полною довѣренностью главнокомандующаго; не менѣе того нѣкоторые другіе лица изъ окружающихъ его, не принадлежавшіе собственно къ главному штабу, вмѣшивались въ редакцію бумагъ, напримѣръ, князь Кудашевъ и особенно Паисій Кайсаровъ. Это могло вести къ большимъ, наконецъ, безпорядкамъ. Въ предупрежденіе того Кутузовъ сдѣлалъ слѣдующія назначенія: генералъ-лейтенантъ Коновницынъ поступилъ дежурнымъ генераломъ, но со всею властью начальника штаба, при которомъ званіи графъ Бенигсенъ, не заслуживавшій никакой довѣренности, остался только номинально. Назначенный по Высочай-

помѣстилась. Кутузовъ занялъ избу о трехъ окнахъ направо отъ въѣзда со стороны Тарутина, составлявшую его столовую, пріемную, кабинетъ и, позади перегородки, спальню. Насупротивъ Кутузова жилъ Бенигсенъ въ просторной избѣ, гдѣ проводилъ время праздно, угащивая ежедневно роскошнымъ обѣдомъ многочисленную свиту свою. Подлѣ Кутузова—Коновницынъ въ курной избѣ о двухъ на улицу окнахъ. Входъ былъ со двора противъ оконъ. Направо отъ входа стояла койка, на которой спалъ Коновницынъ; налѣво—огромная печь. Впереди съ правой стороны столъ, на которомъ, по добротѣ несравненнаго Петра Петровича, канцеляріи его предлагался ежедневно простой, но сытный обѣдъ. Самъ онъ обѣдалъ всегда у Кутузова. У дверей часового не было; онѣ и ночью не замыкались. Всякій, пріѣзжающій съ пакетомъ, входилъ прямо въ избу и, если ночью, то будилъ Коновницына безъ церемоній—такъ отъ него приказано было. Я бралъ тогда изъ припечки свѣчу, осаждаемую колоссальными тараканами, и читалъ бумагу Коновницыну. Поутру часу въ 5-мъ являлся Петръ, высокаго роста, круглолицый, молодой лакей Коновницына, затопить печь, въ которой изготовлялся обѣдъ. Дверь тогда отворялась, чтобы дать исходъ дыму, подъ густымъ слоемъ котораго Коновницынъ въ одномъ углу, а я діагонально противъ него, могли лежать свободно и иногда еще спали. Черезъ часъ затворялась дверь. Малый дымъ отъ прогорѣвшихъ дровъ исходилъ тогда черезъ отверстіе въ стѣнѣ. Мы вставали. Петръ начиналъ варить. Приходили Толь, Эйхенъ и Габбе, и начиналось производство бумагъ, которое шло

безпрерывно до глубокой ночи. Въ отсутствіи первыхъ двухъ я ходилъ иногда подносить бумаги къ подписи Свѣтлѣйшаго. Опекуны мои оставляли меня безъ гроша. Правый локоть сертука моего былъ протертъ; я затиралъ тушью сквозившую рубаху и исскусно поворачивалъ локоть рукава внутрь, когда надлежало являться главнокомандующему.

По другую сторону избы Коновницына и на одномъ съ нею дворѣ былъ обширный, но низкій овинъ. Отверстіе, выходившее на улицу, было забито досками, и крупнымъ, четкимъ почеркомъ коменданта Ставракова было написано мѣломъ во всю стѣну „Секретная квартирмейстерская канцелярія". Находили, что она исполняетъ назначеніе свое— ничего изъ нея выйти не могло. Надлежало однако и входить. Для этого служило другое отверстіе со стороны двора для однихъ посвященныхъ. Тамъ спали Эйхенъ и Габбе и, по большому простору, былъ данъ пріютъ двумъ свитскимъ офицерамъ— подполковнику Габбе, дядѣ моего товарища, и поручику Дисту (нынѣ генералъ-лейтенантъ въ прусской службѣ). Въ этомъ *локалѣ*, заваленномъ высоко соломою, не было, ни столовъ, ни стульевъ, ни лавъ. Застилая солому коврами, жильцы помѣщались въ повалку. Тутъ собирались мы *строить чаи*, потому что въ тѣсной избѣ Коновницына для этого раздолья мѣста не было.

Наполеонъ не рѣшался атаковать насъ. Онъ полагалъ инымъ способомъ выйти изъ затрудненія, которое болѣе и болѣе отягощалось на армію его по недостатку провіанта и, особенно, фуража.

Пріѣхалъ въ Тарутино Лористонъ съ предло-

женіями о мирѣ. Кутузовъ поѣхалъ напередъ въ ту избу, въ которой назначено было принять его. Лористонъ прибылъ въ сумерки въ крытыхъ дрожкахъ. Кавалергардскаго полка поручикъ Михаилъ Орловъ сопровождалъ его. Мы въ первый разъ увидѣли Кутузова въ мундирѣ и въ шляпѣ. Эполеты онъ попросилъ у Коновницына—его собственные ему казались не довольно хороши. Но и Петръ Петровичъ былъ не франтъ, лучше бы обратиться къ Милорадовичу.

Съ улицы видны намъ были сквозь окна освѣщенной избы, сидѣвшіе у стола другъ передъ другомъ, Лористонъ и Кутузовъ. Послѣдній дѣлалъ большія движенія руками, полагать должно, говорилъ горячо. Мнѣ потому казались несправедливы прошедшіе въ главной квартирѣ слухи, что Кутузовъ, по свойственной ему хитрости, обнадеживалъ Лористона вѣроятностью принятія со стороны Государя мирныхъ предложеній. Напротивъ того, когда Кутузовъ пріѣхалъ вторично въ Тарутино передъ сраженіемъ съ Мюратомъ, то, входя въ избу, гдѣ онъ принималъ Лористона, онъ сказалъ: „Вотъ здѣсь я говорилъ Лористону, что мы никогда не согласимся на миръ".

Нападеніе на Мюрата пріуготовлено было подробною рекогносцировкою Карла Федоровича, продолжавшеюся нѣсколько дней. Онъ взялъ въ пособіе одного только офицера, чтобы не возбуждать вниманія непріятелей. Это былъ Траскинъ. Послѣдній разсказывалъ мнѣ случай, доказывающій смѣтливость казаковъ. Траскину приказано было отъ Толя извѣдать глубину лежавшаго передъ ними лѣса

и куда выходила дорога, черезъ него пролегающая. Поѣхавъ на иной пунктъ, Толь велѣлъ бывшему съ нимъ казаку слѣдовать за Траскинымъ. Проѣхавъ нѣсколько лѣсомъ, они слышатъ топотъ ѣхавшей имъ на встрѣчу лошади. Какъ узнать, непріятельскій-ли разъѣздъ? „Позвольте, Ваше Благородіе", сказалъ тихимъ голосомъ казакъ и, спустясь съ лошади, приникъ головою къ землѣ. Сквозь обнаженные отъ вѣтвей стволы онъ могъ видѣть далеко внутрь лѣса — „По ногамъ видно, что лошадь французская". Траскинъ поспѣшилъ оставить лѣсъ.

По возвращеніи однажды съ рекогносцировки, Толь, бесѣдуя въ канцеляріи о положеніи дѣлъ, предсказалъ, что Наполеонъ долженъ скоро отступить и объяснилъ намъ съ видомъ восторженнымъ, какимъ образомъ онъ будетъ преслѣдуемъ, какъ главная армія будетъ преграждать ему пути, какъ летучіе отряды, со всѣхъ сторонъ окружая его, будутъ отнимать обозы, плѣнныхъ и пушки. Намъ, молодымъ офицерамъ, все это казалось видѣніемъ пылкаго воображенія. Но впослѣдствіи, какъ великъ представился намъ Толь, когда эти видѣнія осуществились!

Непосредственнымъ результатомъ рекогносцировки его была диспозиція, имъ во всей подробности составленная, по которой надлежало арміи атаковать Мюрата 4 октября. Нѣкоторые изъ генераловъ пріѣзжали въ послѣдніе дни къ Коновницыну, прося ускорить атаку. Особенно настаивалъ Багговутъ. Коновницынъ принималъ видъ, что это невозможно, ибо нападеніе онъ предполагалъ сдѣлать врасплохъ и не хотѣлъ, чтобы распространялись слухи, кои могли остеречь непріятеля.

3 октября былъ призванъ въ главную квартиру Ермоловъ, начальникъ штаба главной арміи. Ему открылъ Коновницынъ, что на другой день назначена атака, и что онъ вскорѣ получитъ диспозицію фельдмаршала для разсылки приказаній корпуснымъ командирамъ. Коновницынъ просилъ Ермолова подождать полчаса, что ему самому вручится диспозиція по разсмотрѣніи фельдмаршаломъ, къ которому спѣшилъ Коновницынъ. Но Ермоловъ не захотѣлъ ждать, извиняясь приглашеніемъ, полученнымъ имъ въ тотъ день къ обѣду отъ Кикина, дежурнаго генерала своего. По отъѣздѣ Ермолова диспозиція была къ нему послана съ ординарцемъ, Екатеринославскаго кирасирскаго полка поручикомъ Павловымъ. Но, ни Ермолова, ни Кикина, Павловъ отыскать не могъ, хотя изъѣздилъ весь лагерь. Къ вечеру узнали, что Кикинъ забрался съ гостями своими версты за три внѣ лѣваго фланга лагеря въ помѣщичье имѣніе, гдѣ находился обширный каменный домъ. Туда была привезена диспозиція.

На другое утро главнокомандующій выѣхалъ въ лагерь, полагая найти войско подъ ружьемъ. Но сколь велико было удивленіе и негодованіе его, видя, что люди, раздѣтые, лежатъ въ бивакахъ, иные варятъ кашу, другіе поютъ. Кутузовъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ. Толь, узнавъ напередъ, что диспозиція не дошла до войскъ, предвидѣлъ бурю и остался въ Леташевкѣ. „Кто здѣсь старшій квартирмейстерскій офицеръ?“ спросилъ Кутузовъ, озираясь около себя. На свое несчастье отозвался подполковникъ Эйхенъ, начальникъ нашей канцеляріи. Кутузовъ, вышедъ изъ себя, разругалъ этого

благороднѣйшаго человѣка ужасно. Потомъ, увидя ѣхавшаго на маленькой толстой лошади въ зеленой фуражкѣ и солдатской шинели какого-то краснощекаго, вскричалъ: „Это что за каналья?“ Ѣхавшій, остановясь передъ Кутузовымъ и поблѣднѣвъ, отвѣчалъ: „Квартирмейстерской части капитанъ Брозинъ, оберъ-квартирмейстеръ *такого-то* кавалерійскаго корпуса“.

Кутузовъ возвратился въ Леташевку, отмѣнивъ атаку. Эйхенъ не захотѣлъ остаться въ арміи. Кутузовъ, охладѣвъ послѣ вспышки и узнавъ, что Ермоловъ одинъ причиною безпорядка, убѣждалъ Эйхена посредствомъ Коновницына не оставлять мѣста и даже вызвался просить у Эйхена за причиненную обиду извиненіе въ присутствіи всей главной квартиры. Такъ добръ и столь возвышенныхъ чувствъ былъ Кутузовъ! Но Эйхенъ, глубоко уязвленный, и хотя человѣкъ съ великими достоинствами, не имѣлъ высшей моральной силы — простить, и оставилъ армію. На мѣсто его поступилъ тотъ самый Брозинъ, котораго также обругалъ Кутузовъ. Къ чести этого безпримѣрнаго старца сказать должно, что во все продолженіе службы при немъ Брозина, послѣдній осыпаемъ былъ отъ него ласками и существенными наградами, и что даже самое назначеніе Брозина взамѣнъ оскорбительнаго эпитета послѣдовало собственнымъ, какъ полагать должно, побужденіемъ Кутузова, ибо Брозинъ, ни по службѣ, ни по другимъ отношеніямъ, вовсе не былъ до тѣхъ поръ извѣстенъ, ни Коновницыну, ни Толю. Вспышку-же Кутузова отчасти извинить можно слишкомъ непозволительнымъ костюмомъ, подъ которымъ нельзя

было отгадать офицера. Однако Брозинъ не покидалъ и послѣ того своей солдатской шинели, можетъ быть изъ благодарности къ ней, что она повела его къ счастливому положенію. Что касается до Ермолова, то Кутузовъ безъ всякой вспышки приказалъ Коновницыну объявить Ермолову волю Его Свѣтлости, чтобы оставилъ армію. И по дѣломъ-бы! Но Коновницынъ упросилъ Кутузова простить Ермолову.

Между тѣмъ наступило 5-е число и съ нимъ возобновилось желаніе воспользоваться одинокимъ положеніемъ непріятельскаго авангарда. Этотъ разъ диспозиція достигла своей цѣли, и, послѣ полдня, вся армія снялась съ мѣста. По безпримѣрной диспозиціи Толя 130 тысячъ человѣкъ со всею артиллеріею, способствуемые темною ночью, подползли подъ самые редуты непріятеля, и обойдя притомъ лѣвый флангъ его. Но исполненіе не соотвѣтствовало диспозиціи и доказало, сколь мало умѣетъ русская армія маневрировать противъ подвижности Наполеоновскихъ войскъ; доказало, вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособность Бенигсена, которому главнокомандующій поручилъ командовать атакою.

При самомъ разсвѣтѣ 6 октября корпусъ Багговута атаковалъ лѣвый флангъ Мюрата, между тѣмъ какъ кавалерійскій отрядъ подъ командою графа Орлова Денисова летѣлъ ему въ тылъ съ конечности праваго нашего фланга. Но первое ядро непріятельское сразило на повалъ Багговута. Отважная душа въ тѣлѣ толстѣйшемъ не знала предчувствій. Пока принцъ Евгеній Виртембергскій вступилъ въ командованіе правымъ флангомъ на мѣсто Багговута, остановилось движеніе на этомъ пунктѣ. Отрядъ графа

Орлова Денисова, опасаясь отдѣлиться слишкомъ, долженъ былъ также медлить. Съ другой стороны 4 корпусъ графа Остермана Толстаго, примыкавшій къ лѣвому флангу 2-го, по причинѣ непостижимой, остановилъ колонны свои въ лѣсу, который, лежавъ передъ фронтомъ его, былъ занятъ имъ безъ выстрѣла при первомъ бѣгствѣ французской линіи. Уже и 2 корпусъ возобновилъ движеніе впередъ, а 4-й все еще оставался въ этомъ ему пріятномъ лѣсу.

Коновницынъ, присутствовавъ при атакѣ на правомъ флангѣ и содѣйствовавъ къ возобновленію тутъ натиска на непріятеля, отправился опять къ 4 корпусу, который онъ передъ тѣмъ вывелъ изъ совершеннаго бездѣйствія. Приближаясь къ перелѣску, который лежалъ влѣво, онъ видитъ выходящую изъ него пѣхотную колонну, человѣкъ въ 1000 или 1200. Полагая, что это отставшая часть апатическаго 4 корпуса, Коновницынъ посылаетъ Данилевскаго сказать этой колоннѣ, чтобы поспѣшала впередъ и спросить, кто ею командуетъ. Вышеупомянутые офицеры, составлявшіе канцелярію, гдѣ состоялъ и Данилевскій, во время сраженій находились при исправлявшемъ должность начальника главнаго штаба въ качествѣ адъютантовъ, а при генералъ-квартирмейстерѣ находились особые адъютанты, которые въ занятіяхъ по канцеляріи не участвовали. Едва приблизился Данилевскій къ той колоннѣ, она дала по немъ залпъ, который его повергъ. Это была отставшая непріятельская колонна, которая спѣшила догнать прочія войска свои. Не знаю, успѣла-ли въ томъ, или была истреблена. Полагаю

первое, ибо никакой связи въ дѣйствіяхъ нашихъ не было.

Коновницынъ спѣшилъ къ Кутузову, а я поскакалъ пособить Данилевскому. Два казака, поймавъ лошадь его, повезли его по направленію, которое я далъ имъ. Я присоединился къ Коновницыну, который при умолкавшихъ выстрѣлахъ возвратился въ Леташевку. Онъ сказалъ намъ, что все это дѣло постыдно для русскаго оружія, что Мюратъ долженъ былъ истребленъ быть, что, напротивъ того, ему дана возможность отступить въ порядкѣ съ малою потерею, и что никто не заслуживаетъ за это дѣло награды. Извѣстнымъ сдѣлалось по окончаніи войны, что Мюратъ предостереженъ былъ шпіонами и ожидалъ нападеніе, готовившееся на 4-е число. Немудрено, если подслушали беллетриста Кикина, пировавшаго внѣ лагеря. Но атака не воспослѣдовала, ни въ тотъ, ни на другой день, и онъ по прежнему предался безпечности. Нападеніе 6-го числа было совершенно нечаянное для него. На французскихъ бивакахъ мы нашли кофейные снаряды, еще наполненные и теплые, и если-бы атака была исполнена энергически, то Мюратъ подвергся-бы почти той участи, какъ Вандаммъ подъ Кульмомъ. Ужасъ и негодованіе овладѣли нами, когда увидѣли мы большіе образа, служившіе столами на бивакахъ французскихъ.

При возвращеніи Коновницына въ главную квартиру онъ обогналъ Данилевскаго, котораго везли уже въ повозкѣ. Я остался при раненомъ и привезъ его въ Леташевку. Пуля ударила ему въ правую руку ниже кисти и вылетѣла позади локтя.

IV.

Жалобы Бенигсена на Кутузова и оставленіе имъ арміи. Депутаты дворянства Харьковской и Полтавской губерній. Волонтеры. Донесеніе о движеніи непріятеля въ значительныхъ силахъ на Боровскъ. Бой подъ Малоярославцемъ. Посылка изъ Леташевки инструкціи Чичагову и Витгенштейну. Уклоненіе Кутузова отъ рѣшительныхъ дѣйствій во время движенія отъ Малоярославца до Днѣпра. Пребываніе главной квартиры въ Полотняныхъ заводахъ. Бой подъ Краснымъ. Опасенія Кутузова имѣть дѣло съ Наполеономъ. Опперманъ указываетъ вѣроятный пунктъ переправы Ней для спасенія остатковъ его корпуса. Отзывъ Кутузова о Чичаговѣ. Толь въ войну 1812 года.

Вскорѣ послѣ Тарутинскаго сраженія Кутузовъ получилъ отъ Государя письмо, которое послано было Бенигсеномъ Его Величеству. Въ этомъ письмѣ заключался доносъ на Кутузова въ томъ, что будто-бы оставляетъ армію въ бездѣйствіи и лишь предается нѣгѣ, держа при себѣ молодую женщину въ одеждѣ казака. Бенигсенъ ошибался—женщинъ было двѣ. Кутузовъ, тотчасъ по полученіи этого письма, велѣлъ Бенигсену оставить армію.

Въ это время явились къ Кутузову депутаты отъ дворянства Харьковской и Полтавской губерній, предлагавшихъ въ распоряженіе главнокомандующаго общее вооруженіе. Кутузовъ благодарилъ ихъ за усердіе, но предложеніе отклонилъ, отозвавшись, что до такой крайности дѣла еще не дошли. Являлись нѣкоторые и частные лица, предлагавшіе услуги свои въ видѣ волонтеровъ. Оригиналы эти были всѣ весьма преклонныхъ лѣтъ. Кутузовъ и Коновницынъ принимали ихъ вѣжливо, но не давали имъ занятій. Подвергаясь лишеніямъ разнаго рода, они, на пути арміи изъ Тарутина къ Днѣпру, исчезли изъ главной квартиры одинъ за другимъ. Между ними особенно отличался нѣкто Яковъ Ива-

новичъ изъ Воронежа—высокаго роста, блѣдный, съ черными глазами и безпокойнымъ взглядомъ. Одѣтый въ черный гусарскій чекмень, онъ въ дѣлѣ подъ Малоярославцемъ, гдѣ могла дѣйствовать только пѣхота, явился передъ линіею гвардейскихъ кирасировъ, разумѣется внѣ выстрѣла, и, махая саблею, какъ бѣшенный, кричалъ: „впередъ, впередъ" Депрерадовичъ велѣлъ прогнать его за фронтъ. Другой волонтеръ былъ скромнѣе. Въ вицъ-мундирѣ Сумскаго гусарскаго полка, въ которомъ нѣкогда служилъ штабъ-офицеромъ, высокаго роста, худощавый, лѣтъ около 70, онъ показывалъ намъ опыты своего исскуства владѣть саблею. Кутузовъ принялъ его чрезвычайно ласково, обнадеживая его дать ему занятія; но едва онъ вышелъ, Кутузовъ сказалъ окружающимъ. „Ну куда этакому б..... служить?"

Въ началѣ уже пребыванія въ Леташевкѣ Коновницынъ изнемогъ отъ безпокойства, наносимаго будившими его нѣсколько разъ въ ночь ординарцами, привозившими бумаги, иногда и неважныя. Тогда онъ воспретилъ будить себя. Пріѣзжавшіе съ пакетами шли уже не направо отъ дверей, а въ лѣвый уголъ ко мнѣ. Я будилъ Петра Петровича въ такомъ только случаѣ, если бумага не терпѣла отлагательства до утра. Такимъ образомъ я разбудилъ Коновницына въ ночь на 12 октября, когда прибылъ рапортъ генерала Дохтурова изъ подъ Боровска о предпринятомъ на тотъ пунктъ движеніи огромныхъ непріятельскихъ силъ. Не было сомнѣнія, что Наполеонъ отступалъ. Должно было заградить Калугу, къ которой изъ Боровска вела дорога черезъ Малоярославецъ. Коновницынъ разбудилъ Ку-

тузова, и въ ту-же ночь сдѣлано распоряженіе къ движенію арміи на Малоярославецъ, куда и прибыла она около полдня 12 октября, подкрѣпивъ во время Дохтурова, сражавшагося уже въ улицахъ города сего.

Солдаты, между коими много было рекрутъ, дрались дурно подъ Малоярославцемъ. Офицеры одни жертвовали собою. Самъ Коновницынъ семь разъ велъ пѣхотныя линіи на штурмъ противъ засѣвшаго за заборами городскихъ садовъ непріятеля и прогналъ его наконецъ внутрь города до большой площади, гдѣ чудесно гремѣла битва. У заборовъ пули пѣли, а на площади примѣшались къ нимъ, и картечи, и ядра. И свои ядра летѣли сзади черезъ головы наши. Изъ бывшихъ при Коновницынѣ раненъ полковникъ Доливо-Добровольскій пулею въ плечо. Вечеромъ непріятель прогнанъ за городъ.

Донесеніе партизана Сеславина, полученное въ Леташевкѣ подъ утро 12 числа, подтвердило о предугаданномъ Кутузовымъ отступленіи Наполеона. Впрочемъ оное предвидѣлось еще до Тарутинскаго дѣла. Лишенный запасовъ, онъ не могъ держаться, и Чичагову, направленному Императоромъ на соединеніе съ Кутузовымъ, послана изъ Леташевки подробная инструкція о прегражденіи пути Наполеону, при чемъ ему указано на урочище Студенки близъ Борисова, какъ единственный пунктъ, который Наполеонъ избрать могъ для перехода черезъ болотистую Березину. Въ этой инструкціи въ подробности упоминалось о предназначенномъ графу Витгенштейну въ подкрѣпленіе Чичагову движеніи

на лѣвый флангъ отступающаго непріятеля, или на правый по отношенію къ Чичагову. Подлинная инструкція назначалась Чичагову, а копія графу Витгенштейну. Брозинъ, начальникъ канцеляріи нашей, самъ запечаталъ обѣ бумаги, сдѣлалъ надписи на пакетахъ и отправилъ курьеровъ.

Когда главная квартира пришла въ Вильну, Витгенштейнъ, знавшій Брозина лично и хорошо къ нему расположенный, показалъ ему инструкцію, которую графъ получилъ изъ Леташевки. Это была подлинная на имя Чичагова, слѣдственно къ сему послѣднему попала копія. Брозинъ при запечатаніи ошибся надписями. Это не могло имѣть ошибочныхъ послѣдствій,потому что бумаги были, какъ выше сказано, тожественныя. Однако Витгенштейнъ вымылъ голову Брозину.

Поспѣшность Кутузова къ предпринятію фланговыхъ маршей съ Рязанской на Калужскую дорогу и изъ Тарутинскаго лагеря на Малоярославецъ и быстрота въ исполненіи ставятъ его относительно стратегическаго достоинства на одну высоту съ торжествовавшимъ дотолѣ соперникомъ его *). Но не столь великимъ могъ казаться Кутузовъ при преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля. Маршъ отъ Мало-

*) *Позднѣйшее примѣчаніе автора*. Въ 1857 и 1858 году явилась въ Сѣверной Пчелѣ статья, если не ошибаюсь, г. Липранди, выставляющая напротивъ того медленность въ движеніи на Малоярославецъ. Онъ утверждаетъ, что начальникъ штаба, полковникъ Болховской, привезъ Кутузову 10 или утромъ 11 октября рапортъ Дохтурова, что Наполеонъ подошелъ въ большихъ силахъ на лѣвый флангъ нашъ. Если действительно рапортъ этотъ привезенъ въ Леташевку въ то время, какъ показываетъ г. Липранди, то въ этихъ моихъ запискахъ на стр. мнѣ черезъ 39 лѣтъ измѣнила память въ томъ, что не этотъ рапортъ, а донесеніе партизана Сеславина о движеніи Наполеона заставило меня разбудить Коновницына въ ночь на 12 число. Въ такомъ случаѣ я не полагаю, чтобы рапортъ Дохтурова утвердительно разрѣшалъ сомнѣніе о томъ, не Викторъ-ли только, котораго ожидали изъ Смоленска, успѣлъ подойти къ Боровску. Бумаги архива Генеральнаго Штаба въ С.-Петербургѣ могутъ развязать этотъ вопросъ.

ярославца до Днѣпра представлялъ безпрерывное противодѣйствіе Кутузова Коновницыну и Толю. Оба послѣдніе хотѣли преградить путь Наполеону быстрымъ движеніемъ на Вязьму. Кутузовъ хотѣлъ, такъ сказать, строить золотой мостъ разстроенному непріятелю и, не пущаясь съ утомленнымъ войскомъ на отвагу противъ непріятеля, исскусно маневрирующаго, хотѣлъ предоставить свѣжимъ войскамъ Чичагова довершить пораженіе его, тогда какъ длинный маршъ ослабилъ-бы непріятельское войско еще болѣе. Не беру на себя опредѣлить, на которой сторонѣ соображеніе было основательнѣе. Нерѣшительное движеніе арміи выказывало это разъединеніе мнѣній. Отъ Малоярославца пошли было по направленію къ Вязьмѣ, но возвратились, чтобы потомъ опять обратиться къ плану Коновницына и Толя.

Во время пребыванія главной квартиры въ селѣ Полотняныхъ заводахъ, гдѣ Кутузовъ и ближайшій штабъ его заняли огромный каменный со всѣми удобностями домъ, Толь вбѣжалъ въ комнату Коновницына, гдѣ, несмотря на просторъ помѣщенія, происходили канцелярскія занятія наши, и вскричалъ: „Петръ Петровичъ, если мы фельдмаршала не подвинемъ, то мы здѣсь зазимуемъ“. Утомленный старичекъ, начавъ было увлекаться комфортомъ, наступившимъ вдругъ послѣ большихъ лишеній, уступилъ однако необходимости.

Но уже поздно было. Только часть непріятельскаго войска застигнута была 23 октября у Вязьмы и, по несосредоточенію нашихъ силъ, не могла быть остановлена. Засимъ пошли мы форсированными

маршами на Красное, минуя Смоленскъ и обративъ Платова по пятамъ бѣгущаго непріятеля. По приближеніи къ Красному, новыя колебанія. 5 ноября Толь и Коновницынъ совѣтовали атаковать приближавшагося къ Красному непріятеля. Кутузовъ соглашался на это, если только увѣриться можно въ томъ, что не самъ Наполеонъ тутъ командуетъ. Ему представляли, что по вѣрнѣйшимъ донесеніямъ партизановъ, гвардія Наполеона, почему навѣрно полагать можно и онъ самъ, прошли черезъ Ляды (между Краснымъ и Оршею). Наконецъ Кутузовъ согласился атаковать.

Утро было подвинувшись, часть конницы Даву уже прошла Красное и опередила насъ. Успѣхъ нашъ былъ не столь удовлетворительный, какъ если-бы атака произошла ранѣе. Во время сраженія привели плѣннаго баварскаго капитана. Кутузовъ все еще сомнѣвался, не Наполеонъ-ли тутъ командуетъ. Объ этомъ начались распросы капитану на нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ Кутузовъ объяснялся, какъ самый образованный нѣмецъ. Капитанъ не зналъ имени главнокомандующаго непріятельскими войсками, хотя видѣлъ его во время дѣла. Кутузовъ началъ описывать примѣты Наполеона. Когда капитанъ отзывался утвердительно, то Кутузовъ съ видомъ явной боязни, обращаясь къ стоявшимъ позади его, произносилъ: „C'est lui". Когда же капитанъ сказалъ. „Nein er ist sehr gross", то лицо Кутузова прояснилось, и онъ съ полною наконецъ увѣренностью сказалъ „Non cela n'est pas lui.

Когда часу въ пятомъ пополудни сдѣлалось Кутузову извѣстнымъ о множествѣ захваченныхъ плѣн-

ныхъ, пушекъ и обозовъ и, наконецъ, фургона Даву, гдѣ нашли и жезлъ его, Кутузовъ пришелъ въ восторгъ. Это былъ одинъ только случай, при которомъ я видѣлъ его, пустившагося въ галопъ на бѣломъ мекленбургскомъ конѣ своемъ. Онъ подскакалъ къ колоннѣ Преображенскаго полка и вскричалъ „ура“, которое повторилось изъ вѣрной груди великановъ. Остатки Даву уплелись кое-какъ. Главная квартира заняла Красное. Милорадовичъ поставленъ былъ поперекъ дороги, лицомъ къ Смоленску.

Въ туманное утро, при 2—3 градусахъ мороза, приближаясь отъ Смоленска, корпусъ Нея и набрелъ на картечь Милорадовичевыхъ батарей. Это было не сраженіе, а истребленіе непріятельскихъ колоннъ артиллерійскимъ огнемъ. Другихъ усилій не было. Полагали, что остатки Нея должны сдаться, и, потому, задолго до сумерокъ прекратили кононаду, отнявъ множество орудій.

Одинъ только генералъ въ главной квартирѣ предугадалъ, что Ней ускользнуть можетъ. Это былъ Оппερманъ. Онъ находился при особѣ Кутузова безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и едва-ли не Императоромъ былъ присланъ, не помню когда именно, въ главную квартиру. Въ весьма тѣсную избу, которую занималъ Коновницынъ, помѣстивъ тутъ и меня съ бумагами, явился ночью на 7-е число Оппερманъ. Онъ называлъ пунктъ на Днѣпрѣ въ 12 верстахъ отъ Краснаго, гдѣ Ней переправиться и уйти можетъ, и, потому, совѣтовалъ занять тотчасъ этотъ пунктъ сильнымъ отрядомъ. Коновницынъ не соглашался съ его мнѣніемъ. Толя тутъ не было. Коновницынъ пошелъ къ главнокомандующему пред-

ставить о мнѣніи Оппермана, которое однако принято не было. Къ великой чести Оппермана онъ вѣрнѣйшимъ образомъ опредѣлилъ планъ непріятеля. Извѣстно, что Ней, воспользовавшись усилившимся морозомъ, перешелъ черезъ Днѣпръ, набросавъ на тонкій ледъ жерди и солому.

Послѣ Краснаго и перехода вскорѣ черезъ Днѣпръ кончился подвигъ главной арміи. Вышеупоминаемый волонтеръ изъ Воронежа явился въ Оршѣ къ Коновницыну и сказалъ: „Петръ Петровичъ, я довелъ армію до древнихъ предѣловъ Россіи и могу теперь спокойно возвратиться въ домъ мой. Прошу васъ представить меня Свѣтлѣйшему“. Яковъ Ивановичъ, бывъ приведенъ къ Кутузову, бросился передъ нимъ на колѣни и получилъ изъ рукъ его орденъ св. Анны 2 степени. Въ этомъ случаѣ отзывалась въ Кутузовѣ и Коновницынѣ страсть къ шутамъ, свойственная стариннымъ русскимъ барамъ. Притомъ Коновницынъ имѣлъ въ виду кольнуть этою наградою другого волонтера, капитана Молчанова, родственника Коновницына, который ему надоѣдалъ настояніями о доставленіи ему, Молчанову, ордена. Оба исчезли.

Не одинъ Яковъ Ивановичъ, котораго проняли наступившіе морозы, вложилъ мечъ въ ножны. Всей арміи, подвергшейся неимовѣрнымъ трудамъ и лишеніямъ, необходимъ былъ отдыхъ. Она медленно подвигалась къ берегамъ Березины, гдѣ, какъ извѣстно, Чичаговъ могъ истребить остатки непріятельской арміи, но поступилъ съ столь несчастною оплошностью. Въ Вильнѣ князь Кутузовъ однажды воскликнулъ у себя за обѣдомъ, когда произнесли

тостъ побѣдителю: „Ахъ, не все сдѣлано! Если-бы не адмиралъ, то простой псковской дворянинъ сказалъ-бы:—Европа дыши свободно!“ Онъ намекалъ на возможность взятія самаго Наполеона.

Коновницынъ отъ большихъ усилій физическихъ и нравственныхъ ослабѣлъ въ здоровьѣ и долженъ былъ, по прибытіи главной квартиры въ Вильну, просить увольненія въ отпускъ. Атлетическое сложеніе Толя, который, впрочемъ, былъ и гораздо моложе Коновницына, противостояло колоссальному труду. Мы, подчиненные Петра Петровича, разстались съ нимъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, какъ дѣти съ отцомъ. Но въ обращеніи съ нами новаго начальника главнаго штаба, князя Петра Михайловича Волконскаго, мы нашли полное вознагражденіе. Впрочемъ тотъ-же Карлъ Федоровичъ, столь благороднаго характера, оставался посредникомъ между нами и начальникомъ штаба.

Поводомъ къ составленію сихъ записокъ черезъ 38 лѣтъ послѣ незабвенной эпохи было желаніе доставить исскусному перу нѣкоторые матеріалы для составленія біографіи графа Толя, котораго лицо неразлучно съ происшествіями того времени. И если примѣшалъ я въ разсказѣ моемъ и другія лица, то потому единственно, что воспоминанія о подробностяхъ той эпохи имѣютъ для участвовавшихъ въ ней прелесть непреодолимую, и я завлекся, такъ сказать, противъ воли. Впрочемъ при описаніи происшествій главный дѣлатель выказывается самъ собою. Ибо сомнѣнія нѣтъ, что изъ трехъ лицъ, въ которыхъ, какъ солнце въ каплѣ воды, отсвѣчивалось понятіе о Томъ, Котораго воля кара-

ла осквернителя святыхъ храмовъ Его—изъ трехъ лицъ сихъ, говорю, Карлъ Федоровичъ, какъ талантъ собственно военный, совершенно равнялся самому Наполеону. Это былъ маятникъ въ часахъ правильнаго хода. Притомъ нельзя себѣ представить, съ какимъ хладнокровіемъ онъ распоряжался въ самые критическіе моменты среди горѣвшаго сраженія, какъ точны и ясны были его приказанія разсылаемымъ офицерамъ.

Немудрено стоять подъ огнемъ съ наружностью спокойною—въ этомъ смыслѣ мы всѣ храбры. Но какая польза, когда отъ внутренняго волненія смѣшиваются понятія, и приказанія начальника противорѣчатъ одно другому. Не таковъ былъ Толь. На полѣ сраженія, гдѣ онъ всегда искалъ опаснѣйшіе пункты, онъ былъ истинно великъ. И только святотатственная ловкость Данилевскаго, повѣствуя происшествія 1812 года, умѣла умолчать о главной двигательной пружинѣ, которая перенесла дѣйствіе свое и на дѣла 1813 года. Это отчасти должно усматриваться изъ моего журнала той войны, извлеченнаго изъ подлинныхъ бумагъ, проходившихъ черезъ руки мои, и сообщеннаго г. Бернгарди.

Окончивъ краткій разсказъ мой, я предоставляю себѣ изложить нѣкоторыя отдѣльныя черты Карла Федоровича изъ поприща его въ 1813 году, когда со временемъ получу обратно отъ г. Бернгарди мой журналъ той войны, безъ котораго, съ одной стороны, я могу ошибаться въ числахъ времени и названіи мѣстъ, а, съ другой стороны, впасть въ повторенія, ибо многія происшествія, въ коихъ было участіе незабвеннаго генерала, значатся въ томъ

журналѣ. Онъ лежалъ у меня безъ прочтенія со времени составленія въ 1813 году изъ подлинныхъ бумагъ, бывъ сообщенъ покойному Данилевскому въ 1837 году и нынѣ г. Бернгарди.

Что касается до описанія нравственной стороны графа Толя, то конечно г. Бернгарди откроется достаточно данныхъ для полной біографіи. Я только знаю, что вообще жизнь графа Толя оправдывала девизъ, имъ избранный: „Thue recht und schaue niemand".

Записки Крейца.

Авторъ записокъ, баронъ, впослѣдствіи графъ, Кипріанъ Антоновичъ Крейцъ, родился въ 1777 году. Онъ началъ военную службу въ польскихъ войскахъ при послѣднемъ польскомъ королѣ Станиславѣ Августѣ. Въ 1801 году принятъ на русскую службу; въ 1808 году назначенъ командиромъ Сумскаго гусарскаго полка, въ 1810 году—командиромъ Сибирскаго драгунскаго полка, во главѣ котораго и дѣлалъ кампанію 1812 года; участвовалъ въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ и, впослѣдствіи, въ кампаніяхъ 1828, 1829 и 1831 годовъ. Скончался въ 1850 году.

Записки Крейца, писанныя дурнымъ русскимъ языкомъ, представляютъ тетрадь in quarto и хранятся въ числѣ матеріаловъ, собранныхъ Михайловскимъ Данилевскимъ. Время составленія записокъ не указано, но, судя по анахронизмамъ, допущеннымъ авторомъ, онѣ написаны, во всякомъ случаѣ, послѣ 1819 года. Изъ историковъ Отечественной войны ими пользовался Богдановичъ.

I.

Задача, возложенная на 3 кавалерійскій корпусъ съ началомъ военныхъ дѣйствій. Дѣло Крейца съ кавалеріей Пажоля при м. Ошмянахъ. Движеніе корпуса Палена черезъ Козяны къ Дриссѣ. Дѣло съ кавалеріей Монбрена на высотѣ м. Бѣшенковичъ. Отступленіе отъ Витебска. Движеніе Крейца съ Сибирскимъ полкомъ на соединеніе съ Паленомъ. Крейцъ вступаетъ въ командованіе 3 кавалерійскимъ корпусомъ. Дѣйствія подъ Смоленскомъ. Отступленіе отъ Смоленска. Бой подъ Вязьмою.

1812 года, въ мѣсяцѣ іюнѣ, 3 кавалерійская дивизія, подъ командою генералъ-маіора графа Палена I, состояла изъ гусарскихъ полковъ—Сумскаго и Маріупольскаго, и драгунскихъ—Сибирскаго и Иркутскаго, Курляндскаго и Оренбургскаго, и конной артиллеріи полковника Никитина, но Курляндскій полкъ былъ въ откомандировкѣ.

Она расположена была отъ Бреста до Интуры. Дивизіонная квартира, въ Высоко-Литовскѣ, числилась при 3 (?) корпусѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эссена I, и принадлежала ко 2 арміи, подъ начальствомъ князя Багратіона. Корпусная квартира была въ г. Кобринѣ, а главная — въ г. Волковыскѣ.

Въ скорости дивизія сія получила названіе 3 кавалерійскаго корпуса и получила повелѣніе сосредоточиваться въ г. Лидѣ, но сіе тогда послѣдовало, когда непріятель занялъ уже Гродно, Вильно и Ковно, и подвигался внутрь Россіи.

Корпусъ сей, или дивизія, усилена егерскими полками—19-мъ и 40-мъ, находилась 14 іюня въ г. Лидѣ и того-же дня вышла въ м. Липнышки.

оный отваливать. Драгуны, удерживая ихъ прежде выстрѣлами пистолетными, дозволили, наконецъ, имъ строиться. Но лишь только довольное число непріятеля собралось, полковникъ Крейцъ приказалъ поэскадронно ударять на него и, такимъ образомъ, три раза ихъ опрокинувъ и взявъ одного штабъ-офицера и около 50 рядовыхъ въ плѣнъ, выигрывалъ время, ему нужное. Но, получивъ извѣстіе, что пѣхота приближается къ лѣсу, и что при ней находится кавалерія, полковникъ Крейцъ началъ отступать въ порядкѣ, однако на доброй рыси.

Непріятель, не зная, что находится въ тылу за нами, не смѣлъ сильно насѣдать и только передъ лѣсомъ произвелъ атаку, но былъ штабсъ-капитаномъ Микутовичемъ отбитъ, однако преслѣдовалъ до Нарбутовщизны, гдѣ гусары, соединясь съ драгунами, успѣли мостъ разобрать и за онымъ построиться. Фланкеры перестрѣливались черезъ рѣчку.

Обѣ стороны сидѣли на коняхъ до вечера. Получивъ извѣстіе, что графъ Паленъ вступилъ въ Сморгони, отрядъ прибылъ ночью къ корпусу. Маленькое сіе дѣло стоило намъ нѣсколько офицеровъ убитыхъ и 36 рядовыхъ, но имѣло послѣдствіемъ, что графъ Паленъ успѣлъ мостъ, надгорѣвшій, построить и черезъ Вилію переправиться *).

На другой день полковникъ Крейцъ, командуя арьергардомъ, принялъ орудіями непріятеля, желавшаго горѣвшій мостъ отбить, и безъ потери при-ъ въ м. Жодишки.

[illegible] при Ошмянахъ происходило въ дѣйствительности не 16,

Тамъ освѣдомился графъ Паленъ, что было сраженіе подъ Кочеришками, что непріятель гораздо впереди его отряда, и что корпусъ Дохтурова пошелъ къ м. Поставамъ. По общему совѣту отрядъ направился къ оному мѣсту и пришелъ черезъ нѣсколько маршей къ с. Козянамъ, откуда за день ушелъ съ корпусомъ генералъ Дохтуровъ. Полковникъ Крейцъ, командуя арьергардомъ, имѣлъ незначущую встрѣчу только за д. Свиромъ.

Въ Козянахъ непріятель началъ вездѣ сильно показываться, и за рѣчкою показался прусскій гусарскій полкъ. Положеніе отряда становилось со дня на день опаснѣе. Корпусъ Дохтурова быстро шелъ на соединеніе къ Дриссѣ. Мы совершенно находились на воздухѣ. Генералъ Паленъ, не имѣя никакой пользы съ генераловъ Скалона и Дяткова, незнакомыхъ съ войною, поручилъ всю пѣхоту полковнику Вуичу, артиллерію—полковнику Никитину, а кавалерію – полковнику Крейцу, и рѣшился не пропускать его черезъ рѣчку безъ наказанія. Но прибывшій изъ главной квартиры генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде съ повелѣніемъ отдать въ его команду Маріупольскій гусарскій полкъ, доставилъ графу Палену приказаніе спѣшить къ Дриссѣ прямѣйшимъ путемъ. Посему весь отрядъ, кромѣ сказаннаго полка, пошелъ къ деревнѣ.....*)

Ночью полковникъ Крейцъ стоялъ впереди оной съ арьергардомъ, какъ вдругъ на передовыхъ постахъ сдѣлалась тревога. Ночь была мѣсячная, и толпы кавалеріи неслись на всемъ скаку по дорогѣ къ арьергарду. Уже передовые эскадроны вы-

*) Пропускъ въ подлинной рукописи.

ступили на встрѣчу, но это былъ Маріупольскій полкъ, разбитый французами въ Козянахъ. Непріятель преслѣдовалъ его быстро. Полковникъ Крейцъ, выручивъ его, собралъ, и нашлось 6 эскадроновъ гусаръ; командиръ полка, полковникъ князь Вадбольскій, оторвался съ барономъ Винцингероде въ другую сторону съ двумя эскадронами. Итакъ потеря ихъ происходила (?) до 200 человѣкъ, но храбрый Фигнеръ былъ тяжело раненъ. На 3-й день и сіи эскадроны соединились съ отрядомъ, и полкъ Маріупольскій остался подъ командою графа Палена.

Хотя и дано было повелѣніе графу Палену слѣдовать прямѣйшимъ путемъ къ Дриссѣ, но пути сего не было—нашъ походъ былъ фланговый, а непріятель дебордировалъ нашей колонны голову. Мы рисковали быть отброшены и по Двинѣ искать переправы. Графъ Паленъ сдѣлалъ двѣ колонны: лѣвую поручилъ Крейцу—родъ авангарда, а правымъ (?) самъ командовалъ; обѣ колонны шли параллельно въ разстояніи около 2 верстъ. Въ случаѣ нападенія непріятеля на голову колонны Крейца, Паленъ могъ его выручать обходомъ во флангъ, что и встрѣтилось на другой день марша отъ сказанной деревни. Непріятель напалъ на Крейца, не съ флангу и не на хвостъ, но на голову. Крейцъ принялъ сраженіе, сталъ въ боевой порядокъ и, сличаясь (?) съ мѣстоположеніемъ, построился по среднимъ колоннамъ, чѣмъ далъ больше способности Палену ударить во флангъ, и непріятель отступилъ влѣво. Обѣ колонны составили одну, Крейцъ сдѣлался арьергардомъ, и непріятель неуспѣлъ больше насъ обгонять.(?)

Движеніе сіе скрывалось въ тайнѣ между сими только двумя лицами, дабы не обезкуражить войска; оно сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ успѣха. Потеря наша была незначительна. Послѣ нѣсколькихъ маршей, довольно покойныхъ, но голодныхъ и безводныхъ, отрядъ прибылъ къ Дриссѣ въ цѣлости и большомъ духѣ.

Мы были тощи, черны, замараны, но удостоились Высочайшаго смотра на походѣ, были одобрены и осчастливлены милостью къ умному и любимому нашему начальнику, который въ лицѣ (?) Государя отдавалъ справедливость помощнику своему Крейцу. Это былъ счастливый день! Но графъ Паленъ отъ дурной воды и трудовъ получилъ болѣзнь, которая не дозволила служить ему дальше Смоленска и которая по нынѣ въ немъ продолжается.

Отъ Дриссы составлены два авангарда: правый—по рѣкѣ Двинѣ къ Витебску, подъ командою графа Палена, а лѣвый—подъ командою генералъ-адъютанта барона Корфа. Непріятель не преслѣдовалъ, а шелъ лѣвымъ берегомъ на одной высотѣ съ нами. Это были два большія фланговыя движенія, раздѣленныя рѣкой, и, посему, перестрѣлка боковыхъ патрулей продолжалась безпрерывно. Полковникъ Крейцъ, командуя авангардомъ, т. е. боковыми патрулями, требовалъ отъ Французовъ не стрѣлять понапрасну, но сіе не было принято.

Когда мы пришли противу города Дисны, сей городъ не былъ еще занятъ Французами. Лейбъ-гусарскій полкъ и Лейбъ-казачій причислены были къ прежнему отряду Палена. Мимо запрещенія, многіе сихъ полковъ офицеры переправились Двину,

дабы поѣсть въ трактирѣ, какъ вдругъ показались Французы, то, дабы ихъ выручить, должно было непріятеля артиллеріею остановить, что полковникъ Никитинъ весьма удачно исполнилъ. Однако мы потеряли больше 10 человѣкъ отъ орудій противныхъ и перестрѣлкою черезъ рѣку.

Наконецъ пришли мы къ рѣчкѣ ....*) между Полоцкомъ и Витебскомъ, круто-берегой, весьма глубокой, черезъ которую, при самомъ устьѣ ея въ Двину, на одномъ паромѣ нужно было переправляться цѣлому авангарду. Непріятель на противномъ берегу Двины выставилъ 8 орудій и по нашимъ колоннамъ началъ сильный производить огонь. Генеральнаго Штаба подполковникъ Гавердовскій имѣлъ порученіе устроить вверху переправу, но мѣсто не позволяло. Посему графъ Паленъ приказалъ всей своей артиллеріи дѣйствовать съ праваго берега, которая и заставила непріятеля умолкнуть, и мы переправились съ малою потерею. Обозъ нашъ соединился съ нами въ Полоцкѣ безъ малѣйшей потери.

Слѣдуя по большой дорогѣ, отрядъ Палена пришелъ на высоту м. Бѣшенковичъ, въ 7 верстахъ отстоящаго. Посланная Л.-Гв. казачья сотня для развѣдыванія переплыла Двину въ виду непріятеля, ворвалась въ мѣстечко, перебила часть непріятеля, захватила языкъ и, къ удивленію всѣхъ, обратно безъ потери возвратилась. Она донесла, что въ ономъ находился Монбренъ и началъ переправляться. Если-бы онъ сіе исполнилъ раньше, какъ могъ, то

*) Пропускъ въ подлинной рукописи.

мы были бы совершенно отрѣзаны, но онъ покойно промедлилъ въ Бѣшенковичахъ три дня.

Паленъ, отойдя за 3 версты по дорогѣ къ Витебску отъ точки, гдѣ соединяется дорога изъ Бѣшенковичъ съ большою, оставилъ на точкѣ авангардъ, изъ 1 баталіона 40 егерскаго полка, Маріупольскаго гусарскаго и Сибирскаго драгунскаго полковъ составленный. Какъ дорога въ Бѣшенковичи была лѣсистая, то и велѣно пѣшему баталіону съ 4 орудіями стать на оной въ 2 верстахъ отъ точки и разломать впереди мостъ; два эскадрона посланы впередъ къ Бѣшенковичамъ для развѣдыванія, а весь авангардъ сталъ при самой точкѣ соединенія обѣихъ дорогъ. Но храбрый, усердный и немного хмѣльной егерскій полковникъ Бутовскій I или Бутковскій (не помнится) зашелъ съ баталіономъ и орудіями больше 5 верстъ и встрѣтился съ сильною французской конною колонною, которая, опрокинувъ гусаръ, начала сильно атаковать пѣхоту. При первомъ нападеніи можно было ее счесть потерянною. Посланная кавалерія въ подкрѣпленіе была слабѣе непріятельской, а пѣхота наша не могла поспѣть. Храбрый, однако, полковникъ сдѣлалъ каре, прикрылъ его стрѣлками, то дрался, то отступалъ, и вышелъ безъ потери, кромѣ нѣсколькихъ раненыхъ и убитыхъ 2 рядовыхъ. Но на самой точкѣ завязалось дѣло, и Маріупольскій полкъ значительный имѣлъ успѣхъ и больше 60 человѣкъ отхватилъ въ плѣнъ.

Послѣ сего арьергардъ постоянно дрался до самаго Витебска подъ командою того-же полковника Крейца. Въ 28 верстахъ было сильное на

оный нападеніе, въ которомъ Маріупольскій маіоръ Кличка убитъ, но непріятель былъ отбитъ, и весь отрядъ Палена вступилъ 15 іюля въ городъ Витебскъ, гдѣ соединился съ арміею и былъ усиленъ Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ.

Тогда уже произошли подъ Островной дѣла графа Остермана и графа Коновницына, но не могли остановить непріятеля. 16-го вся армія стала на позицію, авангардъ или отрядъ графа Палена пошелъ впередъ на рѣчку . . . *). На разсвѣтѣ началось дѣло. Полковникъ Крейцъ съ Курляндскимъ, Сибирскимъ и Иркутскимъ полками отправленъ былъ на оконечность лѣваго фланга отряда для наблюденія за непріятелемъ и прикрытія фланга.

Послѣдствія дѣла сего извѣстны неслыханнымъ примѣромъ. Наша армія отступила въ полдень въ виду непріятеля. Авангардъ дрался до поздней ночи безъ всякаго подкрѣпленія. Наполеонъ самъ предводительствовалъ. Всякій полкъ нѣсколько разъ ходилъ въ атаку и недопустилъ непріятеля утвердиться на правомъ берегу рѣчки, отталкивая онаго въ воду. Сумскій полкъ дрался отлично и много утерялъ. Графъ Паленъ заслужилъ истинную славу и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а полковникъ баронъ Крейцъ—въ генералъ-маіоры. Наконецъ въ 12 часовъ ночи началось отступленіе. Самъ непріятель кажется почтилъ храбрость сей горсти русскихъ и ихъ не преслѣдовалъ.

Графъ Паленъ составлялъ правый флангъ авангарда, а генералъ-маіоръ Шевичъ—лѣвый. Къ сему послѣднему генералъ-маіоръ баронъ Крейцъ при-

*) Пропускъ въ подлинной рукописи.

численъ былъ съ Сибирскимъ и Иркутскимъ полками. Лѣвый не имѣлъ никакихъ дѣлъ до самаго Смоленска, но изъ сего города баронъ Крейцъ былъ отправленъ генераломъ Ермоловымъ для открытія 2 арміи и, встрѣчаясь съ разными французскими шайками и оныя опрокидывая, открылъ наконецъ въ м. Любавичахъ казаковъ графа Платова и гусаръ Изюмскихъ. Откуда возвратясь, посланъ былъ въ с. Надву и, тамъ напавъ на Баварцевъ, грабившихъ храмы Божіи, побилъ и до 30 плѣнныхъ привелъ въ Смоленскъ.

Между тѣмъ непріятель усиливался въ лѣсахъ Смоленскихъ, и довольно значительный генерала Себастіани отрядъ занялъ Инково и Рудню.

Графъ Паленъ получилъ приказаніе оный разбить. Генералъ-маіоръ Крейцъ находился тогда по Днѣпру внизъ, въ 15 верстахъ отъ Смоленска, а въ 40—отъ отряда Палена, и получилъ приказаніе съ нимъ соединиться. Куда поспѣшая съ Сибирскимъ полкомъ, нашелся ночью между болотистою рѣчкою направо, а налѣво французскими войсками, и безъ хорошаго проводника былъ бы совершенно истребленъ. Но сей, зная всякое мѣсто, гдѣ постъ непріятельскій находился, провелъ оный между криками: „qui vive?“ и отвѣтами нашими: „France!“, до самаго отряда графа Палена, которому давъ достаточныя свѣдѣнія о положеніи непріятеля, на разсвѣтѣ вступилъ въ дѣло и въ ономъ участвовалъ столько, сколько состояніе лошадей, утомленныхъ быстрыми и частыми движеніями, могло ему дозволить.

Совершенная побѣда увѣнчала подвиги войскъ графа Палена, но это былъ его послѣдній въ сей кампаніи (болѣзнь его совершенно одолѣла), и войска 3 кавалерійскаго корпуса поступили въ команду къ Крейцу, но Сумскій, Маріупольскій и Курляндскій полки были откомандированы, какъ обыкновенно бываетъ съ младшими; остались же при немъ полки: Сибирскій, Оренбургскій и Иркутскій съ двумя старшими его генералами—Скалономъ и Дятковымъ, а всего 15 слабыхъ эскадроновъ.

Вслѣдъ за симъ, получилъ онъ приказаніе сдѣлать поискъ на Французовъ въ лѣсахъ, прикрывающихъ дорогу изъ г. Порѣчья къ Красному, гдѣ и сдѣлалъ нѣкоторое число плѣнныхъ, не встрѣтивъ однако никакихъ значительныхъ отрядовъ, а 4-го августа ночью получилъ черезъ нарочнаго повелѣніе слѣдовать поспѣшнѣе къ Смоленску и соединиться съ генераломъ Дохтуровымъ, куда прибывъ, отправленъ былъ за городъ черезъ Малаховскія ворота. Въ скорости наступила атака города, генералъ Скалонъ убитъ, а какъ кавалерія была безполезна и теряла людей даромъ, то и велѣно перейти Крейцу назадъ черезъ Днѣпръ и прикрывать нашъ лѣвый флангъ у храма Ахтырской Богоматери. Непріятельская артиллерія съ противнаго берега и пѣхота изъ кустарниковъ наносили огромный вредъ войскамъ Крейца; то онъ для предохраненія ихъ приказалъ лошадей кормить и части драгунъ спѣшиться, идти въ стрѣлки по берегу Днѣпра, который тамъ былъ очень узокъ; гдѣ и производилъ перестрѣлку черезъ всю ночь до самаго разсвѣта, а съ онымъ получилъ повелѣніе отступать къ Лав-

рову, или Валентинову, гдѣ соединясь съ барономъ Корфомъ, вступилъ въ жаркое и трудное дѣло подъ онымъ селеніемъ, послѣ окончанія котораго отправленъ былъ на дорогу, идущую лѣвѣе, прикрывать отступленіе гвардейскаго корпуса, что и исполнялъ до самой Соловьевой пристани съ довольнымъ успѣхомъ. Послѣ перехода гвардіи черезъ Днѣпръ, онъ оставался при сей переправѣ и, по прибытіи главнаго арьергарда, соединясь съ онымъ, вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ. Наконецъ дозволено было отдохновеніе войскамъ Крейца, и онъ слѣдовалъ покойно между арьергардомъ и арміею до самаго города Дорогобужа.

Здѣсь обѣ арміи стояли на позиціи въ ожиданіи встрѣтить непріятеля. Генералъ-маіоръ Крейцъ получилъ повелѣніе слѣдовать на оконечность арміи князя Багратіона и поступить въ команду генералъ-адъютанта Васильчикова. Но генеральное сраженіе признано было безполезнымъ. Крейцъ долженъ былъ прикрыть отступленіе 2 арміи и перетерпѣть нѣкоторую потерю, а потомъ получилъ повелѣніе перейти Днѣпръ въ Дорогобужѣ и составлять арьергардъ корпусовъ Тучкова и Багговута, для чего и былъ усиленъ однимъ казачьимъ полкомъ и бригадою егерей, подъ командою полковника Потемкина. Тогда были три арьергарда: на большой дорогѣ прикрывалъ армію графъ Платовъ, налѣво генералъ-адъютантъ Васильчиковъ прикрывалъ армію князя Багратіона, а направо генералъ-маіоръ Крейцъ прикрывалъ два сказанные корпуса.

Перваго дня отступленія непріятельская кава-

лерія сдѣлала попытку на арьергардъ Крейца, но была съ потерею отбита, и даже лошади верховыя одного генерала, который тутъ былъ убитъ, достались въ руки побѣдителей. Послѣдующіе дни непріятель слѣдовалъ за нами въ виду, были частыя перестрѣлки, но не насѣдалъ. Уже оба корпуса приближались къ городу Вязьмѣ, Крейцъ получилъ приказаніе отъ генерала Ермолова медлить отступленіе и оставаться направо отъ дороги, въ 15 верстахъ отъ города, дабы дать время всей арміи перейти городъ. Въ тоже время и графъ Платовъ прислалъ повелѣніе, въ которомъ, предписуя Крейцу держаться до ночи въ своей позиціи, ибо онъ и самъ (какъ изъясняется въ повелѣніи) намѣренъ ударить даже на дротики. Пушечные выстрѣлы по большой дорогѣ извѣстили атаку на графа Платова. Крейцъ, имѣя три полка драгунъ, одинъ казачій и 2 орудія (пѣхота отошла къ корпусу), взялъ позицію при деревнѣ и въ часу двѣнадцатомъ началъ быть атакованъ кавалеріею и стрѣлками пѣхоты. Противу сихъ посланы были драгуны спѣшенные, и Французы, полагая пѣхоту, не смѣли атаковать рѣшительно; два конныя орудія поддерживали спѣшенныхъ драгунъ.

Между тѣмъ графъ Платовъ слалъ одного адъютанта за другимъ, чтобы Крейцъ держался. Пушечные выстрѣлы однако слышны были уже назади. Крейцъ послалъ о семъ развѣдать, но посланный не возвратился, другой тоже, наконецъ третій прискакалъ съ донесеніемъ, что два прежніе захвачены непріятелемъ, что графъ Платовъ въ полномъ отступленіи и не ударилъ на дротики, и что непріятель у насъ въ тылу займетъ въ скорости непремѣнно

всѣ дороги и насъ броситъ въ рѣку. Крейцъ приказалъ отступать и непріятель насѣлъ пѣхотою и конницею при переходѣ черезъ дефиле; даже было утерялъ орудіе, но штабсъ-капитанъ баронъ Оффенбергъ I, прикрывавшій оныя, отбилъ.

Непріятель началъ показываться на обоихъ флангахъ. Эскадронъ Сибирскій ротмистра Трукова, посланный на правый флангъ, дабы не дозволить оный обойти, встрѣтилъ большія силы и, казалось, что совершенно пропалъ. Часъ отъ часу трудность дѣлалась больше, а особенно при приближеніи къ вечеру и къ городу непріятель становился яростнѣе, а оставалось пройти еще одно дефиле. Крейцъ сталъ передъ дефиле съ Сибирскимъ полкомъ, прочимъ велѣлъ галопомъ проходить оное и, когда непріятель наступилъ сильно, повелъ на него атаку, опрокинулъ и поспѣшно соединился съ отрядомъ, однако-жъ не безъ потери. Какъ непріятель не смѣлъ послѣ сего соваться въ дефиле, которое обстрѣливало два орудія,то и не безпокоилъ насъ больше, но впрочемъ наступила ночь, и пламя огромное возсвѣтило (?), что городъ уже очищенъ и истребляется. Крейцъ пошелъ къ оному и въ десятомъ часу ночью едва успѣлъ пробраться съ отрядомъ между пылающими домами. Въ городѣ существовала смертная тишина. Не видя никого и незная, гдѣ наши войска, онъ остановился за онымъ и на разсвѣтѣ открылъ армію въ близости и, къ большому удовольствію, эскадронъ Трукова, который, потерявъ 30 человѣкъ, пробился сквозь непріятеля.

II.

Крейцъ въ арьергардѣ Коновницына. Бой подъ Гжатскомъ. Сраженіе при Бородинѣ. Тяжелыя потери артиллеріи. Крейцъ получаетъ 6 ранъ. Потери Сибирскаго драгунскаго полка. Ослабленіе кавалеріи послѣ Бодинскаго сраженія. Бой при Тарутинѣ и Малоярославцѣ. Дѣйствія Корфа подъ Царево-Займищемъ. Бой подъ Вязьмою. Нерѣшительность дѣйствій подъ Краснымъ. Бездѣйствіе Корфа. Причины гибели французской арміи.

Отъ Вязьмы порученъ былъ главный арьергардъ храброму и достойному генералу Коновницыну. Крейцъ прикрылъ тѣ-же корпуса по Бѣльской дорогѣ. Съ разсвѣтомъ непріятель, занявъ городъ, повелъ сильную атаку на генерала Коновницына. По малости кавалеріи онъ пригласилъ Крейца занять лѣвый флангъ, который, упросивъ отъ себя генерала Дорохова, чтобы онъ прикрылъ дорогу, куда пошли его корпуса, вступилъ 15 августа въ дѣло, не далъ обойти нашего лѣваго фланга и потомъ ночью, съ благодарностью Коновницына, отошелъ къ своему мѣсту.

Корпусъ маршала (кажется) Даву шелъ вслѣдъ за нами по Бѣльской дорогѣ. Ежедневно съ утра до вечера происходили перестрѣлки, а иногда почти и сраженія, которыя кончались обыкновенно уступленіемъ непріятелю какой рѣчки или ручья. Въ селеніяхъ не было ни одной души. Безсмертный Коновницынъ бодрствовалъ съ твердостью и успѣхомъ, удивляющимъ самихъ Французовъ. Наконецъ подъ дер. . . . *) непріятель сильно его потѣснилъ. Коновницынъ призвалъ опять Крейца съ кавалеріею. Занимая правый флангъ его, Крейцъ принялъ зна-

*) Пропускъ въ подлинной рукописи.

чительное участіе въ разбитіи непріятельской кавалеріи и ночью сталъ на своемъ мѣстѣ.

Тоже послѣдовало подъ г. Гжатскомъ, но съ другимъ послѣдствіемъ. Какъ арьергарды отступали медленно и вездѣ сильный непріятелю давали отпоръ, то наша армія ушла нѣсколько за далеко, а непріятель придвинулся слишкомъ близко, и арьергарды должны были драться не съ одними передовыми непріятельскими отрядами, но даже съ цѣлыми корпусами. Длинный лѣсъ подъ Гжатскомъ, самъ городъ и мостъ въономъ сдѣлались опасными пунктами для ретирады. Сіе стоило сраженія. Генералъ Коновницынъ, опасаясь быть обойденнымъ съ праваго фланга, призвалъ Крейца къ себѣ, который съ отрядомъ, ставъ правымъ флангомъ къ р. Гжати по Бѣльской дорогѣ, а лѣвымъ къ лѣсу, занятому нашею пѣхотою, вступилъ въ жаркое дѣло.

Бѣльская дорога ближе вела къ мосту, нежели большая, на которой дрался Коновницынъ, то сей генералъ прислалъ полковника Гавердовскаго къ Крейцу съ словами: „что для спасенія многаго надо пожертвовать меньшее, и, посему, онъ спрашиваетъ Крейца, согласенъ ли онъ держаться, покуда всѣ войска Коновницына протянутся черезъ мостъ, а можетъ быть и умереть.?“ Отвѣтъ былъ „согласенъ“, и Крейцъ просилъ только, чтобы, если будетъ побитъ, не обвиняли его понапрасну.

Послѣдствія дѣла сего извѣстны, но неизвѣстно никому, что Крейцъ былъ припертъ къ рѣкѣ и окруженъ непріятелемъ, что онъ бросился съ отрядомъ въ рѣку, протянулъ по дну рѣки свои орудія, переплылъ оную (она тутъ не широка), уте-

рявъ только убитыхъ и раненыхъ, перешелъ на другой берегъ. Но и тутъ по большой дорогѣ непріятель уже былъ впереди его. Онъ шелъ полемъ, ломалъ заборы, въ той сторонѣ частые, но служившіе ему нѣкоторою оградою отъ нападенія непріятеля, и, наконецъ, вышелъ къ деревнѣ (кажется), Машкову и, за оную скрывъ свои войска, началъ кормить людей и лошадей.

Противу деревни находилась высота и ровъ, или сухая рѣчка, оной правѣе; пикеты стояли на горѣ, а полкъ казачій въ сей лощинѣ. Деревня была занята Иркутскимъ полкомъ. Около 4 часовъ пополудни пикеты начали быть сбиваемы, и вдругъ вся гора покрылась сильною кавалеріею, и два орудія открыли огонь по деревнѣ. Едва войска успѣли сѣсть на коней, оставивъ котлы у огня, какъ Иркутскій полкъ повелъ атаку съ фронта, а казачій во флангъ. Непріятель былъ смятъ, сбитъ и прогнанъ; едва успѣлъ спасти орудія. Слишкомъ 500 захвачено въ плѣнъ съ офицерами, по словамъ которыхъ было 16 эскадроновъ Баварцевъ, но кажется меньше на семъ мѣстѣ. Войска возвратились къ котламъ и сѣну и покойно переночевали. Генералъ Коновницынъ почтилъ Крейца своимъ посѣщеніемъ.

Генералъ Крейцъ, продолжая отступленіе и командованіе правымъ флангомъ арьергарда, приближался 24 августа къ Бородинской позиціи. Непріятель нападалъ ежедневно. Ежедневное происходило кровопролитіе, и 24, при дер. . . . .* кирасиры непріятельскіе напали на отрядъ, но были разбиты. Слишкомъ 300 забрано въ плѣнъ и соединившись

* Пропускъ въ подлинной рукописи.

25-го съ большою арміей, доставилъ въ главную квартиру сей трофей.

26-го незабвенное Бородинское дѣло. Считая оное послѣднимъ въ своей жизни, всякій дрался, чтобы увѣковѣчить свое имя. Генералъ Крейцъ командовалъ 3 кавалерійскимъ корпусомъ, т. е. тремя драгунскими полками, усиленными наканунѣ шестыми эскадронами, вновь сформированными. На самомъ разсвѣтѣ получилъ онъ повелѣніе графа Барклая черезъ полковника Закревскаго спѣшить на лѣвый флангъ батареи Раевскаго.

Крейцъ подъ сильными выстрѣлами пушечными и ружейными выстроилъ въ 1-ю линію Сибирскій и Оренбургскій полки, а Иркутскій, какъ слабѣе, назначилъ въ резервъ; примкнула къ нему конная артиллерія съ 12 орудіями роты Смагина, и, какъ пѣхота непріятельская приближалась къ фронту, то Сибирскій полкъ немедленно бросился въ атаку, и линія возстановилась. Показались потомъ вестфальскіе карабинеры, и тѣ были атакованы съ успѣхомъ и опрокинуты. Дымъ пороха не дозволялъ видѣть вовсе непріятельскія движенія. Между тѣмъ рота артиллеріи была истреблена и отослана назадъ. На мѣсто ея прибыла рота Никитина. Ни храбрость начальника, ни мѣткость выстрѣловъ не предохранили ея тоже отъ истребленія. Лошади и люди побиты, ящики взорваны, орудія и самъ полковникъ ранены. Замѣнены были ротою Кандибы.

Между тѣмъ Крейцъ былъ также раненъ пѣхотною пулею, и двѣ лошади подъ нимъ были убиты; но еще остался при фронтѣ, котораго ряды ежеминутно слабѣли. Потомъ начались кавалерійскія

атаки съ перемѣнчивымъ счастьемъ. Генералъ Дятковъ раненъ былъ саблею. Крейцъ получилъ другую рану, но еще дрался и держалъ свою позицію; въ 2 часа, бывъ раненъ картечью, упалъ съ лошади, которая также была убита, но посаженъ на другую, продолжалъ еще дѣйствовать, какъ вдругъ сильнымъ натискомъ непріятельской кавалеріи опрокинутъ и еще три раза раненъ, отнесенъ былъ въ полицейскую (?) линію для перевязки и оставался больнымъ до Тарутинскаго дѣла.

Въ семъ случаѣ Иркутскій полкъ подъ командою подполковника Южакова не сдѣлалъ своей обязанности, и полки Сибирскій и Оренбургскій выручены были полковникомъ Эммануэлемъ, который съ Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ смѣло ударилъ во флангъ непріятельскій и пріостановилъ его стремленіе, но 8 орудій раненыхъ (?) роты Кандибы захвачены были непріятелемъ, которыя однако-же Сибирскаго полка поручикъ баронъ Оффенбергъ 2 своимъ эскадрономъ отбилъ назадъ и за то получилъ 4-го Владиміра съ бантомъ.

Послѣ дѣла Сибирскій драгунскій полкъ остался въ числѣ 125 рядовыхъ и 3 офицеровъ: штабсъ-капитанъ баронъ Оффенбергъ I командовалъ полкомъ и двумя эскадронами, поручикъ баронъ Оффенбергъ 2-й, который былъ 2 раза раненъ, и поручикъ Жолынскій. Прочіе были ранены или убиты. Самъ Крейцъ покрытъ 6-ю ранами, и оба его адъютанта, тоже раненые, удалились въ Тулу для лѣченія ранъ. За сіе дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 класса.

Послѣ легкаго излѣченія ранъ, съ перевязками

на оныхъ, прибылъ Крейцъ въ Тарутинскій лагерь и на другой день, подъ командою генералъ-адъютанта Корфа, вступилъ въ сраженіе. Полки драгунскіе тогда до того уменьшились въ рядахъ, что они составляли почти по одному полному эскадрону, то и кругъ дѣяній шефовъ былъ весьма ограниченъ. Въ Тарутинскомъ дѣлѣ генералъ-маіоръ Крейцъ исполнялъ почти должность эскадроннаго командира и на большой дорогѣ преслѣдовалъ прежде кирасировъ, а потомъ отступающую непріятельскую пѣхоту. 3-й кавалерійскій корпусъ не существовалъ; полки были раскомандированы: Иркутскій за свое поведеніе 26 августа назначенъ былъ въ конвой главной квартиры. Большая часть кавалеріи поступила въ команду барона Корфа; сей генералъ, бывъ шефомъ Псковскаго драгунскаго полка, старался только о возвышеніи славы онаго и подъ Тарутинымъ отбитыя латы у французскихъ кирасировъ приказалъ всѣмъ полкамъ сдать въ Псковскій полкъ, который въ оныя одѣлся и потомъ переименованъ въ кирасиры. Впрочемъ сей полкъ подъ Бородиномъ, предводительствуемый храбрымъ полковникомъ Зассомъ, отлично сражался, но подъ Тарутиномъ подкрѣплялъ только атакующую кавалерію, между которою Польскій уланскій больше всѣхъ имѣлъ успѣха.

Покойный фельдмаршалъ Кутузовъ, оцѣняя службу Крейца и желая дать ему кругъ дѣйствія пообширнѣе, еще до Тарутинскаго дѣла представлялъ Его Величеству въ весьма лестныхъ выраженіяхъ въ шефы Гродненскаго гусарскаго полка на мѣсто убитаго Кульнева, но сіе было поздно. Пол-

отхваченныхъ Крейцомъ и казаками отряда Юрковскаго плѣнныхъ, всего обоза и кареты маршала, ничего больше не засталъ. За сіе дѣло всѣ награждены, кромѣ Крейца.

Судьба хотѣла, чтобы Крейцъ находился подъ командою Корфа почти въ бездѣйствіи до самаго Бѣлостока, ибо стычекъ незначущихъ около Борисова и дальше по дорогѣ съ замерзлымъ и беззащитнымъ непріятелемъ считать за дѣла неможно, и Крейцъ, по прибытіи въ Вильно, подалъ въ отставку, но приглашеніе фельдмаршала, усовѣщеваніе почитаемаго имъ много Коновницына—склонили его остаться на службѣ, да вслѣдъ засимъ прибылъ къ арміи нѣсколько выздоровѣвшій достойный графъ Паленъ, къ которому онъ тогда же назначенъ въ летучій корпусъ и въ ономъ получилъ приличную команду, для вступленія въ Варшавское княжество. Симъ окончились дѣянія сего генерала въ 1812 году.

Несправедливо французскіе писатели обвиняютъ холодъ причиною гибели арміи Наполеона. Отъ Малаго Ярославца до Вязьмы время было очень теплое; отъ Вязьмы до Смоленска были приморозки. Около г. Ельни выпалъ первый снѣгъ, но очень малый. Днѣпръ однако-же покрылся прозрачною льдиною, по которой еще никто не смѣлъ ходить, кромѣ перваго Нея. Отъ Смоленска до Борисова холодъ былъ сильнѣе, но сносный, мы ночевали на полѣ безъ крышъ; въ Борисовѣ первый разъ отъ Тарутина Крейцъ ночевалъ подъ крышею. Отъ Борисова до Вильны морозы были весьма суровы, и здѣсь по большей части Французы перемерзли. Они погибли больше отъ голода, изнуренія, безпорядка,

грабительствъ и потери всякой дисциплины, а кавалерія—отъ тѣхъ же причинъ и весьма дурной и безразсудной ковки лошадей.

Уже въ Вязьмѣ они претерпѣвали большой недостатокъ, и, когда, по взятіи оной, на другое утро Крейцъ шелъ походомъ къ Смоленску, услышалъ шумъ въ лѣсу правѣе дороги. Войдя въ оный, нашелъ ужасное зрѣлище, что Французы жрали одни другихъ; онъ даже видѣлъ, что одинъ еще былъ живъ и мучился въ кончинѣ; лядвь его голая лежала при огнѣ и была обожжена, а другой, тоже въ агоніи, приползъ къ нему и рвалъ оную зубами, какъ собака. Ужаснутый (?) Крейцъ выскакалъ на дорогу, встрѣтилъ на оной генералъ-адъютанта Васильчикова и многихъ прочихъ и просилъ для удостовѣренія послать кого осмотрѣть сіе остервѣненіе.

Записки Паскевича.

Авторъ записокъ, извѣстный фельдмаршалъ князь Варшавскій, во время войны 1812 года командовалъ 26 пѣхотной дивизіей. Сохранившаяся въ военно-ученомъ архивѣ тетрадь въ листъ писчей бумаги представляетъ два эпизода боевой дѣятельности Паскевича въ Отечественную войну—бой при Салтановкѣ и событія подъ Смоленскомъ. Какъ видно изъ находящейся въ дѣлѣ военно-ученаго архива переписки, въ іюнѣ 1837 года Паскевичъ препроводилъ печатаемые отрывки Михайловскому Данилевскому. Въ мартѣ 1838 года рукопись была возвращена фельдмаршалу и, послѣ нѣсколькихъ собственноручныхъ исправленій послѣдняго, въ апрѣлѣ 1838 года окончательно передана Михайловскому Данилевскому. Ниже дается, какъ первоначальная редакція записокъ, такъ и позднѣйшія исправленія Паскевича.

Въ бумагахъ военно-ученаго архива, кромѣ описанія дѣла у Салтановки и боевъ подъ Смоленскомъ

имѣется слѣдующая замѣтка, относящаяся къ сдачѣ Москвы и писанная Паскевичемъ карандашемъ въ 1823 году.

«Послѣ совѣта было приказаніе отходить и доказательство оному, что отъ всей пѣхоты авангарда орудія были взяты изъ полковъ, дабы могли оныя пройти Москву и не мѣшать проходу войскъ».

«Въ это время послалъ адъютанта вывести 2 эскадрона, которые были такимъ образомъ обойдены около Москвы рѣки».

I.

Дѣло Сысоева подъ Могилевомъ. Составъ дивизій корпуса Даву. Распоряженія для произьодства усиленной рекогносцировки къ Могилеву. Движеніе къ позиціи при Салтановкѣ. Распоряженія Даву для принятія оборонительнаго боя. Расположеніе и силы Даву. Приказаніе Багратіона Раевскому овладѣть Могилевомъ. Силы Раевскаго. Движеніе Паскевича въ обходъ праваго фланга французской позиціи. Бой за Фатовское дефиле. Дѣйствія у Салтановки. Просьба Паскевича о подкрѣпленіи. Движеніе его на д. Селецъ. Приказаніе объ отступленіи. Положеніе дѣлъ у Салтановки. Распоряженія Паскевича для отступленія. Послѣдующія дѣйствія до соединенія армій подъ Смоленскомъ. Потери обѣихъ сторонъ. Значеніе боя при Салтановкѣ.

На отступленіи 2 арміи узнали мы въ Старомъ-Быховѣ, что непріятель занялъ уже Могилевъ. Впереди 7 корпуса шелъ полковникъ Сысоевъ съ одною тысячью человѣкъ казаковъ. Корпусъ подвинулся къ Дашковкѣ. Сысоевъ подходилъ къ самому Могилеву и присоединилъ къ себѣ полковника Грессера съ командою въ 300 человѣкъ, котораго непріятель вытѣснилъ изъ города. Грессеръ съ начала кампаніи былъ въ Борисовѣ и отступилъ къ Могилеву.

Сысоевъ, отступая, заманилъ за собою непріятеля. Кавалерія его и здѣсь сдѣлала ту-же ошибку, какую дѣлали противъ Платова. Лучшій полкъ изъ авангарда Даву занесся. Сысоевъ его весь почти истребилъ, преслѣдовалъ бѣгущихъ до воротъ города и захватилъ до 300 плѣнныхъ.

Сысоевъ говорилъ, что ему приказано схватить языкъ. Онъ схватилъ ихъ 300.

У непріятеля въ полку было до 800 человѣкъ; при немъ находилось еще до 200 Поляковъ. Итакъ тысяча человѣкъ казаковъ истребила тысячу человѣкъ лучшей регулярной кавалеріи.

Отъ плѣнныхъ узнали, что въ Могилевѣ у Даву была дивизія пѣхоты и дивизія кавалеріи, а къ вечеру ожидали еще часть другой пѣхотной дивизіи.

Здѣсь кстати замѣтить, что дивизіи въ корпусѣ Даву состояли изъ 20 баталіоновъ. Въ каждомъ баталіонѣ въ началѣ войны было по 1000 человѣкъ. Полки состояли обыкновенно изъ 5 баталіоновъ, но Даву изъ гренадерскихъ и стрѣлковыхъ ротъ сформировалъ особые баталіоны и, такимъ образомъ, имѣлъ въ полку по 7 баталіоновъ и каждый въ 600 человѣкъ. Итакъ у него было 28 баталіоновъ въ дивизіи противъ нашихъ 12-ти. Этотъ расчетъ объяснитъ, почему непріятельскія дивизіи могли драться противъ нашихъ корпусовъ, въ которыхъ полагалось по 24 баталіона, *не сильнѣе 550 человѣкъ каждый.* *)

Вечеромъ 10 іюля получено было приказаніе князя Багратіона корпусу сдѣлать усиленную рекогносцировку. Генералъ Раевскій взялъ съ собою изъ

*) Напечатанное курсивомъ—позднѣйшая приписка автора.

12 дивизіи 6-й и 42-й егерскіе полки, а изъ моей дивизіи два баталіона. Я выбралъ одинъ баталіонъ Орловскаго, а другой Нижегородскаго полка и, чтобы идти быстрѣе, приказалъ оставить ранцы.

Рано утромъ 11 числа мы начали наступать. Между нами и непріятелемъ было разстоянія верстъ пять. Въ полуторѣ верстѣ мы встрѣтили его пѣхотный авангардъ и вытѣснили его изъ лѣсу. Увеличивая мало по малу стрѣлковъ, введены были въ дѣло, подходя къ Салтановкѣ, оба егерскіе полка. Непріятель отступилъ на позицію. Въ девятомъ часу раздались пушечные выстрѣлы перваго линейнаго дѣла 2 армій въ кампанію 1812 года.

Маршалъ Даву, ожидая на себя нападенія, заранѣе приготовился къ оборонѣ. Мостъ при Салтановкѣ былъ заваленъ, и прорублены ружейныя бойницы въ стѣнахъ корчмы, лежащей на лѣвомъ берегу оврага, прикрывавшаго всю линію Французовъ. Мостъ при мельницѣ Фатовой былъ сломанъ, и въ сосѣднихъ домахъ также подѣланы бойницы. Три баталіона поставлены были при Салтановкѣ; одинъ баталіонъ—при Фатовой, имѣя за собою въ подкрѣпленіи пять другихъ баталіоновъ; четыре баталіона находились между Фатовой и деревнею Сельцемъ; а при оврагѣ, впереди сей послѣдней деревни находящемся, поставлены были еще два баталіона. Вся кавалерія, состоявшая изъ кирасирской дивизіи генерала Валанса, легкой кавалерійской дивизіи генерала Шастеля и одного конно-егерскаго полка бригады генерала Бордесульта, находилась въ резервѣ позади праваго крыла за деревнею Сельцемъ, по дорогѣ, ведущей изъ нея въ мѣстечко Старые-Буй-

ничи. Пять баталіоновъ поставлены были еще правѣе, при деревнѣ Застѣнкѣ, и, наконецъ, послѣдніе пять баталіоновъ находились передъ Могилевомъ.

Пѣхота маршала Даву состояла изъ двухъ полковъ дивизіи Дессэ и трехъ полковъ дивизіи Кампана, въ коихъ было 28 баталіоновъ; въ кавалеріи же его считалось 48 эскадроновъ. Сверхъ того непріятель ожидалъ въ подкрѣпленіе отрядъ генерала Пажоля и польскій легіонъ Вислы; но войска эти присоединились къ нему уже послѣ сраженія.

Князь Багратіонъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній о силѣ непріятеля и полагая, что противъ насъ было не болѣе шести тысячъ, прислалъ своего адъютанта съ приказаніемъ къ генералу Раевскому, чтобы онъ, собравъ всѣ войска своего корпуса, смѣло атаковалъ позицію Французовъ и взялъ Могилевъ.

Генералъ Раевскій послалъ за остальными своими войсками. Какъ ранцы двухъ баталіоновъ 26 дивизіи были оставлены, то другіе два баталіона должны были ихъ принести. Они пришли уже къ концу дѣла. Поэтому 26 дивизія вначалѣ имѣла только 8 баталіоновъ, а 12-я — 10 баталіоновъ. Весь-же корпусъ состоялъ изъ пяти полковъ 26 дивизіи, пяти полковъ 12 дивизіи, 20 эскадроновъ кавалеріи, 3 казачьихъ полковъ и 72 орудій.

Когда войска собрались, генералъ Раевскій приказалъ мнѣ взять мою дивизію, три полка казаковъ, Ахтырскій гусарскій полкъ, и идти непріятелю во флангъ. Генералъ Раевскій полагалъ, что я обойду правое крыло непріятеля, ибо оно было въ верстѣ отъ дороги. Онъ намѣренъ былъ, когда я выйду

изъ лѣсу на ровное мѣсто и сдѣлаю нападеніе съ фланга, ударить въ центръ съ 12 дивизіей.

Исполняя приказаніе, я взялъ командовавшаго казаками полковника Сысоева, который дрался на тѣхъ-же мѣстахъ за три дня, и повелъ всѣ мои войска влѣво въ обходъ. На всемъ этомъ пространствѣ тянутся лѣса. Я долженъ былъ идти по тропинкѣ, пробираясь между деревьевъ, по три человѣка въ рядъ.

Въ половинѣ лѣса я встрѣтилъ нашихъ разстроенныхъ стрѣлковъ, отступавшихъ отъ стрѣлковъ французскихъ. Непріятель по этой же самой дорогѣ обходилъ нашъ лѣвый флангъ. Стрѣлки моихъ первыхъ баталіоновъ остановили и опрокинули непріятельскихъ. Я приказалъ гнать ихъ до опушки лѣса, а самъ слѣдовалъ съ остальными войсками. Голову моей колонны составляли баталіоны Орловскіе и одинъ Нижегородскій, за ними 12 орудій, потомъ Полтавскій полкъ, еще 6 орудій и Ладожскій полкъ съ другимъ Нижегородскимъ баталіономъ, 2 орудія и, наконецъ, кавалерія.

Выходя изъ лѣса, я нашелъ стрѣлковъ, исполнившихъ мое приказаніе и у опушки перестрѣливавшихся съ непріятелемъ, залегшимъ за малымъ возвышеніемъ передъ деревней Фатовой. Позади ихъ увидѣлъ я сверканіе штыковъ двухъ французскихъ колоннъ. Разстояніе между нами было не болѣе 50 сажень. Густой лѣсъ не позволялъ мнѣ свернуть войска въ колонну. Я принужденъ былъ, принимая вправо по отдѣленіямъ, по мѣрѣ выхода изъ лѣсу, строить ихъ въ линію у опушки. Перестрѣлка продолжалась. Чтобы построить взводы, я долженъ

былъ выѣхать впередъ за 30 сажень отъ непріятеля. Тутъ былъ и полковникъ Сысоевъ.

Лишь только два баталіона были вытянуты въ линію, я приказалъ полковнику Ладыженскому ударить на непріятеля съ крикомъ „ура“, гнать его до рѣки, опрокинуть на мосту и, занявъ на той сторонѣ первые дома, ждать моего приказанія. Непріятель дѣйствительно былъ тотчасъ опрокинутъ и бѣжалъ болѣе полутораста сажень до мосту. Видя, что баталіоны переходятъ мостъ, я выдвинулъ 12 орудій на высоту и приказалъ Полтавскому полку подъ прикрытіемъ этой батареи идти также на ту сторону. Устроивъ артиллерію, я съ высоты увидѣлъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Пѣхота непріятеля стояла въ двѣ линіи отъ большой дороги до самаго лѣсу. Въ третьей линіи была кавалерія.

Придвинувъ на батарею еще шесть орудій и поставивъ Ладожскій полкъ на лѣвомъ флангѣ, я поѣхалъ на правый свой флангъ. Къ удивленію нахожу, что стрѣлки непріятельскіе, засѣвшіе тамъ въ оврагѣ, усиливаютъ огонь. Артиллерія наша, теряя людей и лошадей, снимается съ позиціи. Я удержалъ ихъ.

Между тѣмъ вижу, что Полтавскій полкъ отступаетъ, и полковникъ раненъ. Приказавъ полку остановиться, ѣду далѣе, ожидая встрѣтить Орловскій и Нижегородскій баталіоны, и вижу два баталіона, выходящіе изъ лѣсу въ тылъ моей позиціи. Я былъ удивленъ, увидѣвъ въ 30 шагахъ французскихъ гренадеръ. Ими командовалъ полковникъ Ашаръ.

„Ребята впередъ!“ закричалъ я Полтавскому

полку. Они колеблются. „Ура! . . . въ штыки!“. Они—ни съ мѣста. Изъ за рядовъ слышу я голосъ: „Хотя-бы артиллерія была съ нами“. — „Хорошо, сказалъ я, держитесь здѣсь“. Скачу къ артилле-ріи, устраиваю позади моей позиціи батарею въ 4 орудія, возвращаюсь къ Полтавскому полку и отвожу его на артиллерію.

Непріятель, увидѣвъ отступленіе ихъ, бросился съ крикомъ „en avant“. Полкъ раздался, и картечь ударила въ французскіе баталіоны. Они остановились, смѣшались. Я подъѣхалъ къ Полтавскому полку и закричалъ „Ребята впередъ!“. Они бросились и гнали непріятеля до самыхъ мостовъ. Тутъ лошадь моя была ранена двумя пулями.

Полтавскій полкъ было занесся. Я едва остановилъ его и воротилъ къ опушкѣ лѣса. Но чтобы болѣе выказать непріятелю войскъ, онъ былъ выстроенъ въ линію и казался довольно сильною колонною. Удвоивъ стрѣлковъ, я приказалъ изъ всѣхъ 18 орудій открыть огонь по непріятельскимъ колоннамъ. Дѣйствіе было такъ сильно, что я самъ видѣлъ, какъ онѣ безпрерывно двигались и перемѣняли мѣсто, удаляясь отъ меня на дальній картечный выстрѣлъ. Потеря ихъ была велика. Наконецъ они отступили, удвоили свою артиллерію, и бой сдѣлался равный.

Пора сказать, что было причиной отступленія нашихъ войскъ. Нижегородскій и Орловскій баталіоны, опрокинувъ вначалѣ непріятеля и перейдя мостъ, заняли корчму и три избы на той сторонѣ рѣчки. Едва стали они выходить изъ этой малой деревушки, какъ четыре французскіе баталіона, ле-

жавшіе въ хлѣбѣ, поднялись въ 30 саженяхъ, сдѣлали залпъ и ударили въ штыки. Бой завязался рукопашный.

Французы бросились на бѣлое знамя Орловскаго полка и взяли его у убитаго подпрапорщика.

Нашъ унтеръ-офицеръ выхватилъ его у Француза, но самъ былъ убитъ. Знамя опять потеряно. Еще разъ оно было схвачено нашими и въ дракѣ сломано древко. Въ это время адъютантъ Орловскаго полка бросился въ середину, отнялъ знамя и вынесъ его изъ схватки. Полковникъ Ладыженскій былъ раненъ въ челюсть и упалъ. Половина двухъ нашихъ баталіоновъ побита или ранена. Остальные принуждены были отступить и отброшены на лѣсъ. Ихъ преслѣдовали два баталіона—тѣ самые, которыхъ я встрѣтилъ.

Устроивъ батарею, мы перестрѣливались болѣе полутора часа. Въ это время я слышалъ съ правой стороны сильный огонь. Это былъ генералъ Раевскій, атаковавшій съ фронта позицію непріятеля.

Лѣса, окружавшіе деревню Салтановку, не позволяли подойти къ ней иначе, какъ по большой дорогѣ, вдоль которой была непріятельская батарея. Въ концѣ дороги былъ еще заваленный мостъ. 12 дивизія двинулась впередъ съ удивительною твердостью, но не могла овладѣть мостомъ. Генералы Раевскій и Васильчиковъ, спѣшившись, шли впереди колоннъ, но невыгоды мѣстоположенія уничтожали всѣ усилія мужества нашихъ солдатъ. Они не могли ворваться въ деревню и на дорогѣ выдерживали весь огонь непріятельской батареи.

Между тѣмъ, я съ своей стороны, перестрѣли-

ваясь съ непріятелемъ, послалъ донесеніе генералу Раевскому, что встрѣтилъ на лѣвомъ флангѣ не шесть, но, можетъ быть, двадцать тысячъ, потому, если необходимо ихъ сбить, то прислали бы мнѣ въ подкрѣпленіе нѣсколько баталіоновъ. Генералъ Раевскій отвѣчалъ, что атаки его отбиты, что онъ потерялъ много людей и, потому, не можетъ прислать мнѣ болѣе одного баталіона.

Это было около четырехъ часовъ по полудни. Войска мои уже утомились. Одна кавалерія не была еще въ дѣлѣ и то потому только, что лѣсистое мѣстоположеніе не позволяло употребить её. Я взялъ присланный баталіонъ 41 егерскаго полка и пошелъ лѣсомъ въ обходъ праваго фланга непріятеля. Старшему по мнѣ полковнику Савоини приказалъ я, когда выступлю изъ лѣса и нападу на непріятеля, чтобы онъ въ тоже время перешелъ мостъ у Фатовой и атаковалъ бы Французовъ въ штыки.

На лѣвомъ своемъ флангѣ я нашелъ полковника Ладыженскаго, который велъ сильную перестрѣлку черезъ рѣку. Я вышелъ въ опушку лѣса противъ деревни Селецъ и былъ уже въ полутораста саженяхъ отъ линіи непріятеля,какъ пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ генерала Раевскаго съ приказаніемъ отступить. Онъ говорилъ, что главнокомандующій, князь Багратіонъ, прибывъ самъ къ 12 дивизіи, убѣдился, что передъ нами не пять, но болѣе двадцати тысячъ непріятеля.

Мнѣ казалось, что отступить было стыдно и неудобно. Былъ почти вечеръ. Я могъ-бы драться до ночи. Отступая же по лѣсной тропинкѣ въ ви-

ду непріятеля и будучи отъ него такъ близко, я могъ быть имъ задавленъ.

Адъютантъ отвѣчалъ, что генералъ Раевскій уже отходитъ съ 12 дивизіею, и что онъ ко мнѣ присланъ только съ приказаніемъ. Нечего было дѣлать, я долженъ былъ возвратиться съ баталіономъ 41 егерскаго и нашелъ мою позицію передъ деревней Фатовой въ томъ-же положеніи, какъ её оставилъ. Полковнику Савоини приказалъ я, имѣя въ резервѣ баталіонъ 41-го, по прежнему держаться; а самъ поѣхалъ съ адъютантомъ генерала Раевскаго въ намѣреніи убѣдить главнокомандующаго остаться на позиціи до ночи.

Пріѣхавъ на мѣсто, я не засталъ, ни князя Багратіона, ни генерала Раевскаго. Вижу, что 12 дивизія въ полномъ отступленіи, и стрѣлки уже почти оставили лѣсъ. Нахожу только дивизіоннаго командира, генерала Кулебакина, разъѣзжавшаго между войсками безъ всякой цѣли. Тутъ-же былъ генералъ Васильчиковъ.

Зная Кулебакина, какъ человѣка безъ энергіи, я обратился къ Васильчикову и говорилъ, что если не хотятъ держаться до ночи, то не надо забывать, что войска 26 дивизіи остались слишкомъ за 500 сажень впереди, и что если 12 дивизія, не дождавшись, будетъ продолжать отступленіе и броситъ лѣсъ, то я буду принужденъ для спасенія людей оставить всю свою артиллерію. Я просилъ его остановиться въ лѣсу, пока я войду въ линію. Васильчиковъ отвѣчалъ было сначала, что онъ не старшій, но я указалъ ему на Кулебакина, и онъ рѣшился самъ распорядиться. Васильчиковъ остановилъ вой-

ска, скомандовалъ впередъ, и тутъ показались во всей силѣ духъ русскаго солдата и дисциплина. Войска бросились на непріятеля, опрокинули его и опять заняли лѣсъ.

Я поскакалъ къ своимъ съ тѣмъ, чтобы устроить отступленіе. Отойти, находясь въ 100 саженяхъ отъ непріятеля, при всѣхъ выгодахъ мѣстоположенія въ его пользу, было дѣло не легкое.

Между тѣмъ Савоини въ мое отсутствіе опять получилъ приказаніе отступить, но отвѣчалъ, что безъ меня на это рѣшиться не можетъ. Я пріѣхалъ и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: баталіонамъ 41 егерскаго, двумъ Орловскимъ, Нижегородскому, принесшему ранцы, и всей кавалеріи—приказано занять позицію, выйдя изъ лѣса; всей артиллеріи моей дивизіи соединиться и удвоить огонь; двумъ пѣхотнымъ полкамъ—Ладожскому и Полтавскому, отойти назадъ и стать на опушкѣ лѣса.

Давъ время войскамъ устроиться, я приказалъ артиллеріи сниматься по два орудія съ фланга, оставивъ при входѣ въ лѣсъ два орудія на дорогѣ; прочимъ-же на рысяхъ проходить лѣсъ. Стрѣлкамъ дано знать, что когда снимутся два послѣднія орудія, то они сами бросились-бы назадъ и стали въ опушкѣ на флангахъ артиллеріи.

Точно въ этомъ порядкѣ было все исполнено. Непріятель, видя это нечаянное отступленіе, опрометью бросился на нашихъ; но тутъ встрѣченъ былъ картечью двухъ орудій и баталіоннымъ огнемъ двухъ полковъ. Онъ остановился, и лѣсъ мы прошли такъ удачно, что я не потерялъ ни одного орудія.

За лѣсомъ была поляна и въ 500 саженяхъ деревня. На полянѣ я поставилъ полки *въ линію**), устроилъ батарею и, когда послѣдніе стрѣлки наши оставили лѣсъ, а непріятель сталъ показываться, открылъ огонь изъ всѣхъ орудій батареи.

Тутъ я нашелъ, что 12 дивизія удержала свою позицію и была въ одной линіи со мною. Мы продолжали отступать, прикрываясь конными фланкерами, и заняли высоты, позади насъ находившіяся. Кононада не прекращалась. Непріятель остановился по выходѣ изъ лѣса. Наступала ночь. Мы пошли на прежнюю свою позицію къ Дашковкѣ.

Здѣсь мы оставались цѣлый день 12 іюля. Непріятель не показывался. Между тѣмъ строились мосты въ Новомъ-Быховѣ. Чтобы прикрыть движеніе наше по этому направленію, князь Багратіонъ приказалъ генералу Платову (получившему повелѣніе присоединиться къ 1 арміи) ночью перейти вбродъ при Вархалабовѣ съ 12 полками Днѣпръ, показывая видъ атаки на Могилевъ съ противной стороны, и потомъ слѣдовать далѣе къ 1 арміи въ промежуткѣ рѣкъ Днѣпра и Сожи.

Съ разсвѣтомъ 13 числа мы двинулись къ Старому-Быхову, 14-го перешли мостъ въ Новомъ-Быховѣ и ночевали въ Пропойскѣ.

Князь Багратіонъ безпокоился, чтобы непріятель не предупредилъ его въ Мстиславлѣ, но, не встрѣтивъ его здѣсь, мы 17-го прибыли въ Мстиславль и безпрепятственно продолжали путь къ Смоленску. Этимъ обязаны мы дѣлу подъ Салтановкой. Мар-

*) Слова, напечатанныя курсивомъ, исправлены въ рукописи карандашемъ „въ двѣ линіи“.

шалъ Даву, хотя и получилъ въ подкрѣпленіе въ ночь послѣ сраженія весь свой корпусъ (около 40 тысячъ человѣкъ), а на слѣдующій день польскій легіонъ (около 20 тысячъ), но не выступалъ изъ Могилева и укрѣпилъ его вскопанными батареями. Сраженіе подъ Могилевомъ (Салтановкой) произвело на него большое вліяніе. Онъ самъ признавался, что никогда не видѣлъ пѣхотнаго дѣла, столь упорнаго.

Непріятель потерялъ до 500 человѣкъ убитыми, 500 плѣнными, и болѣе 3000 раненыхъ лежало въ Могилевскомъ госпиталѣ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя также до 3000. Баталіоны, бывшіе въ головѣ колонны, потеряли на половину. Оставалось по 200 и по 250 человѣкъ въ баталіонѣ. Здѣсь я узналъ, какъ жестоки сраженія противъ регулярныхъ войскъ, и особенно противъ французской арміи 1812 года.

Достопамятное отступленіе нашей арміи противъ непомѣрно сильнѣйшаго числомъ Наполеона служитъ безспорнымъ доказательствомъ превосходства русскихъ войскъ. Въ Могилевскомъ дѣлѣ 20 баталіоновъ нашихъ*), составлявшихъ менѣе 11 тысячъ человѣкъ, атаковали 20 тысячъ французской пѣхоты, держались цѣлый день на позиціи, и мужество ихъ имѣло то счастливое послѣдствіе, что непріятель заперся въ Могилевѣ, началъ окапываться и не предупредилъ насъ въ Мстиславлѣ, дозволивъ, такимъ образомъ, соединиться въ Смоленскѣ двумъ Западнымъ арміямъ.

*) *Примѣчаніе автора*: Надобно исключить еще два баталіона 26 дивизіи, несшихъ ранцы двухъ другихъ баталіоновъ и не успѣвшихъ придти къ началу сраженія.

2 армія всемъ была обязана своему главнокомандующему, князю Багратіону. Онъ умѣлъ вселить въ насъ духъ непобѣдимости. Притомъ мы дрались въ старой Россіи, которую напоминала намъ всякая береза, у дороги стоявшая. Въ каждомъ изъ насъ кровь кипѣла. Во время дѣла раненые офицеры, даже солдаты, сдѣлавъ кое-какъ перевязку, спѣшили воротиться опять на свои мѣста.

II.

Соединеніе армій подъ Смоленскомъ. Военный совѣтъ. Наступленіе къ Руднѣ. Движеніе Наполеона въ обходъ лѣваго фланга русской арміи на Смоленскъ. Распоряженія Багратіона по полученіи донесенія Невѣровскаго о наступленіи французской арміи. Паскевичъ въ авангардѣ Раевскаго. Бой подъ Краснымъ. Соединеніе Невѣровскаго съ Паскевичемъ. Паскевичъ даетъ Раевскому совѣтъ ожидать Французовъ въ Смоленскѣ. Расположеніе 7 корпуса для обороны Смоленска. Бой 4 августа. Прибытіе русскихъ армій. Смѣна 7 корпуса 6 корпусомъ. Наполеонъ о дѣйствіяхъ подъ Смоленскомъ.

2 армія, выступивъ 19 іюля изъ Мстиславля, 22-го прибыла безпрепятственно къ Смоленску и стала впереди города. 1 армія находилась уже тамъ съ 20-го и была расположена по правой сторонѣ Днѣпра.

Обѣ арміи нѣсколько времени стояли подъ Смоленскомъ. Здѣсь подкрѣпили насъ семнадцатью баталіонами изъ расформированнаго корпуса генерала барона Винценгероде. На укомплектованіе 2 арміи поступило 7 баталіоновъ. Такимъ образомъ, у насъ было опять до 500 человѣкъ въ баталіонѣ.

Въ обѣихъ арміяхъ вмѣстѣ состояло на лицо 120 тысячъ человѣкъ. Въ 1 арміи—77,000, а во 2-й—43,000. Но изъ 2 арміи отдѣленъ былъ отрядъ ге-

нералъ-маіора Невѣровскаго, состоящій изъ 27 пѣхотной дивизіи и Харьковскаго драгунскаго полка, всего около 7,000 человѣкъ. Князь Багратіонъ приказалъ занять ему городъ Красный.

Пока мы были подъ Смоленскомъ, никто не думалъ, что *этотъ городъ* *) могъ быть укрѣпленъ. Между тѣмъ стоило только воспользоваться старинными его стѣнами, поправить земляныя укрѣпленія и сдѣлать новыя полевыя укрѣпленія на лѣвомъ флангѣ города, *что весьма легко было окончить въ двѣ недѣли.* **). Какъ главная квартира непріятеля была въ Витебскѣ, то ожидали, что онъ сдѣлаетъ нападеніе съ Петербургской дороги. Но Наполеонъ расчелъ иначе. Онъ зналъ уже, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, что, если ему удастся бросить насъ на сѣверъ, то война рѣшится въ его пользу.

Въ Смоленскѣ созванъ былъ военный совѣтъ. Кромѣ двухъ главнокомандующихъ приглашены были Его Императорское Высочество Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, *начальникъ штаба 2 арміи генералъ-адъютантъ Сенъ-При* ***) и генералъ квартирмейстеръ 1 арміи, полковникъ Толь.

Положено, чтобы, пользуясь раздѣленіемъ французскихъ корпусовъ, расположенныхъ отъ Витебска до Могилева, атаковать *центръ* ****) ихъ временныхъ квартиръ, сдѣлавъ движеніе большею частью силъ нашихъ къ мѣстечку Руднѣ.

Хотя сначала и намѣревались было ожидать

---

*) Исправлено: „Смоленскъ“.

**) Позднѣйшая вставка.

***) Исправлено: „оба начальника штаба арміи—генералъ-маіоръ Ермоловъ и генералъ-адъютантъ Сенъ-При

****) Исправлено: „выдавшійся лѣвый флангъ.

непріятеля подъ Смоленскомъ и дѣйствовать сообразно его движеніямъ, но какъ между тѣмъ получено было извѣстіе, что противъ нашего праваго фланга непріятель выдвинулъ корпусъ вице-короля италіанскаго съ кавалеріею, то и рѣшились идти атаковать его. *)

26 іюля на разсвѣтѣ русская армія выступила тремя колоннами. 1 армія составляла двѣ первыя колонны, 2 армія—лѣвую. Главная квартира генерала Барклая де Толли переведена была въ Приказъ-Выдру, а князя Багратіона—въ село Катань.

27-го получено было извѣстіе, что всѣ непріятельскіе передовые посты отступили. Генералъ Барклай ожидалъ, что Наполеонъ намѣревался обойти его съ праваго фланга около Порѣчья, а потому рѣшился, оставивъ движеніе къ Руднѣ, потянуться еще правѣе. 28-го главная квартира 1 арміи перешла къ д. Мощинкамъ. 2 армія смѣнила ее у Приказъ-Выдры.

30 іюля князь Багратіонъ узналъ, что непріятель показался на лѣвомъ берегу Днѣпра у мѣстечка Росасны. Опасаясь, чтобы отрядъ генералъ-маіора Невѣровскаго, оставленный въ г. Красномъ, не былъ разбитъ, и чтобы Французы не пришли въ Смоленскъ прежде Русскихъ, онъ рѣшился отступить подъ стѣны города. 31 іюля главная квартира 2 арміи переведена была въ Смоленскъ.

Между тѣмъ генералъ Барклай де Толли извѣстился, что непріятель вышелъ изъ Порѣчья. Не опасаясь уже за свой правый флангъ, онъ принялъ намѣреніе продолжать движеніе къ Руднѣ. 1 августа

*) При исправленіи выпущено.

главная квартира 1 арміи переведена къ Шеломцу. 2 арміи приказано двинуться къ с. Надвѣ. Князь Багратіонъ выступилъ изъ Смоленска съ 8 пѣхотнымъ корпусомъ и прибылъ 2 числа въ Катань, а 3-го къ Надвѣ. 7 пѣхотный корпусъ долженъ былъ слѣдовать однимъ днемъ позднѣе князя Багратіона.

Всѣ эти движенія, сперва къ Руднѣ, потомъ къ Порѣчью и опять къ Руднѣ, едва не были причиною погибели нашихъ армій, открывъ непріятелю нашъ лѣвый флангъ и большую дорогу *изъ Орши* *) въ Смоленскъ.

Наполеонъ, узнавъ, что русскія арміи потянулись къ Руднѣ, тотчасъ-же воспользовался ошибкою русскихъ генераловъ. Собравъ всѣ силы на правомъ своемъ флангѣ, онъ рѣшился обойти насъ съ лѣваго фланга, переправиться черезъ Днѣпръ, овладѣть Смоленскомъ въ тылу нашихъ армій, оттѣснить ихъ на сѣверъ къ Великимъ Лукамъ или къ Торопцу и стать между нами и полуденными губерніями Россіи. **)

Къ счастью въ ночь на 3 августа князь Багратіонъ получилъ донесеніе генерала Невѣровскаго, что непріятель въ большихъ силахъ, переправясь черезъ Днѣпръ въ Росаснѣ и Хоминѣ, идетъ къ г. Красному. Главнокомандующій послалъ ему приказаніе держаться до невозможности, 7-му же корпусу, который въ этотъ день выступилъ уже въ Катань,

*) Позднѣйшая вставка.

**) Исправлено: „Наполеонъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что всѣ его хитрости удались, потому что Русскіе потянулись на лѣвый флангъ его, который онъ съ намѣреніемъ выставилъ впередъ, дабы заманить русскую армію къ Руднѣ. Онъ тотчасъ располагалъ ударить на нашъ центръ и правый флангъ, отбросить насъ на сѣверъ и, взявши Смоленскъ, стать на большой Московской дорогѣ, заслонивъ, такимъ образомъ, отъ насъ Москву и южныя наши провинціи.

велѣно идти обратно къ Смоленску, пройти городъ и спѣшить на помощь Невѣровскому.

Генералъ Раевскій приказалъ мнѣ взять 8 баталіоновъ 26 дивизіи и, составивъ его авангардъ, идти впередъ даже до Краснаго. Пройдя Смоленскъ, я встрѣтилъ нѣсколько трубачей и капельмейстера Харьковскаго драгунскаго полка, который сказывалъ мнѣ, что подъ Краснымъ было сраженіе, что 27 дивизія храбро держалась, но была совершенно разбита, такъ что онъ съ нѣсколькими трубачами едва могъ уйти.

Зная, что придется драться подъ Смоленскомъ, я осмотрѣлъ вокругъ стѣны города. Поѣхавъ далѣе, я встрѣтилъ въ 3 верстахъ адъютанта генерала Невѣровскаго и пять батарейныхъ орудій, спасшихся отъ непріятельской кавалеріи. Отъ адъютанта узналъ я, что Невѣровскій дѣйствительно потерялъ половину людей, но отступилъ въ порядкѣ и находился въ 6 верстахъ. Я вскорѣ его встрѣтилъ. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Непріятель атаковалъ его въ Красномъ. Невѣровскій, видя, что противъ него было превосходное число, оставилъ въ Красномъ одну егерскую бригаду, а съ прочими занялъ позицію въ 3 верстахъ за городомъ, прикрываясь оврагомъ. *) Непріятель со всею кавалеріею и — къ стыду его — только съ одною батареею и дивизіею пѣхоты атаковалъ городъ. Наши были вытѣснены изъ Краснаго, бригада отступила на позицію.

---

*) *Примѣчаніе автора*: На томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ на отступленіи, *мы опять дрались съ французами* (слова напечатанныя курсивомъ впослѣдствіи замѣнены: „французовъ разбили мы корпусъ Нея, и онъ сдался“).

У Невѣровскаго было двѣнадцать орудій батарейныхъ и два донскихъ конныхъ. Онъ отрядилъ два конныхъ орудія съ однимъ баталіономъ пѣхоты за 12 верстъ по дорогѣ къ Смоленску и велѣлъ имъ занять переправу на небольшой рѣчкѣ, тамъ протекавшей; самъ-же выстроилъ свою дивизію, поставилъ батарейныя орудія на лѣвомъ флангѣ, прикрывъ ихъ Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ, а Донской казачій полкъ расположилъ на правомъ флангѣ. Невѣровскій сознался, что если-бы онъ поставилъ батарею между пѣхотными колоннами, то не произошло-бы тѣхъ несчастій, которыя его постигли.

У непріятеля было 15 тысячъ кавалеріи. Она обошла Невѣровскаго и атаковала его лѣвый флангъ. Харьковскій драгунскій полкъ, видя атаку, самъ бросился впередъ, но былъ опрокинутъ и преслѣдуемъ 12 верстъ *до рѣчки, гдѣ посланный впереди эшелонъ, состоящій изъ одного баталіона и двухъ орудій, спасъ его*; *) затѣмъ батарея осталась безъ прикрытія.

Непріятель на нее кинулся, опрокинулъ и захватилъ пять орудій, остальныя семь ушли по Смоленской дорогѣ. **) Казаки также не выдержали. Итакъ Невѣровскій съ самаго начала сраженія остался безъ артиллеріи, безъ кавалеріи, съ одною пѣхотою.

Непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ своею конницею. Пѣхота атаковала съ фронта.

---

*) Позднѣйшая вставка.

**) *Примѣчаніе автора*: Доказательство, что кавалерія была не совсѣмъ хороша. Порядочная кавалерія не дозволила-бы уйти батарейнымъ орудіямъ.

Наши выдержали, отбили нападеніе и начали отходить. Непріятель, увидѣвъ отступленіе, удвоилъ кавалерійскія атаки. Невѣровскій сомкнулъ свою пѣхоту въ каре и заслонился деревьями, которыми обсажена дорога. Французская кавалерія, повторяя непрерывно атаки во фланги и въ тылъ генерала Невѣровскаго, предлагала наконецъ ему сдаться. Онъ отказался. Люди Полтавскаго полка, бывшаго у него въ этотъ день, кричали, что они умрутъ, а не сдадутся. Непріятель былъ такъ близко, что могъ переговариваться съ нашими солдатами. На пятой верстѣ отступленія былъ самый большой натискъ Французовъ, но деревья и рвы дороги мѣшали имъ врѣзаться въ наши колонны. Стойкость нашей пѣхоты уничтожала пылкость ихъ нападеній.

Непріятель безпрестанно вводилъ новые полки въ дѣло, и всѣ они были отбиты. Наши, безъ различія полковъ, смѣшались въ одну колонну и отступали, отстрѣливаясь и отражая атаки непріятельской кавалеріи. Такимъ образомъ Невѣровскій отошелъ еще семь верстъ.

Въ одномъ мѣстѣ деревня едва не разстроила его отступленіе, ибо здѣсь прекращались березы и рвы дороги. Чтобы не быть совершенно уничтоженнымъ, Невѣровскій принужденъ былъ оставить тутъ часть войскъ, которая и была отрѣзана. Прочіе отступили, сражаясь. Непріятель захватывалъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею. Къ счастью у него немного было артиллеріи, и потому онъ не могъ истребить эту горсть пѣхоты.

Невѣровскій приближался уже къ рѣчкѣ и, когда былъ онъ за версту, то изъ двухъ орудій, по-

сланныхъ имъ прежде, открыли огонь. Непріятель думая, что тутъ ожидало Русскихъ сильное подкрѣпленіе, очистилъ тылъ, и наши благополучно переправились за рѣчку. Здѣсь они держались до вечера. Ночью отошли еще 19 верстъ до оврага, находящагося въ 6 верстахъ отъ Смоленска, гдѣ нашелъ я ихъ 3 числа.

Въ этотъ день пѣхота наша покрыла себя славою. Къ стыду-же Французовъ надо сказать, что при 19 тысячахъ кавалеріи и дивизіи пѣхоты была у нихъ одна только батарея. Если-бы они имѣли съ собою болѣе артиллеріи, тогда-бы Невѣровскій погибъ. Немного также чести ихъ кавалеріи, что 19 тысячъ въ сорокъ атакъ не могли истребить 6 тысячъ нашей пѣхоты.

Если ближе разсмотрѣть французскую армію, которой у насъ привыкли безусловно удивляться, то увидимъ, что генералы ихъ не были такъ распорядительны, какъ завистники наши хотятъ насъ увѣрить, а кавалерія ихъ была далеко ниже похвалъ, которыя себѣ приписываетъ. Истинное преимущество Французовъ въ кампанію 1812 года состояло въ непомѣрномъ превосходствѣ силъ.

Самъ Наполеонъ былъ весьма недоволенъ распоряженіями своихъ генераловъ въ этотъ день. „Я ожидалъ, говорилъ онъ, всей дивизіи Русскихъ, а не пяти орудій, которыя вы привели съ собою“.

3 іюля *) въ 7 часовъ утра я соединился съ Невѣровскимъ и сообщилъ ему приказаніе корпуснаго командира передать мнѣ командованіе авангардомъ, а ему присоединиться къ корпусу. Войска

*) Ошибка въ рукописи.

мои заняли позицію за оврагомъ. Въ 4 часа пополудни показались непріятельскіе фланкеры, а потомъ его авангардъ. Кавалерія непріятеля, опрокинувъ моихъ казаковъ, подошла къ оврагу и остановилась на пушечный выстрѣлъ отъ моей батареи. На противной сторонѣ на высотахъ непріятель строился въ боевой порядокъ. Сильными колоннами развернулся онъ наравнѣ съ моимъ флангомъ. Я видѣлъ, что до 4 тысячъ кавалеріи обошли мой лѣвый флангъ и остановились въ деревнѣ. Ночь застигла всѣ эти движенія.

Въ полночь получилъ я приказаніе отъ корпуснаго командира пріѣхать въ главную его квартиру. Онъ расположился съ 12 и 27 дивизіями въ 3 верстахъ позади моей позиціи и въ такомъ-же разстояніи отъ Смоленска.

Я засталъ генерала Раевскаго, окруженнаго своими генералами.

„Иванъ Федоровичъ, сказалъ онъ мнѣ, мы получили повелѣніе держаться до послѣдней крайности, чтобы дать время придти арміи къ Смоленску. Я выбралъ эту позицію, и мы рѣшились принять здѣсь сраженіе.“

„И будете совершенно разбиты“, былъ мой отвѣтъ. „Если счастьемъ кто и спасется, то по крайней мѣрѣ мы потеряемъ всѣ орудія, а главное Смоленскъ будетъ въ рукахъ непріятеля“.

Раевскій улыбнулся. „Отчего-же вы такъ думаете?“

„Вотъ мои доказательства. Вы занимаете точно такую-же *въ длину* *) позицію, какъ и я впереди

*) Позднѣйшая вставка.

васъ за три версты. Правый флангъ защищенъ Днѣпромъ, но лѣвый совершенно открытъ. Къ тому еще позади васъ рытвина, непроходимая для артиллеріи. Сегодня непріятель обошелъ кавалеріею мой лѣвый флангъ. Завтра она повторитъ тотъ-же маневръ противъ васъ. Если вы даже и отобьете Французовъ съ фронта, то во время дѣла они обойдутъ васъ съ лѣваго фланга и займутъ Смоленскъ. Вы принуждены будете отступать и къ несчастью на свой лѣвый-же флангъ, то есть въ руки непріятеля, ибо не забудьте, что сзади васъ оврагъ, а тамъ стѣны Смоленска. Положимъ, что, ударивъ съ пѣхотою на непріятеля, при самомъ большомъ счастіи вы даже пробьетесь къ мостамъ Смоленскимъ, но артиллерію не провезете".

„Гдѣ-же вы думаете дать сраженіе?" спросилъ меня Раевскій.

„Въ самомъ Смоленскѣ. Можетъ быть мы тамъ удержимся. Въ несчастіи потеряемъ *артиллерію*, *) но сохранимъ корпусъ. Во всякомъ случаѣ выиграемъ время и дадимъ возможность арміи придти къ намъ на помощь".

Генералъ Раевскій задумался. Но трудно было ему отстать отъ своего плана тогда, какъ онъ рѣшился драться на выбранной имъ позиціи, и принять новое чужое мнѣніе, хотя и основанное на большей вѣроятности успѣха. Около четверти часа мы оставались въ молчаніи. Наконецъ, чтобы вывести его изъ этого непріятнаго положенія, я предложилъ *не угодно-ли* **) ему ѣхать верхомъ, такъ

---

*) Исправлено: „часть артиллеріи".
**) Позднѣйшая вставка.

какъ ночь была мѣсячная и свѣтлая, *лично* *) осмотрѣть *Смоленскъ и выбрать мѣста, гдѣ-бы можно было поставить войско съ большею для насъ выгодою на случай сраженія* **). Генералъ Раевскій согласился.

Смоленскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и огражденъ высокою, но ветхою, каменною стѣною. Ограда снабжена 30 башнями. *Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ* ***) неглубокій ровъ и передъ нимъ покрытый путь съ гласисомъ окружаютъ стѣну. *По западную сторону города на высотѣ находится большое земляное укрѣпленіе неправильной фигуры, называемое Королевскимъ бастіономъ* ****). На лѣвой-же сторонѣ находятся городскія предмѣстья.

Я упросилъ генерала Раевскаго позволить мнѣ съ 26 дивизіею стать *въ Королевскомъ бастіонѣ* *****), на который, по всѣмъ вѣроятностямъ, непріятель поведетъ атаку. Лѣвый-же форштадтъ рѣшено занять войсками 12 дивизіи. Мы возвратились къ корпусу. Пѣхотѣ приказано отходить, а кавалерія оставлена до разсвѣта на мѣстахъ. Она должна была поддерживать огни и, когда непріятель ее атакуетъ, отступить къ Смоленску.

Ночью мы занялись размѣщеніемъ войскъ. На правомъ флангѣ поставлены два орудія, обстрѣливавшія дорогу по Днѣпру; 8 баталіоновъ моей дивизіи

*) Позднѣйшая вставка.

**) Исправлено: „мѣстоположеніе, обсудить выгоды и невыгоды мѣстъ и рѣшить, гдѣ лучше дать сраженіе".

***) Позднѣйшая вставка.

****) Позднѣе исправлено: „Въ срединѣ противъ Оршинской или Краснинской дороги на высотѣ находится большой земляной кронверкъ, называемый Королевскимъ проломомъ.

*****) Исправлено: „около Королевскаго пролома".

положены за покрытымъ путемъ. На *бастіонъ* *) выставили 18 орудій и разбросали по стѣнѣ Виленскій полкъ. Бригаду 27 дивизіи *подъ командою полковника Ставицкаго* **) — на кладбищѣ праваго форштадта; передъ *кладбищемъ* ***) — 24 орудія. Восемь баталіоновъ и 24 орудія 12 дивизіи — въ самомъ форштадтѣ съ приказаніемъ, что если непріятель сдѣлаетъ нападеніе на предмѣстье и будетъ усиливаться, то зажечь дома и отступить въ городъ. Наконецъ на лѣвомъ флангѣ крѣпости два баталіона и 4 орудія, а въ резервѣ остальная бригада 27 дивизіи.

Устроившись такимъ образомъ, мы ожидали прибытія непріятеля. Около 6 часовъ утра я легъ отдохнуть. Черезъ полчаса меня разбудили. Непріятель уже показался.

Кавалерія наша во всю прыть отступала отъ непріятельской. Мы открыли огонь изъ орудій и остановили преслѣдованіе. Не прошло получаса, какъ увидѣли три большія колонны французской пѣхоты. ****) Одна изъ нихъ шла прямо на бастіонъ, другая — на кладбище, третья — вдоль Днѣпра на правый нашъ флангъ. Я бросился къ 6 баталіонамъ, лежавшимъ въ резервѣ, и вывелъ ихъ вдоль покрытаго пути. Всѣ семьдесятъ орудій нашихъ были уже въ дѣйствіи. Но непріятель прошелъ ядра, прошелъ картечь и приближался къ рытвинѣ, составлявшей на томъ мѣстѣ ровъ Смоленской крѣпости. Только

*) Исправлено: „кронверкѣ".

**) Исправлено: „полковника Ставицкаго, подъ моей командою находившагося — влѣво отъ кронверка.

***) Исправлено: „форштадтомъ".

****) *Примѣчаніе автора*: корпуса короля неаполитанскаго и маршала Нея, къ которымъ вскорѣ прибылъ самъ Наполеонъ.

что я успѣлъ выстроить одинъ баталіонъ, какъ Французы были уже на гласисѣ. Орловскій полкъ открылъ ружейный огонь и опрокинулъ *) непріятеля.

Нѣсколько разъ покушался онъ выйти изъ оврага, нѣсколько разъ бросался на нашу пѣхоту, но каждый разъ встрѣчалъ нашъ сильный огонь и принужденъ былъ возвращаться въ оврагъ.

Замѣчая, что атаки непріятеля слабѣютъ, я приказалъ 1-му баталіону Орловскаго полка броситься на него въ штыки. Баталіонъ вышелъ изъ покрытаго пути, но, увидѣвъ, что второй баталіонъ за нимъ не идетъ, остановился. Я послалъ адъютанта моего, Бородина. Онъ сталъ на гласисъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, закричалъ „ура“ и оба баталіона, *подъ командою полковника Берникова* **), съ крикомъ бросились на Французовъ. Въ это-же время полки Ладожскій и Нижегородскій ударили въ штыки, ***) и непріятель былъ опрокинутъ, выбитъ изъ рытвины, и трупами его устлано все пространство отъ гласиса до противной стороны оврага.

Полки мои бросились было преслѣдовать непріятеля. Я ударилъ отбой, возвратилъ ихъ и вновь построилъ баталіоны за прикрытымъ путемъ. Вскорѣ и непріятель, получивъ подкрѣпленіе, опять подошелъ къ намъ; но, остановясь по ту сторону оврага, перестрѣливался и не смѣлъ дѣлать на насъ новыхъ покушеній.

На лѣвомъ флангѣ *противъ бригады полковни-*

---

*) Исправлено: „держалъ“.
**) Позднѣйшая вставка.
***) Исправлено: „поддержали атаку“.

ка Ставицкаго *) непріятель въ стрѣлкахъ и колоннахъ подошелъ къ нашимъ батареямъ и, самъ, выдвинулъ артиллерію. Его встрѣтили картечью. *Генералъ Раевскій, лишась много людей и лошадей и боясь потерять орудія, приказалъ имъ***) отойти, но командиръ одной изъ артиллерійскихъ ротъ, подполковникъ Жураковскій, рѣшился держаться и продолжалъ стрѣлять картечью. Вскорѣ послѣдовало *общее ура*,***) и непріятель былъ и съ этой стороны въ большой потерѣ.

На лѣвомъ форштадтѣ, занятомъ 12 дивизіею, атаки не было.

Все это происходило около 9 часовъ по полуночи. Въ это время стала собираться подъ Смоленскомъ вся французская армія, становилась въ позицію и окружала городъ. Непріятель, видя неудачу приступовъ, устроилъ батареи и сталъ бить стѣны города, поддерживая промежутки батарей стрѣлками. Цѣлые полки подходили по баталіонно и разсыпались въ стрѣлки. Мы за покрытымъ путемъ потеряли людей немного, а Французы безпрерывно подкрѣпляли свои баталіоны. У меня были дурныя ружья. Я велѣлъ подобрать ружья французскія и перемѣнить ихъ на весь полкъ.

Около полудня показалась съ другой стороны и наша 2 армія. Князь Багратіонъ, пославъ наканунѣ корпусъ генерала Раевскаго, самъ думалъ перейти Днѣпръ у с. Катани, но, узнавъ, что всѣ силы Наполеона направлены къ Смоленску, снялъ мостъ и 4-го на разсвѣтѣ выступилъ изъ Катани.

*) Позднѣйшая вставка.
**) Исправлено: „и хотя орудіямъ нашимъ приказано„.
***) Исправлено: „общая атака въ центрѣ, о которой сказано выше“.

7 корпусъ былъ подкрѣпленъ 2 гренадерскою дивизіею принца Карла Мекленбургскаго. Ко мнѣ прислали баталіонъ Сибирскаго гренадерскаго полка. Къ вечеру прибылъ генералъ Барклай де Толли съ 1 арміею и сталъ на высотахъ праваго берега Днѣпра. Въ это время я видѣлъ, какъ обѣ арміи становились на позицію. У Наполеона было 185 тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, не считая корпусовъ Жюно и вице-короля италіанскаго, не успѣвшихъ къ нему присоединиться. Съ нашей стороны едва-ли было до 130 тысячъ. Канонада продолжалась до самой ночи.

Ко мнѣ пріѣзжалъ нашъ главнокомандующій, благодарилъ меня за это дѣло, обнялъ и сказалъ: „Я знаю, Иванъ Федоровичъ, что ты дѣлалъ; знаю, чѣмъ мы тебѣ обязаны". Я былъ счастливъ. Почти всѣ генералы приходили смотрѣть, какъ гласисъ противу моего бастіона былъ устланъ тѣлами французскихъ гренадеръ. Наконецъ былъ у меня и главнокомандующій, военный министръ, и благодарилъ съ обыкновеннымъ его хладнокровіемъ.

7 корпусъ, изнуренный двухдневнымъ походомъ и сраженіемъ, въ ночь на 5-е число смѣненъ былъ 6 корпусомъ. Доказательствомъ хорошаго выбора мѣста служитъ приказъ генерала Барклая де Толли, чтобы 6 корпусъ сталъ точно на тѣхъ-же мѣстахъ, какія занималъ 7-й, и вообще дѣйствовалъ по тѣмъ-же распоряженіямъ, какія сдѣланы были на 4 число.

Наполеонъ въ своихъ запискахъ говоритъ:

„La marche du prince d'Eckmuhl sur Minsk, Borisow et Mohilow sépara l'armée de Barclay de Tolly de celle de Bagration, ce qui obligea le pre-

mier à se porter sur Witepsk et de là sur Smolensk, pour se réunir avec Bagration. La jonction faite, il marcha avec 180.000 hommes sur Witepsk pour livrer bataille à l'armée française; mais Napoléon exécuta alors cette belle manoeuvre, qui est le pendant de celle, qu'il avait faite sous Landshut en 1809; il se couvrit par la forêt de Babinovitshi, tourna la gauche de l'armée russe, passa le Borysthène et se porta sur Smolensk, où il arriva 24 heures avant l'armée russe, qui rétrograda en toute hâte; une division de 15.000 Russes, qui se trouvait par hasard à Smolensk, eut le bonheur de défendre cette place un jour, ce qui donna le temps á Barclay de Tolly d'arriver le lendemain".

„Si l'armée française eût surpris Smolensk, elle y eût passé le Borysthène et attaqué par derrière l'armée russe en désordre et non réunie; ce grand coup fut manqué, mais le général français tira un grand avantage de sa manoeuvre etc.*) (Монтолонъ 2 изд. 1830 г. т. 8 стр. 155).

---

*) „Движеніе князя Экмюльскаго на Минскъ, Борисовъ и Могилевъ отдѣлило армію Барклая де Толли отъ арміи Багратіона; это вынудило перваго изъ нихъ направиться на Витебскъ, а оттуда на Смоленскъ, для соединенія съ Багратіономъ. По соединеніи, онъ двинулся съ 180000 человѣкъ на Витебскъ, чтобы дать сраженіе французской арміи; но Наполеонъ исполнилъ тогда прекрасный маневръ, подобный маневру, произведенному имъ въ 1809 году подъ Ландсгутомъ; подъ прикрытіемъ Бабиновичскихъ лѣсовъ онъ обошелъ лѣвый флангъ русской арміи, переправился черезъ Днѣпръ и двинулся на Смоленскъ, куда прибылъ за сутки до русской арміи, которая отступала съ возможной быстротой; 15 тысячной русской дивизіи, случайно находившейся въ Смоленскѣ, удалось удержать въ теченіи одного дня эту крѣпость, что дало время Барклаю де Толли прибыть на слѣдующій день".

„Если-бы французская армія захватила неожиданно Смоленскъ, она перешла-бы тамъ черезъ Днѣпръ и атаковала съ тылу русскую армію, находившуюся въ безпорядкѣ и разбросанную. Этотъ мастерской планъ не удался, но французскій полководецъ извлекъ значительныя выгоды изъ своего маневра, и т. д.

Изъ дневника Пяткина.

Маіоръ Пяткинъ во время Отечественной войны состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 7 пѣхотнаго корпуса. Въ маѣ 1837 года, когда Пяткинъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта проживалъ въ Московской губерніи, печатаемое извлеченіе изъ дневника его было препровождено адъютантомъ Паскевича, полковникомъ Ушаковымъ, Михайловскому Данилевскому. По характеру изложенія настоящій отрывокъ является скорѣе не дневникомъ, а воспоминаніемъ, составленнымъ по дневнику, притомъ съ замѣтной тенденціей оттѣнить роль Паскевича во время Смоленскихъ событій.

Наступленіе русской арміи къ Инкову. Распоряженія Багратіона по полученіи извѣстія о переправѣ Наполеона на лѣвый берегъ Днѣпра. Движеніе корпуса Раевскаго на подкрѣпленіе къ Невѣровскому. Разговоръ въ Смоленскѣ Раевскаго съ Бенигсеномъ. Свѣдѣнія, полученныя отъ плѣннаго французскаго офицера. Донесеніе Невѣровскаго. Паскевичъ совѣтуетъ обороняться въ Смоленскѣ. Приближеніе французской арміи къ Смоленску. Донесеніе Раевскаго Багратіону. Отвѣтъ Багратіона. Прибытіе подкрѣпленій. Бой 4 августа.

Послѣ соединенія россійскихъ армій подъ г. Смоленскомъ и краткаго отдыхновенія войскъ въ окре-

стностяхъ онаго обѣ арміи двинулись впередъ, по направленію къ Инкову и Венцетовкѣ. Намѣреніе главнокомандующихъ было разбить корпусъ маршала Нея и, разрѣзавъ армію Наполеона, стать между Оршею и Витебскомъ.

При первомъ извѣстіи о движеніи нашемъ Наполеонъ быстро сосредоточилъ свои войска на правомъ своемъ флангѣ, переправился черезъ Днѣпръ и устремился всѣми силами на Смоленскъ. Князь Багратіонъ, извѣщенный о переходѣ французской арміи черезъ Днѣпръ, предвидя, что отрядъ генералъ-маіора Невѣровскаго, находившійся близъ города Краснаго, подвергается большой опасности, приказалъ генералъ-лейтенанту Раевскому, идущему съ корпусомъ своимъ изъ Смоленска къ с. Надвѣ, остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ приказаніе сіе его застанетъ. Вскорѣ потомъ адъютантъ Невѣровскаго, ѣхавшій съ рапортомъ къ главнокомандующему, извѣстилъ генерала Раевскаго, что непріятель съ большими силами напираетъ на отрядъ Невѣровскаго.

Черезъ часъ получено было отъ князя Багратіона предписаніе, чтобы генералъ Раевскій возвратился и слѣдовалъ съ ввѣреннымъ ему корпусомъ черезъ Смоленскъ по дорогѣ къ г. Красному и, занявъ на половинѣ дороги позицію, принялъ бы къ себѣ отрядъ Невѣровскаго. Генералъ Раевскій, повернувъ корпусъ свой къ Смоленску, съ тѣмъ-же курьеромъ, который былъ присланъ къ нему отъ князя Багратіона, просилъ дать въ его распоряженіе 2 кирасирскую дивизію, которая нужна была ему, потому что онъ долженъ былъ сражаться съ непріятелемъ въ открытомъ мѣстоположеніи, причемъ

просилъ разрѣшенія—должно-ли, въ случаѣ встрѣчи его съ превосходными силами непріятеля и при необходимости отступленія, защищаться въ Смоленскѣ, или не долженъ ли онъ, перешедъ рѣку Днѣпръ, препятствовать черезъ нее непріятельской переправѣ. Но отвѣта на сіе получено не было.

На разсвѣтѣ, подходя уже къ Смоленску, генералъ Раевскій послалъ меня для освѣдомленія объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ сему критическому положенію. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, я узналъ отъ казаковъ, прибывшихъ туда съ вьюками, что отрядъ Невѣровскаго, будучи окруженъ огромными массами непріятельской кавалеріи, подвергся совершенному истребленію. Возвратясь съ симъ непріятнымъ извѣстіемъ къ генералу своему, я, между прочимъ, доложилъ ему, что въ Смоленскѣ находится генералъ Бенигсенъ. Онъ тотчасъ поѣхалъ къ нему и услышалъ тоже, что и я ему докладывалъ. Генералъ Бенигсенъ, у котораго Раевскій просилъ совѣта, изъявилъ душевное сожалѣніе объ опасностяхъ, кои предстоятъ ему, совѣтовалъ оставить корпусную артиллерію на правомъ берегу Днѣпра и тѣмъ спасти оную отъ неминуемой потери при свалкѣ съ непріятелемъ въ стѣнахъ города. Такова была увѣренность со стороны генерала Бенигсена въ погибели всего корпуса.

Генералъ Раевскій, постигая всю важность занимаемаго имъ поста и предвидя, что дѣло идетъ не о сохраненіи нѣсколькихъ орудій, какъ предполагалъ Бенигсенъ, но о спасеніи главныхъ силъ арміи, сказалъ генералу Бенигсену, что скорѣе онъ погибнетъ, нежели позволитъ непріятелю отрѣзать

объ наши арміи отъ всякихъ сообщеній съ Москвою и полуденными губерніями, и, оставивъ Бенигсена, послѣдовалъ за своимъ корпусомъ, который потянулся по дорогѣ къ Красному.

Въ ожиданіи вѣрнаго извѣстія отъ Невѣровскаго генералъ Раевскій остановился съ корпусомъ въ 4 верстахъ отъ г. Смоленска. Вскорѣ послѣ сего представилъ я Раевскому взятаго казаками въ плѣнъ французскаго офицера, называвшагося адъютантомъ Мюрата. Раевскій принялъ его ласково, чего вѣроятно онъ не ожидалъ, и, въ изліяніи чувствъ признательности къ таковому пріему, сказалъ Раевскому, что передъ нами стоитъ Наполеонъ съ главными силами и что завтра, т. е. 4 августа, атакуетъ насъ всѣми силами въ честь дня своего рожденія.

Спустя нѣсколько времени прибылъ и генералъ Невѣровскій съ остатками его пѣхоты. Онъ донесъ генералу Раевскому, что Французы отбили у него нѣсколько орудій, и что потеря въ людяхъ довольно ощутительна, что непріятель остановился на ночлегъ верстахъ въ 8 отъ Смоленска, что войска, поражавшія его, весьма многочислены, и что казаковъ оставилъ онъ на аванпостахъ. Генералъ Раевскій донесъ обо всемъ имъ встрѣченномъ своему главнокомандующему, князю Багратіону.

28 баталіоновъ составляли въ сіе время корпусъ Раевскаго, считая въ томъ числѣ и отрядъ Невѣровскаго. Число-же наличнаго состоянія войскъ нашихъ, имѣющихъ сопротивляться огромнымъ силамъ непріятеля, пришедшимъ къ Смоленску прежде нашихъ армій 24 часами, не простиралось свыше 14 тысячъ человѣкъ. Не смотря однако-же на сію мало-

численность, генералъ Раевскій рѣшился биться съ непріятелемъ во чтобы то ни стало на занятой имъ позиціи. Но генералъ-маіоръ Паскевичъ, раздѣлявшій съ нимъ славу въ сраженіи подъ Дашковкою, отъ успѣховъ котораго разобщенныя наши арміи имѣли счастье соединиться, замѣтивъ генералу Раевскому: „что взятая нами позиція невыгодна; что линія нашихъ войскъ отдѣлена отъ стѣнъ города; что позади нашего фронта находится много овраговъ, рытвинъ и водомоинъ, которые, въ случаѣ напора многочисленнаго непріятеля, сдѣлаютъ намъ большую преграду въ отступленіи; что артиллерія наша неминуемо при семъ случаѣ будетъ потеряна, и что непріятель, вступя на плечахъ нашихъ въ городъ и пользуясь многочисленностью войскъ своихъ, перейдетъ на правый берегъ Днѣпра и, занявъ Московскую дорогу, атакуетъ идущія на помощь къ Смоленску обѣ наши арміи *)", — совѣтовалъ подвинуться къ самымъ стѣнамъ города, поставивъ тяжелую артиллерію на бастіонахъ крѣпости, говоря притомъ: „что позиція сія имѣетъ, по мнѣнію его, тѣ преимущества, что всѣ овраги и рытвины останутся впереди нашей линіи, и, если-бы непріятель покушался штурмовать городъ, то прежде всего надобно ему пройти подъ выстрѣлами нашей артиллеріи и пѣхоты всѣ поставленныя ему натурою преграды, гдѣ, встрѣтя его поднимающагося изъ овраговъ картечнымъ огнемъ и штыками, нанесемъ ему сильное пораженіе".

---

*) Противъ соотвѣтствующаго мѣста рукописи Михайловскимъ Данилевскимъ сдѣлана помѣтка: „объ этихъ словахъ, сказанныхъ И. Ѳ. Паскевичемъ, говорилъ онъ мнѣ самъ нѣсколько разъ, слѣдственно они принадлежатъ исторіи".

Генералъ Раевскій, знавши военные таланты генерала Паскевича и имѣя къ нему полную довѣренность, не уклонился отъ его совѣта и, обозрѣвъ съ нимъ и прочими своими сослуживцами всѣ предмѣстья города, вполнѣ согласился на предложеніе уважаемаго имъ генерала, вслѣдствіе чего сдѣлано было слѣдующее распоряженіе. Вся пѣхота поставлена была передъ предмѣстьемъ города. Правымъ флангомъ, расположеннымъ у самыхъ стѣнъ крѣпости, поручено было командовать генералу Паскевичу. Батарейная артиллерія поставлена была на бастіонахъ крѣпости, а легкая размѣщена была, по удобности, при пѣхотѣ и кавалеріи.

Новая сія позиція принесла намъ, какъ увидимъ ниже, неисчислимыя выгоды, въ особенности же тѣмъ, что непріятельская артиллерія, имѣя передъ собою овраги, рытвины и водомоины, не могла приблизиться къ нашему фронту и наносить намъ чувствительной потери.

Въ 5 часовъ вечера раздался въ непріятельской арміи пушечный выстрѣлъ. Минуту спустя прискакалъ съ аванпостовъ казачій офицеръ съ рапортомъ, что непріятель тронулся къ Смоленску. Генералы Раевскій, Паскевичъ, Невѣровскій, Оленинъ и проч., поѣхали для обозрѣній непріятельскихъ движеній. Вскорѣ увидѣли мы всю кавалерію Мюрата и огромныя массы пѣхоты, кои развертывались по полямъ для ночлега. При наступленіи ночи безчисленныя линіи огней, протянутыя на чрезмѣрное пространство, удостовѣрили насъ, что непріятель находится передъ нами со всѣми своими силами.

Генералъ Раевскій вполнѣ чувствовалъ опасность своего положенія, ибо обѣ наши арміи находились тогда отъ Смоленска въ 40 верстахъ и прежде слѣдующей ночи намъ нельзя было ожидать подкрѣпленія. Онъ отправилъ къ главнокомандующимъ курьеровъ съ донесеніемъ о силахъ непріятеля, расположившихся передъ его корпусомъ; къ князю же Багратіону присовокупилъ, что спасеніе нашихъ армій зависитъ отъ упорной защиты Смоленска ввѣреннымъ ему отрядомъ.

Передъ разсвѣтомъ Раевскимъ была получена отъ князя Багратіона слѣдующаго содержанія записка: „Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья, чтобъ поскорѣе соединиться съ тобою. Держись! Богъ тебѣ помощникъ“.

Около седьмого часу вечера прибыли къ намъ на подкрѣпленіе четыре полка гренадеровъ, которые и помѣщены были позади предмѣстья въ резервѣ. Подкрѣпленіе сіе ободрило генерала Раевскаго чрезвычайно. Прежде еще сего подошла кирасирская дивизія, полкъ драгуновъ и полкъ улановъ, изъ коихъ первая, по приказанію Раевскаго, оставлена по ненадобности на правомъ берегу Днѣпра, а послѣдніе два полка присоединены были на лѣвомъ флангѣ нашей пѣхоты.

4 числа съ утренней зарею завязалась перестрѣлка между обѣими линіями. Непріятель повелъ главныя атаки на нашъ правый флангъ, примыкающій къ лѣвому берегу Днѣпра, въ томъ, конечно, предположеніи, чтобы уничтожить наше правое крыло, захватить Днѣпровскій мостъ и отрѣзать наше отступленіе по оному! Но судьбы Всевышняго

неисповѣдимы! Всѣ атаки непріятеля отражены были съ неимовѣрнымъ присутствіемъ духа и гибельною для него потерею, въ особенности же въ оврагахъ, которые они стремились перейти съ тѣмъ, чтобы завладѣть крѣпостными бастіонами, примыкающими къ берегу Днѣпра. Артиллерія наша наносила имъ ужасное пораженіе, а баталіоны Орловскаго пѣхотнаго и прочихъ полковъ по распоряженію генерала Паскевича опрокидывали непріятельскія колонны обратно въ стремнины, ими проходимыя, которыя подъ конецъ завалены были непріятельскими трупами. Но не смотря однако-же на сіе убійственное пораженіе, непріятель съ невѣроятнымъ стремленіемъ усиливался и возобновлялъ свои атаки съ тѣмъ, чтобы достигнуть своей цѣли, ибо арміи наши не подошли еще къ Смоленску; но, утомясь и понеся въ рядахъ своихъ неожиданную потерю, къ вечеру прекратилъ свои дѣйствія. Войска наши появлялись уже на высотахъ праваго берега Днѣпра, и генералъ Дохтуровъ смѣнилъ насъ въ полночь своимъ корпусомъ.

Генералъ Раевскій, видя, что непріятельскія колонны, прекративъ огонь, начали располагаться на ночлегъ, подъѣхалъ къ побѣдоноснымъ войскамъ генерала Паскевича и, обнявъ сего послѣдняго, сказалъ ему, сколько я могу припомнить, слѣдующія достопамятныя слова: „Иванъ Федоровичъ! Сей побѣдоносный день принадлежитъ къ блестящей вашей исторіи. Воспользуясь предусмотрительными вашими совѣтами, мы, при помощи Всевышняго, спасли не только что Смоленскъ, но гораздо болѣе и драгоцѣннѣе — обѣ наши арміи и дражайшее отечество!“

Послѣ благодарилъ всѣ войска, состоящія у него подъ командою, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

Воспоминанія Коновницына.

Авторъ воспоминаній, графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, родился въ 1764 году. Поступивъ въ 1785 году на военную службу въ Л. гв. Семеновскій полкъ, онъ въ 1788—90 годахъ принималъ участіе въ войнѣ противъ Швеціи, въ 1792 году—въ дѣйствіяхъ противъ Польши, въ 1808-9 годахъ—въ походахъ въ Финляндію. Въ 1812 году, будучи сперва начальникомъ 3 пѣхотной дивизіи, а затѣмъ дежурнымъ генераломъ всѣхъ армій, Коновницынъ тѣсно связалъ свое имя съ славнѣйшими страницами Отечественной войны. Впослѣдствіи онъ принялъ участіе въ войнѣ 1813 года. Съ 1815 по 1819 годъ Коновницынъ состоялъ военнымъ министромъ и скончался въ 1822 году.

Воспоминанія Коновницына находятся въ числѣ матеріаловъ Михайловскаго Данилевскаго и представляютъ тетрадь въ листъ писчей бумаги, на которой покойнымъ историкомъ сдѣлана 13 октября

1820 года слѣдующая помѣтка: „Сей любопытный отрывокъ писанъ собственною рукою героя графа Петра Петровича Коновницына, съ котораго я взялъ копію; онъ назначенъ былъ для извѣстнаго литератора Павла Петровича Свиньина, намѣревавшагося сдѣлать картинное путешествіе по мѣстамъ, гдѣ происходила война 1812 года, потому въ немъ такъ часто и говорится о видахъ".

Дѣло 14 іюля при Какувячинѣ. Бой подъ Смоленскомъ 5 августа. Смоленскъ вечеромъ 5 и утромъ 6 августа. Арьергардныя дѣла отъ Вязьмы до Бородина. Бой при Шевардинскомъ редутѣ. Бой при Лубинѣ. Сраженіе при Бородинѣ. Военный совѣтъ въ Филяхъ. Тарутинскій лагерь. Движеніе арміи 5 октября и нападеніе при Тарутинѣ 6 октября. Сеславинъ въ засадѣ. Бой при Маломъ Ярославцѣ. Кутузовъ въ Леташевкѣ.

Жаркое дѣло 14 іюля въ 14 верстахъ отъ Витебска не подалеку отъ корчмы Каковачи, гдѣ три дивизіи и двадцать эскадроновъ конницы были атакованы тремя французскими корпусами. Дѣло сіе важно по несоразмѣрности съ непріятельскими силами и было первое, гдѣ Бонапартъ лично въ первый разъ въ Россіи былъ въ дѣлѣ предводителя войсками. Мы въ позиціи своей держались цѣлый день; два орудія наши были на батареяхъ непріятельскою конницею взяты, но были отбиты храбрымъ Черниговскимъ полкомъ, который взлетѣлъ на высоты, поразилъ непріятеля штыками и отнялъ свои пушки.

Мѣсто сего сраженія весьма замѣчательно инымъ на большой дорогѣ. Позиція была взята на буграхъ, поросшихъ рѣдкимъ лѣсомъ. На высотахъ

устроены были сильныя батареи. Колонны наши поставлены были скрытно въ нашей позиціи, а резервы такъ, что вездѣ удобно и возможно было ихъ обращать. Кавалерія стояла на равнинахъ справа и слѣва. Рѣка Двина находится въ двухъ верстахъ отъ позиціи.

14 числа я командовалъ нашими войсками. Французскіе корпуса были: короля неаполитанскаго, вице короля италіанскаго Евгенія и маршала Бессьера. Непріятель былъ допускаемъ на ружейный выстрѣлъ и картечью и штыками всегда былъ опрокинутъ до самаго того времени, какъ уже приказано сойти на другую позицію.

Дѣло сіе было чрезвычайно упорное. Мы потеряли слишкомъ двѣ тысячи въ убитыхъ и раненыхъ, непріятель гораздо насъ больше—его колонны при батареяхъ нашихъ падали мертвыми.

Дѣла подъ Смоленскомъ можно представить въ 3 видахъ.

Днемъ 5 августа отъ стороны Малаховскихъ воротъ, выѣхавъ за шлагбаумъ, слѣва отъ дороги высота, гдѣ старое кладбище. Изъ сего мѣста видна была вся несчетная сила непріятельскихъ войскъ разнаго рода, его центръ и правый флангъ; также и главная часть крѣпости Смоленской, которой внѣшнія укрѣпленія всѣ заняты были нашимъ войскомъ. На старой стѣнѣ по зубцамъ стояли стрѣлки. Батареи непріятельскія всѣ устремлены были на сей пунктъ крѣпости, по воротамъ Малаховскимъ; градъ бомбъ и ядеръ осыпалъ насъ. Сопротивленіе было ужасное и невѣроятное.

Второй видъ представить можно вечернее вре-

мя, гдѣ весь городъ объятъ былъ пламенемъ. Непріятель въ колоннахъ былъ уже на гласисѣ, но вездѣ сбитъ и опрокинутъ. Стрѣлками нашими всѣ зубцы старой крѣпости, такъ сказать, унизаны были. Безпрерывно огонь продолжали.

Третій видъ—6 числа, гдѣ армія на свѣту выходитъ въ позицію по лѣвую сторону Днѣпра въ гору за шлагбаумъ Петербурга на равнинахъ. Нужно отъ самаго Днѣпра смотрѣть: предстаетъ мостъ въ пламени; непріятеля, съ лѣвой стороны моста отъ Смоленска черезъ рѣку вбродъ переходящаго, передовыя уже ихъ войска занимаютъ гору Покровскую, проходятъ черезъ огороды, коноплянки (?) сады, ...*) или рытвины, касаются самаго кладбища, обнесеннаго каменною стѣною, гдѣ почти касаются до батарей нашихъ. Но въ виду—наши арміи. Я поскакалъ съ первыми войсками, кои тогда мнѣ попались, бью съ горы въ штыки отъ кладбища, поражаю непріятеля, очищаю весь форштадтъ и топлю его въ рѣкѣ, причемъ беру въ плѣнъ 8 штабъ офицеровъ.

Нѣсколько позицій можно сдѣлать арьергардныхъ отъ Вязьмы до Бородина, гдѣ почти вся наша кавалерія и непріятельская подъ командою Мюрата ежедневно сражалась.

На равнинахъ всегда кавалерія наша строилась въ видѣ шахматовъ. Гдѣ встрѣчали позиціи, то есть высоты, прикрытыя рѣками, болотами, дефилеями, то батареи ставились для крестообразнаго по непріятелю дѣйствія, а въ удобныхъ мѣстахъ производилась атака многими эшелонами, въ лѣсахъ

*) Неразобранное слово.

дѣлались пѣхотою засады. Можно представить, какъ при проходахъ нашихъ войскъ легкихъ селенія и стоги съ хлѣбомъ и сѣномъ зажигались самими мужиками.

24 числа авангардное дѣло въ 2 верстахъ отъ Бородина, съ коего вся Бородинская позиція арміи открывается, было дѣло авангардное, гдѣ промежду равнинъ находится лощина. Сей видъ я помню и могу довольно похоже представить. Тутъ при цѣлыхъ арміяхъ нашей и непріятелей истреблено нашею кавалеріею и казаками нѣсколько эскадроновъ лучшей его кавалеріи,и взяли въ плѣнъ адъютанта Нея.

Дѣло 7 августа не подалеку отъ Смоленска при Заболотьѣ или Любовичи, гдѣ нужно было непремѣнно удержать сходящія тутъ дороги и симъ не дать отрѣзать слѣдующихъ еще колоннъ. Корпуса 2-й, 3-й и 4-й наши были въ дѣлѣ. Дѣло было весьма велико къ вечеру, особливо потому, что въ лѣсныхъ мѣстахъ колонны должны были сходить (?) въ рукопашный бой. Войска наши показали тутъ славу и силу нашу дерзкому нашему непріятелю. Непріятель опрокинутъ, и мѣсто сраженія осталось за нами. Французы сіе дѣло называютъ „aux bois des innocents“. Потеря сія обѣихъ сторонъ была велика. Тутъ полки Лейбъ-Гренадерскій и Аракчеевскій показали свои неустрашимости, бросились въ штыки. Кареемъ Чеглокова, съ лѣвой стороны на горѣ устроеннымъ, храбро удержаны всѣ атаки непріятеля.

Бородинскую нашу позицію нужно смотрѣть съ двухъ высотъ: съ первой—впереди отъ деревни Семеновской, а съ другой— съ праваго фланга непріятельскаго, по старой Смолянкѣ, гдѣ на горѣ гре-

бешкомъ лѣсъ. На правомъ флангѣ нашемъ есть также удобная для съемки высота; а, чтобы съ фронта видѣть на всю позицію нашу по большой дорогѣ Смоленской, за 2 версты есть также высота, которая покажетъ первый взглядъ, гдѣ было мое авангардное дѣло.

О дѣлѣ Бородинскомъ я могу только сказать о тѣхъ войскахъ, при коихъ я былъ, ибо весь разумъ мой и всѣ мои напряженія душевныя и тѣлесныя обращались на тѣ предметы, кои меня окружали въ пылу и жестокомъ огнѣ.

Я былъ съ 25 числа совсѣмъ на лѣвомъ флангѣ, на старой Смолянкѣ, въ отдѣльномъ корпусѣ у Тучкова. 26-го весьма рано переведенъ съ дивизіею къ Багратіону, къ деревнѣ Семеновской, передъ коею высоты, нами занимаемыя, были непріятелемъ взяты. Я ихъ разсудилъ взять. Моя дивизія за мною послѣдовала, и я съ нею очутился на высотахъ и занялъ прежнія наши укрѣпленія. При семъ довольно счастливомъ происшествіи получаю извѣстіе, что Багратіонъ и его генералъ-штабъ(?) Сенъ-При ранены, коихъ уже понесли, и мнѣ, какъ на семъ пунктѣ старшему, Багратіономъ оставлено главное начальство; для чего долженъ былъ я тотчасъ войти въ новое начальство, оріентироваться во всемъ, что есть, до присылки генерала Дохтурова.

Я, видя стремленіе всей непріятельской кавалеріи, отъ коей тучи пыли отъ земли до небесъ столбомъ показывали мнѣ ея ко мнѣ приближеніе, я съ Измайловскимъ полкомъ, устроя его въ шахматныя кареи, рѣшился выждать всю непріятельскую кавалерію, которая въ видѣ вихря на меня нале-

тѣла. Не буду заниматься счетомъ шаговъ отъ кареевъ, въ коихъ обложилъ непріятель мои кареи, но скажу, что онъ былъ такъ близокъ, что каждая, можно сказать, пуля наша валила своего всадника. Перекрестные огни боковыхъ фасовъ произвели тысячи смертей, а остальному ужасъ.

Таковаго рода были три непріятельскія атаки и всѣ безуспѣшныя. Измайловскіе гренадеры, не разстроивая строя, бросились на гигантовъ, окованныхъ латами, и свергали сихъ странныхъ всадниковъ штыками. Послѣ каждаго (?) кавалерія наша гнала и поражала непріятелей безъ пощады. Литовскій гвардейскій полкъ былъ отъ меня лѣвѣе на высотѣ и тутъ-же невѣроятную стойкость и храбрость оказывалъ.

Непріятель, занявъ высоты, перекрестными выстрѣлами уменьшилъ наши неподвержныя (неподвижныя?) кареи, могъ ихъ бить, но не побѣдить.

Передъ вечеромъ я по приказу отправился взять команду 3 корпуса послѣ раненаго генерала Тучкова на старую Смоленскую дорогу, на лѣвый флангъ обѣихъ армій.

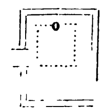
При Москвѣ на Поклонной горѣ армія взяла свои позиціи, и теперь вѣроятно остались еще ретраншаменты на высотахъ. Сію позицію можно представить весьма интересно. Тутъ и видъ будетъ сзади Бѣлокаменной со златыми верхами Москвы во всемъ ея еще тогда цвѣтѣ и красотѣ.

При самой Москвѣ, въ ближайшей деревнѣ, по имени Фили, на среди оной, ѣдучи отъ Бородина на лѣвой сторонѣ улицы, былъ домъ новенькій мужичій, гдѣ фельдмаршалъ собралъ совѣтъ изъ кор-

пусныхъ генераловъ. Тутъ еще была колода толстаго дуба, поваленная, гдѣ мы, собираясь, сидѣли, разсуждали между собою о положеніи нашемъ. Тутъ мы согласились не оставлять Москву безъ пролитія послѣдней капли крови, буде то отъ насъ зависить будетъ. Тутъ можетъ быть никогда сердца наши не ощущали такого пріятнаго долга пролить кровь нашу, какъ при семъ смертномъ часѣ.

Въ избѣ у фельдмаршала совѣтъ составляли: Барклай, Бенигсенъ, Дохтуровъ, Платовъ, Уваровъ, Багговутъ, Остерманъ-Толстой, Раевскій и я. Также и начальникъ штаба Ермоловъ, по своему званію, и генералъ-квартирмейстеръ Толь.

Избу сію представить можно, коли ея уже нѣтъ, сидящаго фельдмаршала со входу въ нее слѣва на лавкѣ *).

Мнѣнія были различны. Наконецъ рѣшено большинствомъ голосовъ оставить Москву, о чемъ послано сказать Растопчину. Отъ сего у насъ волосы стали дыбомъ.

Теперь достопамятный представить нужно лагерь съ позиціею при Тарутинѣ, который при рѣчкѣ на высотахъ. Вдали, верстъ за шесть отъ Тарутина, по дорогѣ отъ Воронова, есть высота, которая покажетъ довольно хорошо высоты Тарутинскія и даже лѣсъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, который укрѣпленъ засѣками, батареями, и занятъ 10 полками егерей. Съ сей горы непріятель увидѣлъ въ первый разъ, что мы его ждемъ, а можетъ, и получилъ предчув-

*) Прилагаемый набросокъ сдѣланъ перомъ въ рукописи.

ствіе, что отъ сего мѣста и часа пойдетъ ему худо.

Авангардъ нашъ былъ верстахъ въ пяти отъ лагеря арміи.

Въ Тарутинѣ подъ горою недалеко отъ рѣчки Нары на правой сторонѣ мужичій домъ, гдѣ фельдмаршалъ принималъ Лористона, но его квартира была въ Леташевкѣ, 3 версты отъ Тарутина. Въ сей достопамятной избѣ, пріѣзжая изъ губерній и провинцій, депутаты, также и разные граждане всякаго рода и состоянія, толпились и спрашивали у главнокомандующаго приказъ на пожертвованія имуществами своими.

Взятіе окоповъ штурмомъ Дороховымъ при Вереѣ и занятіе самаго города въ видѣ весьма будетъ представить интересно, гдѣ на самый штурмъ головы колоннъ ведены были мужиками.

5 октября представить можно у Тарутина на правомъ флангѣ въ вечернее время всю почти армію, переходящею черезъ мостъ, а въ позиціи весь лагерь былъ освѣщенъ огнями, дабы скрыть движеніе ея отъ непріятеля. Войска Бенигсеновой команды, переправясь, расположились въ колоннахъ при самой почти непріятельской цѣпи и тамъ имѣли ночлегъ. Случай сей покажется вѣрно иностранцамъ, а паче Французамъ, невѣроятнымъ.

6 числа на разсвѣтѣ первая атака произведена на Мюрата, взято много пушекъ. Тутъ непріятель могъ видѣть несчетныя колонны наши, идущія полукружіемъ. Много для сего дня вида прекраснаго. Бенигсена можно представить у середины праваго

фланга, фельдмаршалъ — на большой дорогѣ у войскъ Милорадовича.

Послѣ дѣла Тарутинскаго слѣдуетъ Мало-Ярославское. До сего можно представить партизана Сеславина, стерегущаго непріятеля въ скрытомъ лѣсу, самаго на деревѣ, а отрядъ его въ лощинѣ. Онъ видитъ своими собственными глазами маршъ Наполеона со всею своею арміею по направленію къ Калугѣ черезъ Малый-Ярославецъ. Къ нему приводятъ восемь французской гвардіи солдатъ, кои согласно показываютъ, что вся армія и Наполеонъ идетъ, дабы обойти насъ и отрѣзать отъ провинцій плодородныхъ, лишить насъ продовольствія и всѣхъ снабженій, отрѣзать насъ отъ всѣхъ средствъ, запасовъ, резервовъ, снарядовъ—словомъ хотѣлъ сокрушить насъ и привесть къ невозможности слѣдовать за нимъ.

Малый-Ярославецъ представить должно въ двухъ видахъ.

Первый—по дорогѣ отъ Тарутина, гдѣ корпусъ Дохтурова утромъ вступилъ уже въ бой. Непріятель, переправя пѣхоту черезъ бродъ, занялъ уже часть города, и по сю сторону лѣсъ съ оврагами и луга, покрытые мѣстами кустами; армію всю нашу, поспѣшающую въ сильныхъ колоннахъ; въ головѣ вдали всѣ казаки съ Платовымъ на маршѣ; шествіе войскъ вдоль по берегу рѣчки, противной стороны берега заняты непріятелемъ, гдѣ въ одной деревушкѣ находился и самъ Бонапартъ, дабы своими глазами удостовѣриться, что вся наша тутъ идетъ армія. Тутъ по разсказамъ извѣстно, что Тульскаго казачьяго полка (полкъ сей милиціон-

ный изъ мужиковъ) нѣсколько человѣкъ переѣхали вбродъ малую тамъ рѣчку, вскакали въ деревню, стоящую при самомъ берегу. Одинъ изъ молодыхъ, 18 лѣтній казакъ, бросился на одного Француза въ сѣромъ сертукѣ, но то былъ самъ Наполеонъ. Конвой его, скрывшись за избою, хватаетъ его и беретъ въ плѣнъ. Обстоятельство сіе дѣлается намъ извѣстнымъ по случаю, что молодой сей казакъ или мужичекъ нашелъ средство уйти, самъ разсказывалъ, а захваченные плѣнные согласно о семъ подтвердили. Сближеніе къ Малому-Ярославцу арміи въ виду самаго города, маршъ всей арміи при восходящемъ солнцѣ. Открытыя мѣста и пригорки содѣлаютъ сей видъ весьма пригожимъ. Тутъ противоположный берегъ противъ Малаго-Ярославца верхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, гдѣ непріятельская армія стояла, открываетъ.

Второй видъ—армія приходитъ въ позицію, стала на дорогѣ Калужской на равнинахъ въ колоннахъ въ нѣсколькихъ линіяхъ. Непріятельскія всѣ силы покрыли высоты на той сторонѣ рѣчки въ кустарникахъ и заняли уже городъ. Тутъ наши колонны съ стремленіемъ, намъ однимъ свойственнымъ, врываются въ городъ, гдѣ происходитъ жестокая битва. Пять разъ городъ переходитъ изъ рукъ въ руки; городъ пылаетъ; устроенныя наши батареи въ разныхъ мѣстахъ наводятъ тысячи смертей непріятелю. Тутъ при центрѣ арміи у большой дороги Калужской можно фельдмаршала представить, окруженнаго огромнымъ штабомъ.

Позицію еще можно сдѣлать при деревнѣ Полотняныхъ Заводахъ, кажется, помѣщика Львова;

заслуживаетъ и потому, что дѣйствовалъ онъ (?) хорошо, прекрасныя высоты, оба фланга арміи прикрыты болотами. Также интересно и потому, что съ той позиціи непріятель рѣшился уже уходить, и мы первый разъ двинулись провожать его.

На другой день дѣла Малаго-Ярославца можно представить въ трехъ верстахъ биваки фельдмаршала на горѣ, при лѣсѣ, гдѣ привозятъ 12 пушекъ, казаками и егерями 20 егерскаго полка взятыхъ на непріятельскомъ правомъ флангѣ.

При Тарутинскомъ лагерѣ въ деревнѣ Леташевкѣ, гдѣ съ разныхъ сторонъ приходятъ резервы, казачьи полки, пушки, запасы, у избы фельдмаршала онъ стоитъ самъ, мимо его войска проходятъ; у избы его люди разнаго рода (люди) толпятся къ нему: дворяне, купцы съ образами, хлѣбомъ-солью, духовенство, мужики падаютъ къ ногамъ его, просятъ оружія, . . . *) его, жены и дѣти, ограбленныя злодѣями, просятъ помощи и защиты. Тутъ приводятъ разнаго рода плѣнныхъ: кирасиръ въ латахъ безъ шишаковъ и всякія націи, гдѣ можно ихъ представить въ 21 костюмѣ по націямъ.

Дѣло при занятіи Вязьмы.

При Красномъ—гдѣ мы стали за городомъ, на самой большой дорогѣ.

При Сырокореньѣ—гдѣ по льду Ней уходитъ, казаки Чернозубова берутъ 9 пушекъ.

Дѣло подъ Березиною.

Въ Ошмянахъ—гдѣ Сеславинъ въѣзжаетъ на площадь, находитъ дивизіи. Производятъ страшную

*) Неразобраное слово.

тревогу. Тутъ Наполеонъ, оставя свою армію, имѣлъ ночлегъ и при тревогѣ уходитъ со всѣми маршалами. Сеславинъ вбѣгаетъ въ Вильну, беретъ орла.

Бумаги графа Сенъ-При.

Графъ Эммануилъ де-Сенъ-При (Saint Priest) родился въ 1776 году. Во время французской революціи онъ эмигрировалъ изъ Франціи и въ 1793 г. поступилъ въ русскую военную службу. Въ 1799 г., будучи временно уволенъ отъ службы, участвовалъ въ походѣ корпуса Конде; затѣмъ принималъ участіе въ войнахъ противъ Франціи 1805 и 1807 годовъ и противъ Турціи въ 1810 и 1811 годахъ. Передъ началомъ войны 1812 года С. При былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й Западной арміи и состоялъ въ этой должности до сраженія при Бородинѣ, гдѣ былъ раненъ. Возвратившись къ арміи, по оставленіи Французами Москвы онъ находился при отрядѣ генералъ-адъютанта Кутузова. Въ послѣдующіе 1813 и 1814 годы С. При участвовалъ въ походахъ въ Германіи и Франціи и былъ смертельно раненъ въ бою подъ Реймсомъ.

С. При пользовался довѣріемъ Императора Алек-

сандра, былъ ознакомленъ съ первоначальными предположеніями для военныхъ дѣйствій и имѣлъ разрѣшеніе непосредственно писать Государю. Послѣ смерти С. При бумаги его перешли къ его другу и боевому сподвижнику, извѣстному графу М. С. Воронцову, который въ 1836 году препроводилъ ихъ Михайловскому-Данилевскому. Бумаги эти, писанныя на французскомъ языкѣ, состояли изъ: 1) дневника, веденнаго С. При съ 12 марта по 26 октября 1812 года, 2) замѣчаній на Бородинское сраженіе и послѣдующія событія и 3) черновыхъ писемъ Императору Александру передъ началомъ и во время войны 1812 года. Ниже помѣщаются только «Дневникъ» и «Замѣчанія на Бородинское сраженіе», такъ какъ подлинники писемъ С. При Императору Александру сохранились и находятся въ соотвѣтствующихъ дѣлахъ военно-ученаго архива, принадлежа, наравнѣ съ другой служебной перепиской, къ офиціальнымъ матеріаламъ Отечественной войны. «Дневникъ» уцѣлѣлъ лишь въ копіи и представляетъ тетрадь въ листъ писчей бумаги. «Замѣчанія на Бородинское сраженіе» написаны С. При 26 сентября во время пребыванія его въ с. Андреевскомъ; хранящаяся въ матеріалахъ Михайловскаго-Данилевскаго подлинная рукопись автора представляетъ исписанный кругомъ листъ писчей бумаги.

Дневникъ съ 12 марта по 26 октября включительно.

Parti de Pétersbourg le 12 mars, passé la matinée du 13 à . . . . . . (*), arrivé le 15 au soir à Witebsk. Séjour de 36 heures. Vu le duc (**) et la duchesse, M[al] de Bussi-Hourko, sa fille Mme Schitte, Tchorba, Marsenhevitch. Parti le 17 au matin. Quitté les roues à Schklof. Diné le 18 à Mohilef chez Mme Tchitcherin. Le 21 passé chez Mme D'Antichamp à 30 verstes d'Ovroutch. Le 22 couché à Gitomir—Kroustchoff, rue gouverneur. Parti le 23. Chemins affreux; accidents près de Varkovitche. Arrivé le 27 à Doubno. Diné et couché chez le prince Cazimir Lubomirski. Arrivé le 28 au quartier général de Loutzk.

Переводъ.

Выѣхалъ изъ Петербурга 12 марта, утро 13-го провелъ въ. . . . (*) 15-го вечеромъ прибылъ въ Витебскъ. Пробылъ 36 часовъ. Видѣлъ герцога (**) и герцогиню, предводителя Бюсси-Гурко, его дочь—г-жу Шитъ, Щорбу, Марцинкевича. Выѣхалъ 17-го утромъ. Покинулъ колесный экипажъ въ Шкловѣ. 18-го обѣдалъ въ Могилевѣ у г-жи Чичериной. 21 провелъ у г-жи Дантишанъ въ 30 верстахъ отъ Овруча. 22-го ночевалъ въ Житомірѣ у Хрущова, на губернаторской улицѣ. Выѣхалъ 23-го. Дороги ужасныя. Приключенія близъ Варковичъ. 27-го прибылъ въ Дубно. Обѣдалъ и ночевалъ у князя Кази-

*) Неразобранное слово.
**) Бѣлорусскій военный губернаторъ, герцогъ Александръ Виртембергскій.

Société de la ville de Loutzk: M. Mme Loutairnof, Tchernesky, Bistrey, maréchal Majefski, Cte Komarofski, Tchetsky, Tarnofsky, Moschinsky, Casi. Lubomirski, Cte Jablonofski, L'eveque Tchetchetzki, Evadj. v. Pogorodinsky, Salva Madrollen, Strepnitzki, Ojanski, Souska, Golionbeska, Tomatschefska, Dlougofschonova, Godleska, Majefska.

Observations: Rivière de la Bérézina assez large et naviguable jusqu'à la forteresse de Bobrouisk. Bois continuels entre la Bérézina et le Pripete. La rive droite de cette dernière rivière domine beaucoup la rive gauche et est très susceptible d'être fortifiée. Elle est naviguable partout en automne et au printemps. L'été elle est basse et on est obligé de décharger les bateaux en plusieurs endroits. Ces

---

міра Любомирскаго. 28-го прибылъ въ главную квартиру въ Луцкъ.

Общество города Луцка: Г. и Г-жа Лутерновы (?), Чернецкій, Быстрый, предводитель Маевскій, графъ Комаровскій, Чецкій, Тарновскій, Мошинскій, Казиміръ Любомирскій, графъ Яблоновскій, епископъ Чечецкій, . . . Погородинскій, Сальва Мадроленъ, Стрепницкій, Оянскій (?), Суская, Голенбевская, Томашевская, Длугоханова, Годлевская, Маевская.

Замѣчанія: Рѣка Березина довольно широка и судоходна до крѣпости Бобруйска. Непрерывные лѣса между Березиной и Припетью. Правый берегъ послѣдней рѣки значительно командуетъ лѣвымъ и весьма легко можетъ быть укрѣпленъ. Рѣка судоходна повсюду осенью и весною. Лѣтомъ уровень воды низокъ, и приходится разгружать суда въ нѣ-

bateaux peuvent porter 10,000 poudes ou 500 tonneaux. Chaque tonneau de farine — de 22 poudes. Ils vont jusqu'à Pinsk et Slonime. Novgorod Volhinsk— belle position pour un camp. Ostrog—ancienne fortification susceptible d'être retablie. La rivière de Horins n'y est pas naviguable.

Composition de la 2 armée: 7 corps de Raiefski, 8 corps de Kamienski, 9 corps de Markof, 10 corps de Doktorof; 26 et 12 divisions, hussards d'Akhtir, 18 et grenadiers reunis, hussards de Pavlograd, 2 de grenadiers, 2 cuirassiers, 9 et 15 divisions, hussards d'Alexandrie, 2 reserve de cavalerie Lambert, 4 reserve de cavalerie Tchaplitz.

Parti de Loutzk pour Proujani. Le 23 à Kovel. Les D[lles] Vesnofski. Ratno, Vocnina, Volkovisk.

сколькихъ мѣстахъ. Эти суда могутъ поднимать 10.000 пудовъ или 500 бочекъ, каждая бочка съ мукою—въ 22 пуд. Они доходятъ до Пинска и Слонима. Новградъ Волынскій—прекрасное мѣстоположеніе для лагеря. Острогъ—старинное укрѣпленіе, которое можетъ быть возстановлено. Рѣка Горынь тамъ не судоходна.

Составъ 2 арміи: 7 корпусъ Раевскаго, 8 корпусъ Каменскаго, 9 корпусъ Маркова, 10 корпусъ Дохтурова; 26 и 12 дивизіи, Ахтырскіе гусары, 18 и Сводная гренадерская дивизіи, Павлоградскіе гусары, 2 гренадерская дивизія, 2 кирасирская дивизія, 9 и 15 дивизіи, Александрійскіе гусары, 2 резервный кавалерійскій корпусъ Ламберта, 4 резервный кавалерійскій корпусъ Чаплица.

Выѣхалъ изъ Луцка въ Пружаны. 23-го въ

Grabofski, sa femme; Sein, sa femme; la vieille Grabofski.

Arrivé à Proujani le 26. L'armée occupe l'étendue depuis Ratno jusqu'au Niémen; elle est composée de 3 corps: Le 6—formé de la 7, 24 divisions; le 7 corps—26 et 12 divisions; Le 8—(*) 2 grenadiers, grenadiers reunis et cuirassiers, 2 corps de cavalerie de reserve.

Société de Proujani: M. Mme Schveikofsky, 2 soeurs; Mme Trembatski, sa fille; Pulgarie—maréchal, docteur Schröher, ispravnik Roth, sa femme.

Le $^{12}/_{24}$ juin l'armée française passe le Niémen près de Kovno. Le 17 juin la 2 armée commence sa retraite. Quartier général—Zelva. Le prince Bagration y reçoit l'ordre de passer le Niémen à No-

Ковелѣ. Барышни Весновскія. Ратно, Воцнина (?) Волковискъ (?). Грабовскій, его жена; Зейнъ, его жена; старуха Грабовская.

Прибылъ въ Пружаны 26-го. Армія занимаетъ пространство отъ Ратно до Нѣмана. Она состоитъ изъ трехъ корпусовъ: 6-го, составленнаго изъ 7 и 24 дивизій; 7 корпуса—изъ 26 и 12 дивизій; 8 корпуса (*)—изъ 2 гренадерской, Сводной гренадерской и кирасирской дивизій, 2 резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Пружанское общество: Г. и г-жа Швейковскіе, 2 сестры; Г-жа Трембацкая съ дочерью, предводитель Пулгари, докторъ Шрейеръ, исправникъ Ротъ съ женою.

$^{12}/_{24}$ іюня французская армія переходитъ Нѣ-

*) Въ рукописи ошибочно сказано: „le 7".

vogroudek dans le district de Vileika. Le 18 quartier général à Ozernitza. Le 19—à Slonime. Toute l'armée y est réunie. L'arrière-garde passe la Schéra à Velika Vola. Le 20 l'armée part sur deux colonnes. L'arrière-garde forme une troisième colonnesur sa gauche et couvre sa marche. Quartier général—Dvoretz.

Le 21 quartier général à Novogroudek. Toute l'armée y est réunie. Dispositions du passage du Niémen sur le point de Nicolaieff. Le 22 passage du Niémen. Un des ponts est rompu. Le corps du maréchal Davoust occupe déjà Volojine, seul point de passage sur Vileika. Bois et chemins impraticables pour y arriver.

Le 23 ordre de retraite par la route de Mir sur Nesvije; quartier général à Karelitchi.

манъ близъ Ковны. 17 іюня 2 армія начинаетъ отступленіе. Главная квартира въ Зельвѣ. Тамъ князь Багратіонъ получаетъ приказаніе переправиться черезъ Нѣманъ у Новогрудка въ Вилейскій уѣздъ. 18-го главная квартира въ Озерницѣ, 19-го—въ Слонимѣ. Тамъ сосредоточивается вся армія. Арьергардъ переправляется черезъ Щару въ Великой Волѣ. 20-го армія выступаетъ двумя колоннами. Арьергардъ составляетъ третью колонну на ея лѣвомъ флангѣ и прикрываетъ ея движеніе. Главная квартира во Дворцѣ.

21-го главная квартира въ Новогрудкѣ, гдѣ сосредоточивается вся армія. Распоряженія для переправы черезъ Нѣманъ у Николаева. 22-го переправа черезъ Нѣманъ. Одинъ изъ мостовъ портится. Корпусъ маршала Даву занимаетъ уже Воложинъ, един-

Le 24 l'avant-garde de l'armée du Roi de Westphalie passe le Niémen à Bielitza; allerte à Novogroudek.

Le 25 quartier général à Mir, le 26 — à Novosverjin.

Le 27, 28, 29—à Nesvije. L'arrière-garde sous les ordres du général Platof a un premier engagement. Le 28 les cosaques,detruisent trois régiments polonais—200 prisonniers, 4 officiers. Perte de notre côté—20 hussards, tant tués, que blessés. Le 29 affaire plus chaude. Les cosaques de Platof, soutenus par l'avant-garde de Wassiltchikoff, combattent 6 régiments polonais et leur font 300 prisonniers.

Le 30 quartier général à Timkovitchi. Le 1-er juillet—à Romanof. Le 2 juillet—à Sloutsk; petite

---

ственный пунктъ, черезъ который можно пройти на Вилейку. Лѣса и непроходимыя дороги на пути къ послѣдней.

23-го приказаніе отступать по Минской дорогѣ на Несвижъ. Главная квартира въ Кареличахъ

24-го авангардъ арміи короля вестфальскаго переправляется черезъ Нѣманъ въ Бѣлицѣ. Тревога въ Новогрудкѣ.

25-го главная квартира въ Мирѣ, 26-го—въ Новосвержнѣ.

27, 28, 29—въ Несвижѣ. Арьергардъ подъ командою генерала Платова въ первый разъ вступаетъ въ бой.28-го казаки уничтожаютъ три польскихъ полка — 200 плѣнныхъ, 4 офицера. Потеря съ нашей стороны 20 гусаръ убитыми и ранеными. 29-го болѣе жаркое дѣло. Казаки Платова, поддержанные аван-

ville fortifiée autrefois et fort bien. Affaire de Romanof. Le 1 et 12 chasseurs à cheval polonais sont detruits. Affaire très brillante pour les cosaques. Le terrain de Nesvije à Sloutsk très ouvert.

Le 3 juillet quartier général à Zaretchié *), le 4—à Gloutsk, petite ville avec une espèce de fort, qui domine la rivière de Ptitche: avant d'arriver à Gloutsk on passe Lavsra (?) 25 toises de large. De Sloutsk à Gloutsk bois et sables

Le 5 quartier général Gorbatchevitchi à 17 verstes de Bobrouisk. Toute la route de Gloutsk à Bobrouisk—bois très fourrés et sables.

Le 6 arrivé à Bobrouisk, forteresse sur la Berezina, 8 bastions peu revêtus. Les approches difficiles du côté de la Berezina, peu achevé du côté des

---

гардомъ Васильчикова, дерутся противъ шести польскихъ полковъ и берутъ у нихъ 300 плѣнныхъ.

30-го главная квартира въ Тимковичахъ. 1 іюля—въ Романовѣ. 2 іюля—въ Слуцкѣ, небольшомъ, нѣкогда очень сильно укрѣпленномъ, городкѣ. Дѣло при Романовѣ. 1 и 12 польскіе конно-егерскіе полки уничтожены. Блистательнѣйшее для казаковъ дѣло. Мѣстность отъ Несвижа до Слуцка весьма открытая.

3 іюля главная квартира въ Зарѣчьѣ(*), 4-го—въ Глускѣ, маленькомъ городкѣ, въ которомъ имѣется нѣчто вродѣ форта, господствующаго надъ рѣкой Птичь. Передъ Глускомъ переправа черезъ Лавру (?) шириною въ 25 туазовъ. Отъ Слуцка до Глуска—лѣсъ и песокъ.

*) Урѣчье.

ennemis. 300 pièces de canon et 5,000 de garnison.

Le 7 au soir départ du 7 corps.

Le 8 marche de 8 verstes.

Le 10 parti en poste pour Rogatchef, arrivé le soir à Staroi Bikhof.

Le 9 l'ennemi occupe Mohilef et en chasse trois bataillons, qui s'y trouvaient.

Le 10 Sissoief avec deux régiments de cosaques attaque l'ennemi et fait un régiment de chasseurs à cheval prisonniers.

Le 11 le 7 corps est attaqué par les Français au nombre de 25,000 hommes. Il les repousse jusqu'à 15 verstes de Mohilef. Ils se défendent toute la journée dans un bois, où on ne peut les forcer.

5-го главная квартира въ Горбачевичахъ, въ 17 верстахъ отъ Бобруйска. По всему пути отъ Глуска до Бобруйска густые лѣса и песокъ.

6-го прибылъ въ Бобруйскъ—крѣпость на Березинѣ съ 8 плохо одѣтыми бастіонами. Трудные подступы со стороны Березины, недокончена со стороны непріятеля. 300 орудій и 5,000 гарнизона.

7-го вечеромъ выступленіе 7 корпуса.

8-го переходъ въ 8 верстъ.

10-го отправился на почтовыхъ въ Рогачевъ, вечеромъ прибылъ въ Старый Быховъ.

9-го непріятель занимаетъ Могилевъ и вытѣсняетъ находившіеся тамъ три баталіона.

10-го Сысоевъ съ двумя казачьими полками атакуетъ непріятеля и беретъ въ плѣнъ конно-егерскій полкъ.

Notre perte est de près de 3,000 hommes, tant tués, que blessés. La leur est plus considérable.

Le 12 le corps de Raiefski, renforcé par la division de Worontzoff, garde sa position. Le corps de Platof passe le Dnièper et file sur la gauche de l'ennemi pour se joindre à la 1 armée, qui marche sur Witebsk.

Le 13 quartier général à Novoi Bikhof. Les èquipages et le 8 corps passent le Dnièper. Le 14 quartier général à Propoisk. Le 15—à Tcherikof. Le 16—à Kristchef,

Le 17, 18 l'armée est rassemblée à Mstislavle. L'ennemi ne bouge pas de Mohilef.

Le 19 quartier général près de Pronine. Le 20 (*)—à Bobre, à 10 verstes de Smolensk. La réunion avec la première armée est effectuée

---

11-го 7 корпусъ атакованъ Французами въ числѣ 25,000 человѣкъ. Онъ оттѣсняетъ ихъ на разстояніе 15 верстъ отъ Могилева. Они защищаются цѣлый день въ лѣсу, изъ котораго не удается ихъ выбить. Наша потеря около 3,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Потеря ихъ болѣе значительна.

12-го корпусъ Раевскаго, усиленный дивизіей Воронцова, сохраняетъ свою позицію. Корпусъ Платова переправляется черезъ Днѣпръ и двигается къ лѣвому флангу непріятеля на соединеніе съ 1 арміей, идущей на Витебскъ.

13-го главная квартира въ Новомъ-Быховѣ. Обозы и 8 корпусъ переправляются черезъ Днѣпръ. 14-го главная квартира въ Пропойскѣ, 15-го—въ Чириковѣ, 16-го—въ Кричевѣ.

*) Въ рукописи по ошибкѣ сказано „le 25“.

Le 22, 23, 24, 25—séjour à Smolensk. Plan d'attaque de l'ennemi. Son centre à Roudnia, sa gauche est á Witebsk et sa droite . . . . . *).

L'armée marche sur trois colonnes: l'une—le long du Dnièper, jusqu'à Katane; les deux autres—par le chemin de Poretchié à Выдра (Vidra). On laisse deux corps d'observations: l'un de 5,000 h.—à Krasnoi, l'autre, de même quantité,—vers Poretchié.

Le 26 la 2 armée à Katane. Son corps d'observation—à Krasnoi.

Le 27 changement de dispositions. La grande armée s'arrête sur la route de Poretchié pour se porter sur la gauche de l'ennemi, et la 2 armée occupe la position de Vidra.

17 и 18-го армія сосредоточена въ Мстиславлѣ. Непріятель не двигается изъ Могилева.

19-го главная квартира близъ Пронина. 20-го—въ Бобрѣ, въ 10 верстахъ отъ Смоленска. Соединеніе съ 1 арміей совершилось.

22, 23, 24, 25-го—пребываніе въ Смоленскѣ. Планъ для атаки непріятеля. Центръ его въ Руднѣ, лѣвый флангъ—въ Витебскѣ, а правый. . . . . .*).

Армія двигается тремя колоннами: одна—вдоль Днѣпра до Катани; двѣ другія—по дорогѣ изъ Порѣчья въ Выдру. Оставляются два наблюдательныхъ отряда: одинъ изъ 5,000 человѣкъ въ Красномъ, другой, такой же численности—по направленію къ Порѣчью.

*) Пропускъ въ рукописи.

Le 28, 29, 30, 31—séjour à Vidra. Mauvaise eau, difficulté des communications.

Le 1 août marche à Smolensk. Ordre de revenir sur Roudnia.

Le 2 le corps d'observation est attaqué à Krasnoi par l'avant-garde de l'armée française, qui passe en entier prés de Ladi. Le corps d'observation est forçé de se retirer avec une perte considérable. La 2 armée envoie le 3 à son secours par Smolensk le 7 corps sous les ordres du général Raiefski et marche avec le reste à Katane

Le 4 Smolensk est attaqué par les Français, mais le général Raiefski s'y maintient. La réserve de la 2 armée arrive à son secours.

Le 5 toute la 1 armée est à Smolensk et releve

26-го 2 армія въ Катани, наблюдательный отрядъ въ Красномъ.

27-го измѣненіе предположеній. Главная армія останавливается на Порѣцкой дорогѣ, чтобы двинуться противъ лѣваго фланга непріятеля, а 2 армія занимаетъ позицію у Выдры.

28, 29, 30, 31-го—пребываніе въ Выдрѣ. Плохая вода, дурныя сообщенія.

1-го августа движеніе въ Смоленскъ. Приказаніе вернуться въ Рудню.

2-го наблюдательный отрядъ атакованъ въ Красномъ авангардомъ французской арміи, которая вся переправляется близъ Лядъ. Наблюдательный отрядъ вынужденъ къ отступленію съ значительной потерей. 2 армія 3-го высылаетъ ему на поддержку черезъ Смоленскъ 7 корпусъ подъ командой генерала Раев-

les troupes du général Raiefski. La 2 armée prend position à six verstes plus haut que la ville. Les Français attaquent Smolensk avec toutes leurs forces, s'emparent de toutes les hauteurs sur la gauche du Dnièper et mettent le feu aux faubourgs.

Le 6 ordre de retraite. La 2 armée marche sur Dorogobouge. La 1 armée reste en place. Quartier général de la 2 armée à Pnevo.

Le 7 la 1 armée est attaquée dans sa retraite. Son arrière-garde est presque coupée. Perte considérable.

Le 8 marche à Novosielsk, le 9, 10—à Dorogobouge.

Le 11 les deux armées attendent l'ennemi en position à Andréefka.

скаго, а съ остальными силами двигается въ Катань.

4-го Смоленскъ атакованъ Французами, но генералъ Раевскій удерживается въ немъ. Ему въ подкрѣпленіе прибываетъ резервъ 2 арміи.

5-го вся 1 армія въ Смоленскѣ и смѣняетъ войска генерала Раевскаго. 2 армія занимаетъ позицію въ 6 верстахъ выше города. Французы атакуютъ Смоленскъ всѣми силами, овладѣваютъ всѣми высотами на лѣвомъ берегу Днѣпра и зажигаютъ предмѣстья.

6-го приказаніе объ отступленіи. 2 армія двигается на Дорогобужъ. 1 армія остается на мѣстѣ. Главная квартира 2 арміи въ Пневѣ.

7-го 1 армія атакована во время отступленія. Ея арьергардъ почти отрѣзанъ. Значительная потеря.

Le 12 retraite sur Dorogobouge. La 2 armée à Brajevo.

Le 13 marche paralléle. La 1 armée à Slavkovo. La 2-de à Gavrikovo.

Le 14 la 1-re à Semelevo. La 2-de à Louchki.

Le 15 et le 16 la première à Viazma, la seconde à Skoblevo.

Le 17 à Fedorofka. On veut y prendre position, mais il n'y a pas d'eau.

Le 18, 19—à Tsarevo-Zaimistchi. Position platte et sans appui.

Le 20 à Ivatschkovo. Position meilleure, surtout comme offensive. Arrivée du prince Koutouzoff, commandant des deux armées.

Le 21 à Dourckin.

8-го переходъ въ Новосильскъ; 9-го, 10-го—въ Дорогобужѣ.

11-го—обѣ арміи ожидаютъ непріятеля на позиціи у Андреевки.

12-го—отступленіе на Дорогобужъ. 2 армія въ Браевѣ.

13-го параллельное движеніе. 1 армія въ Славковѣ, 2 армія—въ Гавриковѣ.

14-го 1 армія въ Семлевѣ, 2 армія—въ Лужкахъ.

15-го и 16-го 1 армія въ Вязьмѣ, 2 армія—въ Скоблевѣ.

17-го въ Федоровкѣ. Тамъ хотятъ занять позицію, но нѣтъ воды.

18-го, 19-го—въ Царево-Займищѣ. Мѣстоположеніе низменное и безъ опорныхъ пунктовъ.

Le 22 à Kolotskoi monastir.

Le 23 quartier général de la 1 armée à Borodino, de la 2 armée—à Semenofka. On a ordre d'attendre l'ennemi.

Borodino est un village, situé sur le ruisseau, nommé Kolotcha, dont les bords assez escarpés couvrent toute l'etendue d'une plaine assez boisée, bornée vers la droite par la Moskva, dans laquelle se jette le ruisseau Kolotcha, et vers la gauche—par une hauteur, sur laquelle se trouvait le village de Semenofka; au delá et en avant de ce village sont des bois, traversés par l'ancienne route de Smolensk, qui passe par Elna et aboutit à Mojaisk sur la route actuelle de Moscou. Le village de Semenofka était d'après cela la clef de la position, qu'on avait choisie,

---

20-го въ Ивашковѣ. Позиція лучше, особенно имѣя въ виду переходъ въ наступленіе.

Прибытіе князя Кутузова, главнокомандующаго обѣими арміями.

21-го въ Дурыкинѣ.

22-го въ Колоцкомъ монастырѣ.

23-го главная квартира 1 арміи въ Бородинѣ, 2 арміи—въ Семеновкѣ. Получено приказаніе ожидать непріятеля.

Бородино—селеніе, расположенное на ручьѣ, по имени Калоча, котораго достаточно крутые берега прикрываютъ на всемъ протяженіи довольно лѣсистую равнину, ограниченную справа рѣкой Москвой, въ которую впадаетъ ручей Колоча, а слѣва высотой, на которой находилась деревня Семеновка; за этой деревней и впереди ея—лѣса, прорѣзываемые

qui se trouvait suffisamment couverte sur la droite et sur le centre par les bords de la Kolotcha.

L'ennemi pouvait facilement tourner cette position en passant par Elna sur l'ancienne route de Smolensk à Outitza, et plus loin il pouvait aussi s'avancer par les bois jusqu'à petite portée de canon de Semenofka, et, pour lui en défendre l'approche, le général en chef avait donné l'ordre de fortifier le village et de faire quelques flèches en avant. On s'occupa aussi à fortifier une hauteur, qui se trouvait en avant du village près de celui de Schevardino, seulement pour observer les mouvements de l'ennemi et soutenir la retraite de l'arrière-garde.

On espérait, que cette arrière-garde pourrait encore arrêter l'ennemi toute la journée du 24 et

---

старой Смоленской дорогой, проходящей черезъ Ельню и выходящей въ Можайскѣ на нынѣшнюю Московскую дорогу. Вслѣдствіе этого, деревня Семеновка была ключемъ выбранной позиціи, которая оказывалась достаточно прикрытой на правомъ флангѣ и въ центрѣ берегами Колочи.

Непріятель могъ легко обойти эту позицію, двигаясь черезъ Ельню по старой Смоленской дорогѣ на Утицу, и, затѣмъ, лѣсами могъ подойти на близкій пушечный выстрѣлъ къ Семеновкѣ. Главнокомандующій, чтобы воспрепятствовать приближенію къ ней, приказалъ укрѣпить деревню и возвести впереди нѣсколько флешей. Занялись также укрѣпленіемъ высоты, которая находилась впереди деревни, возлѣ деревни Шевардино, но только для того, чтобы наблюдать за движеніями непріятеля и поддержать отступленіе арьергарда.

donner le temps d'achever les ouvrages; mais dès 3 heures après midi l'arrière-garde était en pleine retraite et on n'eut que le temps de garnir les hauteurs d'artillerie et de démolir le village de Semenofka, qu'on ne put pas retrancher faute d'instruments. Il n'y eut d'achevé que les trois flèches sur la gauche de ce village.

Au delà de notre extrême gauche, dans le hameau d'Outitza, sur l'ancienne route de Smolensk se trouvait le corps de Toutchkoff et la milice de Moscou, formant un ensemble de 20.000 hommes avec de l'artillerie. Le général Toutchkoff avait ordre d'attaquer l'extrême droite de l'ennemi, du moment qu'il cherchait à s'emparer de Semenofka.

Le 24 à 4 heures l'ennemi, après s'être arrêté

Надѣялись, что этотъ арьергардъ можетъ задержать непріятеля еще въ теченіи всего 24 числа и дать время окончить укрѣпленія. Но съ 3 часовъ по полудни арьергардъ находился въ полномъ отступленіи, и успѣли лишь занять артиллеріей высоты и разрушить деревню Семеновку, которую не могли укрѣпить за недостаткомъ инструментовъ. Только три флеши лѣвѣе этой деревни были окончены.

За нашимъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ, въ деревушкѣ Утицѣ, на старой Смоленской дорогѣ, находился корпусъ Тучкова и Московское ополченіе, всего 20,000 человѣкъ съ артиллеріей. Генералъ Тучковъ имѣлъ приказаніе атаковать крайній правый флангъ непріятеля, какъ только онъ будетъ пытаться овладѣть Семеновкой.

à portée de canon de notre centre, fit filer ses colonnes sur sa droite, et dès 5 heures notre arrière-garde se trouva poussée jusque sous le feu de la redoute isolée et non achevée près de Schevardino. Le bois à gauche de cette redoute et le village lui-même étaient occupés par la 27 division et deux régiments de chasseurs.

La canonnade et la fusillade dura depuis 5 heures jusqu'à 7, tant sur le front de cet ouvrage, que sur le centre de la position. Les colonnes françaises attaquèrent à différentes fois la batterie de cette redoute, qui fut prise et reprise jusqu'à quatre fois; enfin à la nuit close elle resta au pouvoir des Français. Nous y perdîmes trois canons, qui avaient été demontés; nous leur en primes six dans plusieurs

---

24-го въ 4 часа непріятель, остановившись въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ нашего центра, продвинулъ свои колонны вправо, и къ 5 часамъ нашъ арьергардъ былъ оттѣсненъ въ сферу огня отдѣльнаго неоконченнаго редута близъ Шевардина. Лѣсъ лѣвѣе этого редута и сама деревня были заняты 27 дивизіей и двумя егерскими полками.

Артиллерійскій и ружейный огонь продолжались съ 5 до 7 часовъ, какъ противъ фронта укрѣпленія, такъ и противъ центра позиціи. Французскія колонны неоднократно атаковали батарею этого редута, которая до четырехъ разъ переходила изъ рукъ въ руки. Наконецъ съ наступленіемъ ночи она осталась во власти Французовъ. Мы потеряли при этомъ три орудія, которыя были подбиты, но отняли у нихъ

charges, très brillantes, que fit la cavalerie de la 2 armée.

Nos avant-postes restèrent toute la nuit à portée du pistolet de la redoute et ne se retirèrent que le matin sous la portée du canon des flèches.

Le 25 les Français couvraient leur gauche et leur centre de batteries et se bornèrent à une simple tiraillerie sur notre gauche et notre centre. De notre côté on demolit la plus grande partie du village de Semenofka et on y établit une batterie de 24 pièces de canon.

C'eut été, peut-être, le moment de porter sur notre gauche toutes nos forces et d'attaquer la droite de l'ennemi. Mais le général en chef jugea plus à propos de l'attendre.

шесть во время нѣсколькихъ блестящихъ атакъ, произведенныхъ кавалеріей 2 арміи.

Наши аванпосты провели всю ночь въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ редута и только утромъ отступили подъ прикрытіе артиллеріи флешей.

25-го Французы прикрывали свой лѣвый флангъ и центръ батареями и ограничились на нашемъ лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ простой перестрѣлкой. Съ нашей стороны большая часть деревни Семеновки была разрушена, и на этомъ мѣстѣ расположена 24 орудійная батарея.

Можетъ быть это была наиболѣе благопріятная минута, чтобы двинуть всѣ наши силы на нашъ лѣвый флангъ и атаковать правый флангъ непріятеля. Но главнокомандующій призналъ болѣе соотвѣтственнымъ выжидать его.

Le 26 dès 5 heures du matin les Français portèrent toutes leurs forces sur leur droite et établirent sur la hauteur de Schevardino plus de cent pièces de canon, parmi lesquels il y en avait beaucoup 12 livres de balle. La canonnade fut très vive et, quoique nous n'eussions sur la gauche que 50 pièces de canon en batterie, on leur repondit avec vigueur.

Leurs colonnes se portèrent vers les 7 heures à l'attaque de flèches, dont ils furent repoussés à diffèrentes reprises, et, si à cette époque le corps du général Toutchkoff avait éxécuté ce, que lui avait été ordonné, ils auraient dû y renoncer; mais n'ayant fait aucune diversion, il se borna à envoyer la 3 division au soutien des grenadiers, qui défendaient les flèches, et lui-même se tint à 2 verstes en

---

26-го съ 5 часовъ утра Французы направили всѣ свои силы на свой правый флангъ и расположили на Шевардинской высотѣ болѣе ста орудій, въ числѣ которыхъ было много 12 фунтовыхъ. Артиллерійскій огонь былъ очень силенъ и, хотя у насъ на лѣвомъ флангѣ было только пятьдесятъ орудій, имъ отвѣчали энергично.

Около 7 часовъ ихъ колонны двинулись въ атаку на флеши. Они нѣсколько разъ были отбиты и, вынуждены были бы отказаться отъ атакъ, если бы въ это время корпусъ генерала Тучкова исполнилъ данное ему приказаніе. Но онъ, не сдѣлавъ никакой диверсіи, ограничился высылкой 3 дивизіи въ поддержку гренадерамъ, защищавшимъ флеши, а самъ оставался въ 2 верстахъ позади Утицы, въ которой долженъ былъ находиться и откуда долженъ былъ двинуться впередъ.

arrière d'Outitza, où il avait dû se trouver et d'où il devait se porter en avant.

La division des grenadiers du comte Woronzoff fut presqu'entièrement détruite en défendant les flèches. Lui-même fut blessé et remplacé par le général Konovnitzine, qui à la tête de sa division reprit les flèches et fut appuyé par la cavalerie de la 2 armée, qui repoussa les colonnes françaises jusque dans le bois. Les Français revinrent cependant à la charge, reprirent de nouveau les flèches et il fallut faire marcher contre eux la reserve des grenadiers, qui les en chassèrent une 3 fois.

Ce fut dans ce moment et vers les 9 heures du matin que fut blessé le prince Bagration d'une balle à la jambe, ainsi que le comte de St. Priest à la

---

Гренадерская дивизія графа Воронцова была почти совершенно уничтожена при оборонѣ флешей. Самъ онъ былъ раненъ и замѣщенъ генераломъ Коновницынымъ, который во главѣ своей дивизіи отбилъ флеши и былъ поддержанъ кавалеріей 2 арміи, отбросившей французскія колонны въ лѣсъ. Французы однако возобновили атаку, снова овладѣли флешами, и пришлось двинуть противъ нихъ резервъ гренадеръ, которые выбили ихъ оттуда въ третій разъ

Въ это время, около 9 часовъ утра, былъ раненъ пулей въ ногу князь Багратіонъ, а также графъ де Сенъ-При въ грудь. Оборона флешей стоила намъ уже очень дорого, а превосходство въ численности и въ калибрѣ французской артиллеріи причинило много вреда, и при послѣдней атакѣ

poitrine. La défense des flèches nous avait déjà prodigieusement couté et la superiorité numerique et en calibre de l'artillerie française nous avait déjà fait beaucoup de mal, et à une dernière attaque des Français on se vit obligé d'évacuer les flèches et de se retirer à la batterie du village. Le général en chef envoya au soutien de notre extrême gauche le 5 corps, composé de la garde, et les régiments de Lithuanie et d'Ismailovski furent placés près du village de Semenofka.

Tandis que la gauche était aussi vivement attaquée, l'ennemi s'etait borné à une forte canonnade sur le centre et à occuper le village de Borodino, où on avait laissé les chasseurs de la garde en avant-postes. Ils y tinrent quelque temps, mais

---

Французовъ мы были вынуждены очистить флеши и отступить на батарею у деревни. Главнокомандующій выслалъ на подкрѣпленіе нашего крайняго лѣваго фланга 5 корпусъ, состоявшій изъ гвардіи, и Литовскій и Измайловскій полки были поставлены возлѣ деревни Семеновки.

Въ то время, когда лѣвый флангъ былъ такъ сильно атакованъ, непріятель ограничился сильной канонадой и занятіемъ селенія Бородина, гдѣ на передовыхъ постахъ были оставлены гвардейскіе егеря. Они удерживались тамъ нѣкоторое время, потеряли менѣе чѣмъ въ полчаса болѣе 600 человѣкъ и 30 офицеровъ, въ томъ числѣ 8 убитыхъ и 23 раненыхъ.

Какъ только французская армія овладѣла флешами на лѣвомъ флангѣ, она направила всѣ свои

perdirent en moins d'une demi.—heure plus de 6C0 hommes et 30 officiers, dont 8 de tués et 23 de blessés.

Aussitôt que l'armée française se fut rendue maîtresse des flèches de la gauche, elle porta tous ses efforts sur le village de Semenofka et sur le centre. Un corps considérable attaque le général Toutchkoff, qui fut forcé de se replier sur notre extrême gauche, fort en arrière du village. La cavalerie ennemie chercha à tourner le village, et, après avoir fait plusieurs tentatives, quelques régiments de cuirassiers saxons parvinrent à se glisser par le ravin entre le village de Semenofka et la batterie du centre. Leur apparation subite repandit le désordre dans la 1 ligne, mais ils furent reçus à bout portant

---

усилія противъ деревни Семеновки и противъ центра. Сильный корпусъ атаковалъ генерала Тучкова, который вынужденъ былъ отступить на нашъ крайній лѣвый флангъ, значительно позади деревни. Непріятельская кавалерія старалась обойти деревню, и, послѣ многихъ попытокъ, нѣсколькимъ полкамъ саксонскихъ кирасиръ удалось пробраться по лощинѣ между деревней Семеновкой и центральной батареей. Ихъ внезапное появленіе распространило безпорядокъ въ первой линіи, но они были встрѣчены въ упоръ (залпами) гвардейскими полками, Литовскимъ и Измайловскимъ, и затѣмъ атакованы всей кавалеріей, которая обратила ихъ въ бѣгство и многихъ изрубила. Тѣмъ не менѣе цѣль Французовъ была достигнута, и пѣхота ихъ воспользовалась этой минутой безпорядка, чтобы овладѣть деревней, изъ

Le 29—à Koubinski.

Le 30—à Vaziom.

Le 31—en arrière de Perkouchofka, à 15 verstes de Moscou. Il y eut dans toute cette retraite plusieurs affaires d'arrière-garde, dans lesquelles les Russes eurent toujours l'avantage. Le terrain depuis Borodino jusqu'à Moscou n'offre que deux positions avantageuses: l'une—en arrière de Mojaisk et l'autre—à Perkouschofka. On choisit pour se retrancher la montagne de Poklonnaia à 5 verstes de Moscou.

La position de l'armée près de Poklonnaia en avant de Moscou était intenable. Sa droite était appuyée à un bois, qui s'étendait à quelques verstes sur la route de Moscou vers l'ennemi. La ligne des

---

хушкова. Рѣшено было укрѣпить Поклонную гору въ 5 верстахъ отъ Москвы.

Позиція арміи близъ Поклонной, впереди Москвы, была очень слаба. Ея правый флангъ упирался въ лѣсъ, простиравшійся на нѣсколько верстъ по Московской дорогѣ къ сторонѣ непріятеля. Линія войскъ отдѣлялась отъ резервовъ почти отвѣснымъ оврагомъ, а ея лѣвый флангъ, также упиравшійся въ лѣсъ, былъ настолько удаленъ, что въ линіи образовались весьма значительные разрывы. Для маневрированія войскъ имѣлось единственное удобное мѣсто—плато позади лѣваго фланга, гдѣ были поставлены кирасиры.

Впрочемъ армія была уже настолько обойдена съ фланговъ, что, когда она прошла Москву, гененералу Милорадовичу пришлось заключить съ гене-

troupes était séparée des reserves par un ravin presqu'à pic, et sa gauche, aussi appuyée à un bois, était si éloignée, qu'il y avait dans la ligne de lacunes très considérables.

Il n'y avait de place véritablement propre à mouvoir quelques troupes qu'un plateau en arrière de cette gauche, où furent placés les cuirassiers.

L'armée d'ailleurs était déjà tellement débordée sur ses flancs, que, lorsqu'elle traversa Moscou, il fallut, que le général Miloradovitch fît une convention avec le général Sebastiani, pour qu'on laissât passer l'arrière-garde.

Le 1 septembre il y eut conseil de guerre. Le général Benigsen, d'après les rapports que l'ennemi marchait sur trois colonnes: l'une—par le che-

раломъ Себастіани конвенцію, чтобы обезпечить проходъ арьергарда.

1 сентября состоялся военный совѣтъ. Генералъ Бенигсенъ, основываясь на донесеніяхъ, что непріятель двигается тремя колоннами: одна--по прямой дорогѣ, а двѣ остальныя—по Калужской и Звенигородской дорогамъ, былъ того мнѣнія, чтобы атаковать среднюю колонну въ увѣренности легче покончить съ остальными. Генералы Барклай и Остерманъ были противоположнаго мнѣнія и вызвали рѣшеніе оставить Москву. Князь Кутузовъ приказалъ отступать. Ночевалъ въ Новой Деревнѣ*).

2-го главная квартира въ 15 верстахъ отъ

*) При очищеніи Москвы раненый С. При вмѣстѣ съ княземъ Багратіономъ выѣхалъ во Владимірскую губернію.

min direct, et les deux autres—par les routes de Kalouga et de Zvenigorod, fut d'avis d'attaquer la colonne du centre, bien sûr d'avoir meilleur marché des autres. Les généraux Barclai et Ostermann furent d'un avis contraire et décidèrent d'abandonner Moscou. Le prince Koutousoff ordonna la retraite. Couché à Novoia Derevnia*).

Le 2 quartier général à 15 verstes de Moscou à Panki. L'armée occupe les issues. Couché à Istomskoié.

Le 3 quartier général à Borovskaia-Pereprava à 30 verstes sur la route de Rezan. Couché à Plattevo.

Le 4 quartier général à Podolsk, couché à Pokrof.

Le 5 idem—arrivé à Andreiefskoié.

Le 12 mort du prince Bagration à 1 heure après midi à Sima.

Москвы, въ Панкахъ. Армія занимаетъ выходы (?). Ночевалъ въ Истомскомъ.

3-го главная квартира въ Боровской Переправѣ, въ 30 верстахъ по Рязанской дорогѣ. Ночевалъ въ Платовѣ.

4-го главная квартира въ Подольскѣ. Ночевалъ въ Покровѣ.

5-го тамъ-же. Прибылъ въ Андреевское.

12-го смерть князя Багратіона въ часъ по полудни въ Симахъ.

27-го выѣхалъ изъ Андреевскаго во Владиміръ—50 верстъ. Красивый городъ. Губернаторъ Лупарьевъ, полицмейстеръ Яшковъ, ихъ жены, г-жи Рагузина и Сабурова.

28-го переправился черезъ Клязьму. Песчаная дорога. Ночевалъ въ Коровинѣ—30 верстъ.

*) См. выноску на стр. 161.

Le 14 il est enterré dans l'église de Sima.

Le 27 parti d'Andreiefskoié pour Wladimir—50 verstes. Jolie ville. Gouverneur Mr Louparieff, maître de police Mr Jazckoff, leurs femmes, M-[mes] Ragousin et Sabouroff.

Le 28 passé la Kliasma; route de sables, couché à Karovine—30 verstes.

Lė 29 mauvaises routes, ponts et marais. Couché à Baudevetz—40 verstes.

Le 30 digué à Spoudni. Jean-Bart *) retourne à Andreiefskoié. Couché à Tchornoé, routes de 32 verstes meilleures.

Le 1 octobre. Route sabloneuse de 23 verstes, passage de lacs. Couché à Jerchovo.

Le 2 octobre 38 verstes de bois. Il n'y a de

29-го дурныя дороги, мосты и болота. Ночевалъ въ Бодевцѣ - 40 верстъ.

30-го въ Спуднѣ устроивалъ гать. Жанъ-Баръ *) возвращается въ Андревское. Ночевалъ въ Черномъ. Дороги лучше - 32 версты.

1 октября песчаная дорога на 23 версты. Переправа черезъ озера. Ночевалъ въ Ершовѣ.

2 октября 38 верстъ лѣсомъ. Изъ жилищъ имѣются только нѣсколько хижинъ, черезъ каждыя десять верстъ. Ночевалъ въ Рыковѣ.

3-го прибылъ въ Рязань. Довольно красивый городъ. Губернаторъ Бухаринъ; его жена, урожденная Полторацкая. Дмитрій Полторацкій, Грибовскій. Пробылъ 4 и 5-го. Курбатовы.

---

*) Маіоръ Жанъ-Баръ, перешедшій передъ войною 1812 года изъ шведской въ русскую службу, состоялъ при С. При.

dix verstes à dix verstes que quelques cabanes pour gîte. Couché à Rikovo.

Le 3 arrivé à Rezan. Assez belle ville. Le gouverneur Boukarin, sa femme née Poltoratzki. Dmitri Poltoratzki, Gribofski. Séjourné le 4 et le 5. Les Kourbatof.

Le 6 parti de Rezan. Couché à Iliynskoé. L'avant-garde française est attaquée et presque enlevée; elle est chassée jusqu'à Voronof. 2,300 prisonniers, 19 canons, 1 aigle et tout le bagage.

Le 7 couché à Zaraisk.

Le 8 diné chez Mr Katainzof. Sa femme née Massalof. Couché à Tapkanova.

Le 9 couché à Kachira. Le général Miller et sa femme Beklemichoff.

6-го выѣхалъ изъ Рязани. Ночевалъ въ Ильинскомъ. Французскій авангардъ атакованъ и едва не захваченъ. Онъ отброшенъ до Воронова—2.300 плѣнныхъ, 19 орудій, 1 орелъ и всѣ обозы.

7-го ночевалъ въ Зарайскѣ.

8-го обѣдалъ у Хотяинцева. Его жена—урожденная Мосолова. Ночевалъ въ Тапкановѣ.

6-го ночевалъ въ Каширѣ. Генералъ Миллеръ и его жена Беклемишева.

10-го въ Завадахъ.

11-го въ Высокиничахъ.

12-го французская армія, очистивъ Москву 7-го, направляется на Боровскъ, оттуда на Малоярославецъ и дѣлаетъ демонстрацію движенія на Калугу. Они остановлены въ этомъ движеніи 6 корпусомъ, который вскорѣ поддержанъ всей арміей, покида-

Le 10 à Zavadi.

Le 11 à Visaknichtchi.

Le 12 l'armée française, après avoir évacué Moscou le 7, se porte sur Borovsk, de là sur Maloiaroslavetz et font la démonstration de se porter sur Kalouga. Ils sont arrêtés dans ce mouvement par le 6-me corps, qui est bientôt soutenu par toute l'armée, qui quitte pour cela son camp retranché de Taroutino, où elle était depuis le 21. Les Français se rendent maîtres de la ville.

Le 13 l'armée russe prend position trois verstes en arrière de Maloiaroslavetz sur la route de Kalouga. L'armée française commence sa retraite sur Borovsk et Mojaisk et envoie un corps sur Medine.

ющей для этого свой укрѣпленный лагерь при Тарутинѣ, гдѣ она находилась съ 21-го. Французы овладѣваютъ городомъ.

13-го русская армія занимаетъ позицію на Калужской дорогѣ, въ трехъ верстахъ позади Малоярославца. Французская армія начинаетъ отступленіе на Боровскъ и Можайскъ и высылаетъ корпусъ на Медынь.

14-го главная квартира въ Алешковѣ. Ночевалъ въ Башмаковѣ на старой Калужской дорогѣ.

15-го прибылъ къ арміи. Позиція при Гончаровѣ. Главная квартира въ Детчинѣ. Ночевалъ въ Бѣлкинѣ.

16-го армія поворачиваетъ налѣво. Главная квартира въ Полотняныхъ Заводахъ—фабрика Гончарова.

Le 14 quartier général à Alechko. Couché à Bachmakovo sur l'ancienne route de Kalouga.

Le 15 arrivé à l'armée. Position à Gontchoureva, quartier général à Ditchinki. Couché à Belkino.

Le 16 l'armée prend à gauche. Quartier général à Palatnianié Zavodi, fabrique de Mr Gantcharof.

Le 17 le quartier général à Adamofka.

Le 18 l'armée dépasse Medine et s'arrête à Kremenskoé. Marche de 40 verstes. Je suis expédié pour commander le corps de Wintzigerode.

Le 19 l'armée se porte dans la direction de Viazma sur Spaskoé. Couché à Borovsk, ville de 3,000 ames, brûlée par les Français; ils restent cent maisons.

Le 20 route de Borovsk à Fominskoé, jonchée

17-го главная квартира въ Адамовкѣ.

18-го армія проходитъ Медынь и останавливается въ Кременскомъ. Переходъ въ 40 верстъ. Меня отправляютъ командовать корпусомъ Винценгероде.

19-го армія двигается въ направленіи на Вязьму черезъ Спасское. Ночевалъ въ Боровскѣ, городѣ въ 3000 жителей, сожженномъ Французами. Сохранилось сто домовъ.

20-го дорога изъ Боровска въ Фоминское, усѣянная трупами и разрѣзанною на куски падалью. Ночевалъ въ Звѣревѣ.

21-го прибылъ въ Москву десять дней спустя послѣ очищенія Французами. Изъ числа одинадцати тысячъ домовъ девять тысячъ сожжены. Сохранились въ цѣлости только окрестности Голицынской больницы, часть Тверской, Лубянка и Покровка.

de cadavres et de charognes dépecées. Couché à Zverevo.

Le 21 arrivé à Moscou dix jours après l'évacuation des Français. Sur onze mille maisons neuf mille de brûlées. Il ne reste d'entier que les environs de l'hôpital Galitzin, une partie de la Tverskoi, le quartier de la Loubianka, de la Pokrovka. Le Kremlin sauté aux quatre coins. Le clocher d'Ivan Veliki reste debout. Le palais de l'Empereur brulé; une partie de l'arsenal détruit par la mine; le reste incendié. Les Français ont abandonné à Moscou 27 canons, un équipage de pontons et plus de 2,000 malades.

Le 22 départ du corps de Wintzigerode de Moscou.

Кремль взорванъ съ четырехъ концевъ. Колокольня Ивана Великаго сохранилась. Императорскій дворецъ сожженъ. Часть арсенала уничтожена взрывомъ, остальная сожжена. Французы бросили въ Москвѣ 27 орудій, понтонный паркъ и болѣе 2000 больныхъ.

22-го выступленіе корпуса Винценгероде изъ Москвы.

Observations sur la bataille de Borodino et sur les événements, qui en ont été la suite.

La journée du 26 août près de Borodin n'a été décisive pour aucune des deux armées, qui y ont combattu. La perte a été a peu près égale des deux cotés et elle n'a été sensible pour l'armée russe, que par la quantité d'officiers, mis hors de combat, et la désorganisation momentanée, qui en est resultée dans la plupart des régiments.

La seconde armée, qui avait plus souffert, se trouvait en effet réduite à la moitié et avait perdu dans la bataille le village, qui formait son flanc gauche, et les flèches, qui le couvraient, mais la ligne de l'armée n'était pas rompue et son aile gauche

Замѣчанія на Бородинское сраженіе и вызванныя имъ событія.

День 26 августа близъ Бородина не былъ рѣшительнымъ ни для одной изъ двухъ сражавшихся тамъ армій. Потеря съ обѣихъ сторонъ была приблизительно одинакова, и для русской арміи она была чувствительна только по числу офицеровъ, выбывшихъ изъ строя, и вызванной, вслѣдствіе этого, кратковременной дезорганизаціи большинства полковъ.

Болѣе пострадавшая 2 армія была дѣйствительно ослаблена на половину и во время сраженія потеряла деревню, составлявшую ея лѣвый флангъ, и прикрывавшія его флеши, но линія арміи не была прорвана, и ея лѣвый флангъ былъ только осаженъ назадъ; кромѣ того вялость непрі-

avait seulement été refusée; de plus la faiblesse de l'attaque de l'ennemi vers le soir, malgré l'avantage de sa position, prouvait assez, que sa perte avait dû être tres considérable; le rapport des prisonniers confirmait cette conjecture, et il est probable qu'une attaque, faite avec vivacité le lendemain à la pointe du jour, aurait été couronnée de quelque succès.

L'ennemi lui-même était si peu assuré de sa victoire, que ce n'est que lorsqu'il s'est apperçu le lendemain, que nous avions évacué la position, en y laissant une forte arrière-garde, qu'il a cru pouvoir se l'attribuer. Il est certain, que par notre marche rétrograde nous lui donnions gain de cause, mais, s'il avait été obligé de nous attaquer une seconde fois dans une nouvelle position plus avantageuse que la

---

ятельской атаки къ вечеру, не смотря на выгоду его позиціи, достаточно доказывала, что его потеря должна была быть очень значительной. Показаніе плѣнныхъ подтверждало это предположеніе, и атака, произведенная энергично на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, вѣроятно увѣнчалась-бы извѣстнымъ успѣхомъ.

Самъ непріятель былъ такъ мало увѣренъ въ побѣдѣ, что нашелъ возможнымъ приписать ее себѣ только на слѣдующій день, замѣтивъ, что мы очистили позицію, оставивъ на ней сильный арьергардъ. Справедливо, что нашимъ отступленіемъ мы обезпечивали за нимъ успѣхъ, но если-бы онъ вынужденъ былъ насъ атаковать вторично на новой болѣе выгодной, нежели первая, позиціи, весьма

première, il est extrêmement douteux, qu'il en eût eu les moyens *).

La distance entre Borodin et Moscou n'offre que deux positions favorables pour une armée, qui se tient sur la défensive—celle de Mojaisk et celle de Perkouschofka.

Le terrain forme en avant de Mojaisk un rideau élevé très susceptible de défense pour une forte arrière-garde, et en arrière de cette ville on trouve une autre élevation assez étendue pour une armée de 80 mille hommes et dont les débouchés sont faciles. Il était à supposer, que le général Platof, qui dans ce moment commandait l'arrière-garde et avait sous ses ordres presque toute la cavalerie, maintien-

сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояніи это сдѣлать.*)

На разстояніи отъ Бородина до Москвы представляются только двѣ благопріятныхъ позиціи для арміи, дѣйствующей оборонительно—позиція при Можайскѣ и позиція при Перхушковѣ.

Мѣстность впереди Можайска представляетъ высокій холмъ, весьма удобный для обороны сильнымъ арьергардомъ, а позаци города находится другая возвышенность, достаточно обширная для арміи въ 80 тысячъ человѣкъ и дающая возмож-

*) *Позднѣйшее замѣчаніе Толя на рукописи, препровожденной Михайловскому-Данилевскому*: „Dans l'armée russe il n'y avait que deux régiments de la Garde et 6 bataillons de chasseurs, qui n'avaient pas pris part à la bataille, tandis que toute la garde française forte de 30,000 h. pouvait avec avantage recommencer le combat le lendemain", т.е. „Въ русской арміи только два полка гвардіи и 6 егерскихъ баталіоновъ не приняли участія въ сраженіи, между тѣмъ какъ вся французская гвардія силою въ 30,000 человѣкъ могла съ успѣхомъ на слѣдующій день возобновить бой".

drait l'ennemi assez longtemps pour donner le temps de s'assurer de cette position et d'y attendre les Français, mais malheureusement le général se retira presque sans coup férir et amena l'ennemi sur Mojaisk beaucoup plus vite, qu'on n'aurait dû s'y attendre; rien n'était prêt pour s'y défendre et, une fois le parti de la retraite pris, toute la route jusqu'à Moscou, filant à travers des bois, n'offrait qu'à 27 verstes de cette capitale à Perkouschofka une plaine élevée assez étendue pour y placer l'armée en bataille.

Une immense quantité de bagages, de transports de vivres, de blessés, couvrait la route et ne permettait pas de faire une retraite rapide, et une nouvelle preuve de la faiblesse de l'ennemi est le peu de

ность легкаго перехода въ наступленіе. Можно было предполагать, что генералъ Платовъ, командовавшій въ это время арьергардомъ и имѣвшій подъ своей командой почти всю кавалерію, задержитъ непріятеля на столько, чтобы дать время обезпечить за собою эту позицію и ожидать на ней Французовъ, но къ несчастью генералъ отступилъ почти безъ выстрѣла и привелъ непріятеля въ Можайскъ гораздо быстрѣе, нежели должно было ожидать. Ничего не было тамъ приготовлено для обороны, а, разъ рѣшеніе отступать было принято, вся дорога до Москвы, пролегающая черезъ лѣса, только въ 27 верстахъ отъ столицы представляла достаточно обширную возвышенную равнину для построенія арміи въ боевой порядокъ.

Безчисленное количество обозовъ, транспортовъ

parti, qu'il a tiré de cette circonstance, qu'il ne pouvait ignorer. Depuis Mojaisk jusqu'à Moscou il a suivi très mollement notre arrière-garde. Son plan était fait d'y pénétrer par plusieurs routes, et son armée marchait déjà sur trois colonnes: le centre—par la grande route, la gauche—par Svenigorod et la droite—par la route de Kaluga.

C'est peut être la nouvelle de ce dispositif, qui a obligé d'abandonner le point de Perkouschofka, pour se rapprocher d'avantage de Moscou et être à même de défendre les trois routes, par lesquelles l'ennemi arrivait et pouvait y pénétrer avant nous. On avait fixé à cinq verstes de cette ville le point, où l'on devait l'attendre, mais, outre que le terrain n'y était nullement propre à donner bataille, on ne devait pas

съ продовольствіемъ, раненыхъ, покрывало дорогу и не дозволяло быстраго отступленія, и новое доказательство слабости непріятеля—малыя выгоды, которыя онъ извлекъ изъ этого обстоятельства, котораго онъ не могъ не знать. Отъ Можайска до Москвы онъ очень слабо преслѣдовалъ нашъ арьергардъ. Онъ предполагалъ проникнуть туда по нѣсколькимъ дорогамъ, и его армія двигалась уже тремя колоннами: центръ—по большой дорогѣ, лѣвая—черезъ Звенигородъ и правая—по Калужской дорогѣ.

Можетъ быть извѣстіе объ этомъ распоряженіи вынудило покинуть Перхушково, чтобы болѣе сблизиться съ Москвою и быть въ состояніи защищать три дороги, по которымъ непріятель приближался и могъ проникнуть туда ранѣе насъ. Въ пяти верстахъ отъ города былъ избранъ пунктъ, гдѣ должны

se dissimuler, qu'une retraite faite en cas de revers à travers de cette ville immense était une source de désordres et de désorganisation de l'armée, qui mettait à la merci de l'ennemi et la ville et les fuyards, qu'il eût été désormais impossible de rallier. Il n'y avait donc d'autre moyen d'arrêter les Français, que de les attaquer vigoureusement dans leur marche, et ce fut l'objet d'un conseil de guerre, qui fut rassemblé le 1 de septembre et où se trouvèrent: le prince Koutousof, le général Bennigsen, le comte Rostopchin, le général Barklai et la plupart des chefs de corps présents à l'armée.

On assure, que le général Bennigsen ouvrit le premier l'avis d'attaquer le centre de l'ennemi, le motivant avec raison sur ce, que sa marche sur trois

---

были ожидать его, но, кромѣ того, что мѣстность тамъ вовсе не благопріятствовала принятію сраженія, нельзя было обманываться, что отступленіе въ случаѣ неудачи черезъ огромный городъ было-бы источникомъ безпорядковъ и дезорганизаціи арміи, отдававшей на произволъ непріятеля, и городъ, и разсѣявшихся людей, которыхъ было-бы невозможно собрать. Итакъ не было другого средства остановить Французовъ, кромѣ того какъ энергично атаковать ихъ на маршѣ, и это было предметомъ военнаго совѣта, который былъ собранъ 1 сентября и на которомъ присутствовали: князь Кутузовъ, генералъ Бенигсенъ, графъ Растопчинъ, генералъ Барклай и большая часть корпусныхъ командировъ, находившихся на лицо въ арміи.

Утверждаютъ, что генералъ Бенигсенъ первый

colonnes, assez éloignées les unes des autres pour ne pouvoir se secourir mutuellement, rendait nécessairement chacune de ses colonnes trop faibles pour soutenir l'attaque de toute notre armée.

Les généraux Miloradovitsch, Doctorof, Konovnitzin et Neverofsky appuyèrent cet avis, qui fut combattu par le général Barklay, dont les principales raisons furent l'incertitude d'un combat décisif, qui aux portes de Moscou et dans des circonstances où tout l'espoir de la Russie était fondé sur notre armée, pouvait en cas de revers non seulement livrer Moscou aux Français, mais encore détruire le seul obstacle, qui leur restait à vaincre pour dicter des loix à toute l'empire; que l'évacuation de Moscou, qui sans doute était un grand mal pour les particuliers et même

---

высказалъ мнѣніе атаковать центръ противника, основательно опираясь на то, что движеніе его тремя колоннами, удаленными другъ отъ друга на столько, чтобы сдѣлать взаимную поддержку невозможною, неизбѣжно дѣлало каждую изъ колоннъ слишкомъ слабою, чтобы выдержать атаку всей нашей арміи.

Генералы Милорадовичъ, Дохтуровъ, Коновницынъ и Невѣровскій поддержали это мнѣніе, оспаривавшееся генераломъ Барклаемъ, основывавшемъ свои доводы главнымъ образомъ на неувѣренности въ исходѣ рѣшительнаго сраженія, которое, будучи дано подъ стѣнами Москвы и при обстоятельствахъ, когда вся надежда Россіи опиралась на нашей арміи, могло, въ случаѣ пораженія, не только отдать Москву Французамъ, но и уничтожить единственное препятствіе, которое имъ оставалось сломить, чтобы

pour l'opinion publique, n'en était pas un aussi considérable dans le système de guerre adopté de détruire l'ennemi par ses propres succès, en le laissant s'éloigner de ses ressources et le livrant à la rigueur de la mauvaise saison, qui s'avançait et le priverait bientôt de tout moyen d'existence.

Le comte Ostermann, appuyant alors l'avis du général en chef, demanda au général Benigsen, s'il était bien sûr de réussir en attaquant l'ennemi. „C'est une chose, lui repondit Bennigsen, que personne ne peut affirmer d'avance mais, pour laquelle il y aura toute espèce de probabilité, lorsque nos braves troupes seront conduites par des généraux tels, que vous". Après quelques discussions la plupart des généraux se rangèrent de l'avis de Barklai, et le prince Kou-

---

распоряжаться всей имперіей; что очищеніе Москвы, несомнѣнно весьма невыгодное для частныхъ лицъ и даже для общественнаго мнѣнія, не было столь важно въ принятой системѣ войны — уничтожать непріятеля его собственными успѣхами, заставляя его удаляться отъ своихъ источниковъ и предоставляя его суровости приближавшагося дурного времени года—и быстро лишило-бы его всякихъ средствъ существованія.

Графъ Остерманъ, поддержавъ тогда мнѣніе главнокомандующаго, спросилъ генерала Бенигсена, увѣренъ-ли онъ въ успѣхѣ, если атаковать непріятеля. „Этого никто не можетъ утверждать заранѣе, отвѣчалъ ему Бенигсенъ, но въ пользу этого всѣ вѣроятности, если наши храбрыя войска будутъ предводимы такими генералами, какъ вы.“ Послѣ

tousof décida l'abandon de Moscou, qui fut exécuté le lendemain 2 septembre.

Il n'y a pas de doute, que Moscou, livré à l'ennemi, lui donnait si non de grands avantages sur nous du moins un grand relief en Europe; l'émigration de près de trois cent mille ames, les pertes immenses de tant de particuliers, l'abandon d'une grande quantité de blessés — tout cela sont des circonstances fort tristes, mais qui, considerées sous le rapport militaire et dans le plan général, sont d'une conséquence beaucoup moins importante, que n'aurait été la destruction totale de l'armée en avant de cette ville. Mais, dira-t-on, pourquoi supposer des revers, quand la bataille de Borodin prouve assez, que l'ennemi ne pouvait acheter une victoire que

---

нѣкоторыхъ преній большинство генераловъ присоединилось къ мнѣнію Барклая, и князь Кутузовъ рѣшилъ покинуть Москву, что было исполнено на слѣдующій день 2 сентября.

Несомнѣнно, что оставленіе Москвы непріятелю давало ему, если не большія преимущества передъ нами, то, по крайней мѣрѣ, значительный блескъ въ Европѣ. Выселеніе почти 300.000 душъ, огромныя потери стольких частныхъ лицъ, оставленіе большого числа раненыхъ — все это весьма грустныя обстоятельства, но разсматриваемыя въ военномъ отношеніи и въ общемъ планѣ, они имѣютъ гораздо меньше значенія, нежели полное уничтоженіе арміи впереди этого города, Но, зачѣмъ, скажутъ, предполагать пораженія, когда Бородинское сраженіе достаточно доказываетъ, что непріятель могъ

par des pertes considérables? Pourquoi une attaque, faite rapidement et avec intelligence sur le centre de l'armée française, n'aurait-elle pas pu être suivie des plus grands succès? A ceci on peut repondre: 1) que l'ennemi, marchant toujours avec sa précaution ordinaire et ne livrant au premier feu que son avant-garde, ne se serait jamais laissé entamer et aurait plutôt retrogradé pour réunir tous ses moyens; 2) que la qualité du terrain, qu'il y avait à parcourir pour arriver jusqu'à lui, était de nature à être défendue avec peu de monde sans nous donner l'avantage de développer de grands moyens d'attaque; 3) qu'enfin la disposition morale de nos troupes après 1500 verstes de retraite continuelle et après la perte de leurs meilleurs officiers à Borodin n'était plus

купить побѣду только при условіи значительныхъ потерь? На это можно отвѣтить: 1) что непріятель, двигавшійся съ своей обыкновенной осторожностью и вводившій въ первоначальный огонь только свой авангардъ, никогда бы не далъ себя прорвать и предпочелъ-бы отступить, чтобы сосредоточить всѣ свои средства; 2) что свойства мѣстности, которую предстояло преодолѣть, чтобы дойти до него, были таковы, что она могла быть защищаема небольшими силами, не давая намъ преимущества развернуть большихъ средствъ для атаки; 3) наконецъ, что нравственное состояніе нашихъ войскъ послѣ 1500 верстъ непрерывнаго отступленія и послѣ потери ихъ лучшихъ офицеровъ при Бородинѣ, было уже не такое, какое было-бы желательно для боя столь важнаго, какъ тотъ, который хотѣли

telle, qu'on devait la désirer pour un combat aussi important que celui,qu'on voulait livrer, et qui devait décider du sort, si non de l'empire, du moins de la campagne.

On ne doit pas se dissimuler, que l'ennemi en marchant sur Moscou avait deux buts, l'un—d'exciter quelque mouvement parmi les paysans, l'autre—de forcer à la paix en menaçant cette capitale. Il s'est trompé dans l'une et l'autre de ces combinaisons; le peuple russe a deployé partout un caractère national très prononcé; il a détruit lui même ses propriétés plutôt que de les livrer à l'ennemi, contre lequel il s'est armé; tous les villages et les villes ont été abandonnés, et, en entrant dans Moscou, il n'a trouvé que des maisons vides et quelques marchandises, qu'on n'avait pas pu enlever, mais pas un habitant.

дать, и который долженъ былъ рѣшить участь, если не имперіи, то, по крайней мѣрѣ, кампаніи.

Не должно обманывать себя, что непріятель, двигаясь на Москву, имѣлъ двѣ цѣли: одну—возбудить нѣкоторое волненіе среди крестьянъ, другую—принудить къ миру, угрожая этой столицѣ. Онъ обманулся въ томъ и другомъ предположеніяхъ. Русскій народъ повсюду проявилъ рѣзко выраженное національное чувство. Онъ предпочелъ самъ уничтожить свое имущество, нежели предоставить его врагу, противъ котораго онъ вооружился. Всѣ селенія и города были покинуты, и, вступивъ въ Москву, непріятель нашелъ только пустые дома и кое-какіе товары, которые не могли быть увезены, но ни одного жителя. Что-же ему остается дѣлать? Направится-ли онъ далѣе вглубь Россіи и

Que lui reste-t-il donc à faire? Se portera-t-il plus avant dans l'interieur de la Russie et laissera-t-il l'armée russe s'établir sur ses derrières et le couper de toutes ses communications? Voudra-t-il passé l'hiver à Moscou? Mais cette même armée russe, toujours subsistante et recevant continuellement des renforts, interceptera toute espèce de vivres et peut-être l'obligera à se défendre. Levera-t-il de fortes contributions pour ensuite se retirer sur Smolensk? Mais il ne trouvera pas d'habitants pour les payer et chaque pas rétrograde est pour lui un tort dans l'opinion publique et un sujet de découragement et de désertion pour ses troupes; c'est cependant le seul parti, qui lui reste à prendre, car pour la paix il ne peut pas songer à la proposer et il ne peut pas y en avoir avec

---

предоставитъ-ли онъ русской арміи расположиться въ его тылу и отрѣзать всѣ его сообщенія? Захочетъ-ли онъ перезимовать въ Москвѣ? Но эта самая уцѣлѣвшая русская армія, постоянно получающая подкрѣпленія, будетъ перехватывать припасы разнаго рода и, можетъ быть, вынудитъ его обороняться. Возьметъ-ли онъ сильныя контрибуціи, чтобы затѣмъ отступить на Смоленскъ? Но онъ не найдетъ населенія для уплаты ихъ, и каждый шагъ назадъ принесетъ ему вредъ въ общественномъ мнѣніи и послужитъ причиной упадка духа и дезертирства его войскъ. Однако это единственное рѣшеніе, которое ему остается принять, потому что онъ не можетъ помышлять предложить миръ, и таковой не можетъ быть заключенъ не только теперь, когда онъ достигъ сердца имперіи, но до тѣхъ поръ, пока онъ останется еще въ нашихъ предѣлахъ.

lui non seulement à présent, qu'il est arrivé au coeur de l'empire, mais tant qu'il sera encore dans nos frontières.

J'en conclus donc, qu'il est sans doute très facheux pour la Russie, qu'on ait permis à l'ennemi d'arriver jusqu'à Moscou et d'occuper cette capitale, mais que quant à l'état des choses pour le resultat de la guerre, la position des Français n'en devient peut-être que plus critique, et qu'on leur aurait donné plus beau jeu, si on s'était affaibli par une seconde bataille avant d'avoir reçu des renforts; qu'il ne s'agit ici que de persévérer pour vaincre et que l'issue de la guerre n'est pas douteuse, du moment, que nous saurons tirer parti des avantages, que nous donnent notre climat, la position actuelle de nos armées et l'excellent esprit de toute la nation.

Итакъ, изъ этого я заключаю, что для Россіи весьма прискорбно, что непріятелю дозволено достигнуть Москвы и занять эту столицу, но, что касается обстановки въ отношеніи результата войны, положеніе Французовъ, можетъ быть, отъ этого сдѣлалось только болѣе критическимъ, и ослабленіе себя вторымъ сраженіемъ до полученія подкрѣпленій дало-бы имъ болѣе благопріятные шансы. Въ настоящее время, чтобы побѣдить, все дѣло въ настойчивости, и исходъ войны несомнѣненъ, если мы съумѣемъ воспользоваться преимуществами, которыя намъ даютъ нашъ климатъ, настоящее расположеніе нашихъ армій и отличный духъ всего народа.

Изъ записокъ Вистицкаго.

Авторъ записокъ, Михаилъ Степановичъ Вистицкій 2-й, родился въ 1768 году. Съ 1791 года переведенный на службу по квартирмейстерской части, во время Швейцарской кампаніи 1799 года онъ былъ въ должности генералъ-квартирмейстера корпуса Римскаго-Корсакова. Въ 1812 году въ началѣ Отечественной войны въ чинѣ генералъ-маіора состоялъ генералъ-квартирмейстеромъ 2 западной арміи. Послѣ прибытія Кутузова онъ, какъ старшій, былъ назначенъ при немъ генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ армій, но вскорѣ долженъ былъ уступить свое мѣсто Толю.

Вистицкій велъ журналъ военныхъ дѣйствій, который представлялъ тетрадь въ 422 стр. in 8. Въ военно-ученомъ архивѣ, въ матеріалахъ Михайловскаго-Данилевскаго, сохранились лишь выписки изъ упомянутаго журнала. Отрывочный характеръ ихъ объясняется, съ одной стороны, формой изложенія автора,

а съ другой, тѣми пропусками, которые были допущены лицомъ, дѣлавшимъ извлеченія изъ подлинной рукописи.

Отсутствіе указаній у Багратіона передъ началомъ войны относительно плана дѣйствій. Первыя операціи послѣ переправы Французовъ черезъ Нѣманъ. Отношенія Багратіона къ С. При. Бездѣйствіе подъ Смоленскомъ. Довре. Позиція при Дорогобужѣ. Бородинское сраженіе. Просьбы Багратіона о подкрѣпленіи. Отказы въ поддержкѣ со стороны Кутузова и Тучкова. Движеніе 2 и 4 корпусовъ на подкрѣпленіе 2 арміи. Кутузовъ, Бенигсенъ и Барклай во время боя. Дѣятельность Винценгероде. Дѣло подъ Чириковымъ. Разсужденія по поводу Тарутинскаго боя.

Для чего казачьи полки отдѣлены были отъ 1 арміи, когда они могутъ быть полезны только при прочихъ войскахъ?

Въ началѣ іюня князь Багратіонъ съ прискорбіемъ вынужденнымъ нашелся писать къ Государю Императору, что онъ весьма сокрушается, не имѣя къ себѣ довѣрія Е. И. В., ибо онъ не знаетъ и не открытъ ему планъ операціонныхъ дѣйствій, а потому и не можетъ удобно распоряжать командуемую имъ армію. На сіе удостоенъ собственноручнымъ рескриптомъ съ весьма лестными выраженіями, но, за всемъ тѣмъ, остался онъ въ невѣдѣніи операціоннаго плана — надобно полагать, что его не было еще сдѣлано.

Переходомъ непріятеля черезъ Нѣманъ отрѣзаны были казачьи полки Платова и отрядъ генерала Дорохова.

По открытіи военныхъ дѣйствій, князь Багратіонъ предложилъ Государю ударить съ 2 арміею и съ казаками въ тылъ непріятелю, между тѣмъ какъ 1 армія его будетъ атаковать, но на сіе не полу-

чено Высочайшаго соизволенія, а назначено 1 и 2 арміямъ соединиться при Дриссѣ.

Корпусъ 6-й Дохтурова былъ сначала во 2 арміи.

2 армія пошла на соединеніе по дорогѣ къ Минску. Пройдя авангардомъ 60 верстъ, . . . получено Высочайшее повелѣніе идти черезъ Новогрудекъ, Вилейку на Свенцяны. Посему армія переправилась уже черезъ Нѣманъ, какъ вдругъ получено извѣстіе, что 1 армія и Г*) уже въ Свенцянахъ, почему 2 армія, потерявъ нѣсколько дней, пошла на Минскъ опять.

Сочинитель и дежурный генералъ 2 арміи Маринъ, равно и князь Багратіонъ, сомнѣвались въ начальникѣ штаба, графѣ Сенъ-Пріестѣ. Вотъ слова Багратіона: „Я самъ-бы не хотѣлъ графа имѣть при себѣ, но воля Государя дать мнѣ его въ дядьки. Онъ назначенъ начальникомъ штаба противъ моего желанія, и ты видишь, что надъ нимъ надобно имѣть надзоръ. Онъ, за всемъ тѣмъ, переписывается съ Государемъ; когда я пишу, то и онъ пишетъ, только на французскомъ языкѣ.“ При Сенъ-Пріестѣ находились еще два Француза, подозрѣваемые въ измѣнѣ—Жанбаръ и де-Лезеръ, сосланный впослѣдствіи въ Сибирь.

Когда 2 армія пришла въ Несвижъ, то Жанбаръ предлагалъ идти на Пинскъ, а Сенъ-При укрѣпиться въ Несвижѣ. По прибытіи въ Бобруйскъ, Раевскій предлагалъ идти на Мозырь, соединиться съ Тормасовымъ, полагая невозможнымъ прежде непріятеля быть въ Смоленскѣ.

*) т. е. Государь.

нашъ расположенъ былъ къ непріятельскимъ высотамъ, съ коихъ онъ вдоль нашего фронта могъ бить; при объявленіи сего Багратіономъ, генералъ-квартирмейстеръ 1 арміи Толь сказалъ, что онъ сего не замѣтилъ, а Багратіонъ сказалъ, что онъ надѣнетъ на него за сіе бѣлую лямку. Съ позиціи Дорогобужской, гдѣ, не взирая на множество невыгодъ, Барклай хотѣлъ принять сраженіе, послѣ легкой канонады 1 армія начала отходить, не извѣстя вторую. Въ сей позиціи фронтъ 1 арміи былъ къ Днѣпру, перпендикулярно къ непріятельскому фронту, резервы ея тыломъ къ непріятелю и пр., что Барклай, разсмотрѣвъ по просьбѣ Багратіона, сказалъ при всѣхъ, что Толь долженъ быть, или измѣнникъ, или сумашедшій, и велѣлъ оную расположить сочинителю.

Въ Царевѣ-Займищѣ Барклай писалъ. Государю, что хочетъ драться, но прибылъ Кутузовъ, который не нашелъ позицію выгодною.

20 августа сочинитель назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всѣхъ западныхъ армій.

23-го стали на Бородинскую позицію. Мѣстоположеніе, нельзя сказать, чтобы было совершенное для сраженія, и сначала и Кутузовъ не былъ имъ доволенъ. Передній редутъ былъ сдѣланъ таково, чтобы удерживать непріятеля нѣсколько времени въ удаленіи и, въ случаѣ оставленія онаго, не перемѣнилъ-бы настоящаго нашего коръ-де-баталь.

(Чрезвычайно обстоятельное описаніе Бородинской позиціи). *)

Багратіонъ послалъ сочинителя къ Кутузову

*) Замѣчаніе лица, дѣлавшаго извлеченіе.

просить подкрѣпленій, на что отвѣчалъ: „Самъ я знаю распоряжать. Непріятель, видишь, также нападаетъ сильно на центръ“,—хотя сіе, была только фальшивая атака. Багратіонъ посылалъ нѣсколько разъ къ генералъ-лейтенанту Тучкову 1, чтобы онъ изъ д. Утицы ударилъ въ тылъ и во флангъ непріятелю, но онъ, къ сожалѣнію, отвѣчалъ „что онъ старый генералъ и знаетъ, что дѣлаетъ, ибо меня самаго атакуютъ“ (тоже фальшивая атака). Отъ сего и онъ впослѣдствіи самъ потерпѣлъ, когда на него сдѣлали истинную атаку, а если-бы онъ послушалъ Багратіона, то онъ непремѣнно непріятеля-бы разбилъ.

Когда Багратіонъ въ третій разъ и въ послѣдній послалъ сказать, что онъ держаться не можетъ безъ сикурса, то велѣно 2 и 4 корпусамъ его подкрѣпить, но сіе уже поздно, ибо укрѣпленія были взяты, вȯйска 2 арміи много побито, и Багратіонъ раненъ, да и сей сикурсъ повелъ Толь, который, не доведя его къ мѣсту, указалъ только, куда идти, и самъ возвратился къ Кутузову. Сикурсъ-же, не дойдя до назначенія, остановился и простоялъ долго безъ всякаго дѣла и, какъ-бы нарочно, давалъ время непріятелю управляться съ одною 2 арміею, чему виноватъ Багговутъ, для чего не шелъ впередъ или отпускалъ Толя, или, если сбился съ дороги, узнать куда идти.

Сочинитель случился съ Ермоловымъ, когда отняли батарею между 6 и 7 корпусами, то Ермоловъ послалъ сказать, что онъ ее взялъ, хотя былъ тутъ-же дивизіонный начальникъ. Лихачева взяли

съ батареею, потому что онъ просилъ подкрѣпленія, ему обѣщали и не дали.

Во все время сраженія не слышалъ я ни одного слова распоряженія отъ Кутузова. Когда къ нему пріѣзжали спрашиваться или просить, то онъ ожидалъ, что на то скажетъ кто изъ его окружающихъ. Два раза ѣздилъ я къ Бенигсену, представляя ему безпорядки, просилъ именемъ отечества ѣхать къ Кутузову. Онъ сказалъ: „Я вижу, что я здѣсь лишній“. Ѣздилъ одинъ съ адъютантомъ и ни во что не вмѣшивался. Барклай тоже не дѣлалъ никакого распоряженія, стоялъ на батареѣ у дер. Горки и ѣздилъ на среднюю батарею. Одинъ Багратіонъ дѣйствовалъ, а послѣ его раны всякій отрядъ дѣлалъ свои распоряженія при нападеніи на него непріятеля.

Контузія Сенъ-Пріеста невѣроятная. Онъ мнѣ показывалъ ее—мундирное сукно пробито мѣрою въ пулю, а въ прочемъ ничего не тронуто. Я, можетъ, погрѣшаю, думая, что онъ это нарочно сдѣлалъ.

Оба войска остались на полѣ сраженія. Если правда, что непріятель отретировался, то для чего же намъ не остаться хоть одного дня, чтобы подобрать раненыхъ, ибо ретирада непріятеля означала большое разстройство, и нельзя было ожидать на другой день нападенія.

По окончаніи сраженія предположено было узнать о положеніи армій, потомъ отнять у непріятеля съ свѣжимъ (?) *) среднюю батарею.

Въ 12 часовъ велѣно отступать. Армія проходила черезъ Можайскъ двумя колоннами — одна черезъ городъ, а другая около онаго.

*) Повидимому пропускъ „войскомъ“.

Корпусъ Винценгероде состоялъ изъ трехъ тысячъ. Правда онъ писалъ рапорты свои громко, сими словами: „при корпусѣ, авангардѣ, отрядахъ и постахъ обстоитъ благополучно“, а отъ небольшихъ партій бѣгалъ, какъ заяцъ изъ куста въ кустъ, и посылалъ магазейны жечь и жителей тревожить, чтобы выѣзжали изъ города-бы.

О сраженіи подъ Чириковымъ 17 сентября— Двумъ бригадамъ Невѣровскаго 27 дивизіи велѣно было взять 4 непріятельскія орудія, бывшія близъ нашей позиціи. Онѣ ошиблись дорогою. Вмѣсто поворота влѣво, пошли прямо, и, лишь выступили изъ лѣсу, вдругъ открылась по нимъ пальба и кавалерійская атака. Ни остановить ихъ, ни устроить, было нельзя. Невѣровскій говоритъ, что онъ въ сей день былъ между двухъ огней—своего и непріятельскаго. Мы потеряли 600 человѣкъ. Генералъ Ферье и графъ Потоцкій нечаянно набрели на наши посты, а Кутузовъ говорилъ, что мы побѣдили.

Багратіонъ сказалъ, оставляя Москву: „Я долженъ погибнуть, ибо и отечество мое погибаетъ“.

Бенигсенъ сильно побуждалъ главнокомандующаго атаковать непріятеля, стоявшаго передъ Тарутинымъ, на позиціи при рѣчкѣ Чернишнѣ, подъ командою неаполитанскаго короля, но не успѣвалъ. Я, будучи уже очень боленъ, сначала хотѣлъ писать письмо, но послѣ почелъ лучшимъ переговорить на словахъ и, для того, съ великимъ напряженіемъ силъ пошелъ къ барону Бенигсену, которому, между прочимъ, сказалъ, чтобы онъ по своему званію постращалъ главнокомандующаго протестною бумагою; что онъ долженъ будетъ отвѣчать за дур-

ныя послѣдствія, могущія быть отъ медленности. Но сіе сдѣлалъ, хотя и не вдругъ, но кажется оное подѣйствовало; только отъ таковаго сильнаго вынужденія атаковать непріятеля было худое расположеніе въ дѣйствіяхъ и, какъ-бы нарочито, было сдѣлано, что замѣтно даже изъ рапортовъ главнокомандующаго и генерала барона Бенигсена, объ ономъ дѣлѣ писавшихъ.

Главнокомандующій пишетъ, что атака сдѣлана на безпечнаго непріятеля, а генералъ баронъ Бенигсенъ пишетъ, что онъ со 2 и 3 пѣхотными корпусами, приближась къ лѣвому непріятельскому флангу, вскорѣ нашелъ выстроеннымъ въ боевой порядокъ въ довольно выгодной позиціи на высотахъ и готоваго насъ встрѣтить. (Вотъ уже и разница — „безпечный" и „готовый" непріятель).

Главнокомандующій — что онъ, долго не державшись, предпринялъ ретираду, которая вскорѣ потомъ сдѣлалась бѣгствомъ; легкія наши войска съ артиллеріею, подкрѣпляемыя конницею и пѣхотою, преслѣдовали отступающаго въ большомъ безпорядкѣ непріятеля до села Воронова.

Баронъ Бенигсенъ — Атака наша и зашедшіе 10 казачьихъ полковъ въ тылъ лѣваго фланга сдѣлали у него смятеніе и ужасъ, а когда наша (?) усилилась, непріятель выбитъ былъ изъ всѣхъ пунктовъ, которые онъ занималъ передъ своею позиціею; нѣкоторую часть пѣхоты, занимавшей край лѣса, который мы проходили, велѣлъ я принять въ штыки; она изъ лѣсу бросилась въ рытвину, и обѣ колонны тотчасъ обращены въ бѣгство; ни одинъ-бы человѣкъ не спасся, если-бы подъ рукою была кавалерія.

Главнокомандующій — Побѣда сія рѣшилась 10 казачьими и 4 полками кавалеріи, бывшими казакамъ въ подкрѣпленіе, 2, 3 и 4 пѣхотными корпусами; прочіе же корпуса: 5-й, 6-й, 7-й и 8-й, и всѣ кирасиры въ огнѣ не были; конница-же лѣваго фланга, за которою шла того фланга пѣхота, вся подъ командою генерала Милорадовича, двигалась прямо на позицію и движеніемъ своимъ подкрѣпляла усиліе праваго фланга и тѣмъ способствовала побѣдѣ. Драгуны лѣваго фланга и лѣвая регулярная конница способствовали также наносить пораженіе отступающему непріятелю.

Баронъ Бенигсенъ—Тогда я самъ отправился къ генералъ-лейтенанту графу Остерману, бывшему съ 4 пѣхотнымъ корпусомъ, и, не нашедъ его сосредоточеннымъ съ генераломъ Дохтуровымъ, велѣлъ я ему выступить впередъ для занятія третьей высоты; черезъ сіе огонь съ батареи центра моего сдѣлался перекрестнымъ, что вмѣстѣ съ повторенными атаками казаковъ привело меня въ состояніе выбить лѣвый непріятельскій флангъ изъ своей позиціи, и малая часть бывшихъ подъ командою моею войскъ имѣла, такимъ образомъ, честь и славу принудить армію подъ предводительствомъ короля неаполитанскаго къ совершенному и скорому отступленію, при которомъ въ руки побѣдителей досталось: почетное знамя, 38 орудій, много обоза. Число плѣнныхъ, взятыхъ во время дѣйствія и преслѣдованія на разстояніи 15 верстъ, простирается уже до 1100 человѣкъ, въ числѣ коихъ находится одинъ генералъ, 12 штабъ и оберъ-офицеровъ; двѣ тысячи убитыхъ покрываютъ поле сраженія. Я однако-

же долженъ къ сему прибавить, что войска нашей большой арміи, которыя не могли участвовать въ блистательномъ нападеніи, искусснымъ расположеніемъ на высотахъ много способствовали успѣху нашихъ дѣйствій.

Главнокомандующій – Наша же потеря не превышаетъ 300 человѣкъ убитыми и ранеными, въ числѣ первыхъ и одинъ генералъ, и что генералъ баронъ Бенигсенъ получилъ контузію ядромъ въ ногу, но столь не опасную,что сіе не помѣшало ему быть до конца дѣла и въ преслѣдованіи непріятеля.

Баронъ Бенигсенъ—Контузія, которую я получилъ во время дѣла, принудила меня оставить войска въ то время, когда разбитый непріятель искалъ спасенія въ бѣгствѣ, а потому я и не могу донести, что происходило послѣ дѣла.

Изъ сихъ обоихъ рапортовъ видно, что наша армія не вся дѣйствовала, а почему—неизвѣстно. Притомъ по диспозиціи сказано: „графу Остерману-Толстому, по выходѣ изъ лѣсу съ 4 пѣхотнымъ корпусомъ, соединиться съ 6 корпусомъ генерала Дохтурова и подкрѣплять вмѣстѣ съ нимъ атаку“; но сего сдѣлано не было, и генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ даже не зналъ самъ высоты, содѣлывающей прекрасный огонь, что уже генералъ баронъ Бенигсенъ, по пріѣздѣ къ нему, приказалъ сдѣлать. Генералъ баронъ Бенигсенъ жаловался, что не было кавалеріи подъ рукой, а то-бы обѣ непріятельскія колонны взяты были въ плѣнъ. Гдѣ-же въ то время была кавалерія лѣваго фланга, неизвѣстно. По малой непріятельской потерѣ видно худое преслѣдованіе. Когда главнокомандующій послѣ писалъ, что

одинъ только казачій полкъ взялъ 500 человѣкъ и генерала Дери, то сколько-бы должно быть плѣнныхъ, если-бы хорошо и въ большомъ количествѣ преслѣдовали. О правомъ флангѣ, о центрѣ непріятеля ничего въ обоихъ рапортахъ не сказано и такъ, какъ-бы оныхъ не было. Притомъ такое число пушекъ вдругъ взять было нельзя, а не упомянуто, какъ оныя браты и гдѣ. Наша потеря не соотвѣтствуетъ со взятіемъ такого числа пушекъ, и что ясно показываетъ непріятеля не сопротивляющагося и бѣжавшихъ, все бросая, почему, если-бы хорошо расположено было наше дѣйствіе, долженъ-бы онъ здѣсь быть весь истребленъ.

Одинъ чиновникъ, бывшій при этомъ сраженіи у генерала Милорадовича, дѣйствительно увѣрялъ, что онъ читалъ бумагу, взятую на ономъ дѣлѣ въ обозѣ короля неаполитанскаго, гдѣ именно показано ихъ войска, расположеннаго отъ Тарутина до Воронова, въ какихъ мѣстахъ какія и сколько оныхъ, даже при нихъ число пушекъ показано, то насчиталъ онъ на этомъ пятнадцати-верстномъ разстояніи только четвертую часть противу полагаемыхъ пятидесяти тысячъ, но, пущай, и въ половину сего числа было — его словамъ повѣрить можно: во первыхъ, по малому ихъ упорству и нашей тоже малой потерѣ, во вторыхъ, по манеру войны Наполеона — онъ такой знатной части не отдалитъ за 80 верстъ отъ прочей его арміи, и стоять такъ долго противу всей русской арміи — эта была жертва; въ третьихъ, продовольствіе они должны были большею частью получать изъ Москвы, то чѣмъ оттоль подвозить; въ четвертыхъ, въ пятидесяти

тысячахъ человѣкъ нельзя спрятать перваго (?) праваго фланга и центра, а здѣсь объ оныхъ не слышно было, существовали-ли они или нѣтъ.

Итакъ, по справедливости полагать можно, что показывали мы непріятельскимъ лѣвымъ флангомъ, то вся ихъ сила въ томъ только состояла и которую баронъ Бенигсенъ атаковалъ, что онъ къ стыду нашему такую малую кучку людей выпустилъ изъ рукъ.

Касательно-же до взятія 38 орудій, о дѣйствіи коихъ не помянуто, то это значитъ, что непріятель ихъ бросилъ по изнуренію лошадей, кои не могли взять черезъ бывшую у нихъ назади рѣчку Чернишну, у коихъ (?) берега весьма крутые и высокіе, особливо для пушекъ весьма трудные, ибо, когда наши войска слѣдовали къ Тарутинской позиціи, то въ здѣшнемъ мѣстѣ долгое время занимались перевозомъ пушекъ, и не будучи никѣмъ озабочены, то коль ни паче въ дѣлѣ карабкаться на такіе берега съ изнуренными лошадьми, что и принудило непріятеля оставить свои орудія безъ бою.

Хотя главнокомандующій пишетъ, что генералъ баронъ Бенигсенъ получилъ контузію ядромъ въ ногу, но столь неопасную, что сіе не помѣшало ему быть до конца дѣла и въ преслѣдованіи непріятеля, но самъ Бенигсенъ пишетъ: „контузія, которую я получилъ во время дѣла, принудила меня оставить войска мои въ то время, когда разбитый непріятель искалъ спасенія въ бѣгствѣ, а потому я и не могъ донести, что происходило послѣ дѣла“, слѣдовательно онъ говоритъ, что преслѣдованіе непріятеля было не имъ учреждено, и не хочетъ быть виновникомъ упущенія непріятеля. Притомъ во время

начатія сраженія командующій лѣвымъ флангомъ, генералъ Милорадовичъ, былъ призванъ къ главнокомандующему въ........ *), гдѣ пробылъ долго, а зачѣмъ—Богъ знаетъ, и возвратился къ своему войску уже почти когда и главнокомандующему донесли, тогда онъ выѣхалъ на мѣсто сраженія.

По такому худому дѣйствію и распоряженію въ Тарутинскомъ сраженіи генералъ баронъ Бенигсенъ весьма недоволенъ былъ главнокомандующимъ генералъ-фельдмаршаломъ, что онъ не допустилъ имѣть хорошую побѣду, и для того насчетъ его къ Государю Императору писалъ много нехорошаго.

*) Пропускъ въ рукописи.

Изъ воспоминаній князя Горчакова.

Авторъ воспоминаній, князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ Великаго Суворова, участникъ Италійскаго и Швейцарскаго походовъ, въ Отечественную войну командовалъ войсками въ бою 24 августа при Шевардинскомъ редутѣ. Сообщаемыя имъ подробности объ этомъ боѣ изложены въ письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому, написанномъ на листѣ почтовой бумаги большого формата, въ маѣ 1837 года.

Бой при Шевардинскомъ редутѣ.

Могу дать свѣдѣнія о сраженіи 24 августа, о которомъ очень мало было говорено, а оное заслуживаетъ особенное вниманіе. Сіе сраженіе было близъ самой позиціи, гдѣ князь Кутузовъ рѣшился принять баталію.

Хотя князь Кутузовъ и князь Багратіонъ были недалеко, но сей день они не были на мѣстѣ сраженія, а командовалъ я войсками, кои состояли: пѣхота—27 дивизія вся, 5 егерскій полкъ, три гренадерскіе полка и два сводные гренадерскіе баталіона съ достаточною артиллеріею, а кавалерія—

два драгунскіе полка и къ вечеру 2 кирасирская дивизія, всего около одиннадцати тысячъ. Съ сими войсками надо было защищать большой курганъ, находящійся на срединѣ, вправо—деревню Шевардино и влѣво—лѣсъ на старой Смоленской дорогѣ.

Наполеонъ усиленно желалъ овладѣть сими мѣстами, дабы въ тотъ же день достичь до Бородинской позиціи, гдѣ Кутузовъ его ожидалъ, но гдѣ наши редуты не были еще устроены. Для сего Наполеонъ употребилъ значительное число войскъ, а именно: весь корпусъ князя Понятовскаго, всю кавалерію Мюрата и три дивизіи корпуса Давуста.

Сраженіе было самое жаркое. До самой темноты всѣ три пункта были удержаны. Я оставался въ надеждѣ и желаніи, что совершенная темнота ночи прекратитъ оное, но между курганомъ и деревнею услышалъ я сильный топотъ непріятельскихъ войскъ. Темнота такъ уже велика была, что издали усмотрѣть нельзя было количества оныхъ, а по звуку только узнать можно было, что это была кавалерія и въ значительно сильной колоннѣ. Кирасирскую дивизію до сей минуты я не употребилъ еще въ дѣло и держалъ оную внѣ выстрѣловъ. Тутъ послалъ ей повелѣніе наипоспѣшнѣйше идти атаковать сію непріятельскую колонну, но, при всей поспѣшности, необходимо нужно было нѣсколько минутъ кирасирской дивизіи для достиженія непріятеля, а въ сіи минуты непріятель, придвинувшись быстро въ интервалъ между курганомъ и деревнею, могъ разрѣзать сіи два пункта и поставить насъ въ сильное затрудненіе.

Надлежало необходимо остановить стремленіе

непріятеля до прибытія кирасирской дивизіи, а въ резервѣ оставался у меня единственно одинъ баталіонъ Одесскаго пѣхотнаго полка и довольно слабый. Я воспользовался сильною темнотою, приказалъ сему баталіону идти атаковать непріятеля, но запретилъ стрѣлять, а, идучи, бить сильно въ барабаны и кричать „ура“.

Сіе отчаянное дѣйствіе получило совершенный успѣхъ, ибо остановило движеніе непріятеля. Въ сіе время кирасирская дивизія поспѣла прилетѣть, пошла въ атаку, опрокинула непріятеля и взяла у него четыре пушки (взятіе коихъ нигдѣ не упомянуто, а зачтены оныя, взамѣнъ числа потерянныхъ нами въ сраженіи 26 августа). Послѣ сего пораженія непріятельскій огонь совершенно прекратился, и мы остались на своихъ мѣстахъ до полуночи. Тогда я получилъ повелѣніе оставить сіи мѣста и идти на позицію, гдѣ готовились принять баталію, и гдѣ оная была 26 августа.

Когда я вылѣчился отъ раны и возвратился къ арміи въ генварѣ 1813 года, я князю Кутузову говорилъ о семъ сраженіи. Онъ мнѣ сказалъ, что оное въ большую честь мнѣ и войскамъ, кои тамъ сражались, но реляціи объ ономъ онъ не получилъ и не могъ получить, потому что на другой день 25 августа мы всѣ были въ ожиданіи атаки непріятелемъ, а 26-го, и я, и князь Багратіонъ, были ранены, и приказалъ мнѣ реляцію написать, но при докладѣ Государю добавилъ, что это сраженіе должно считать за единое съ баталіею 26-го.

Въ Бородинской баталіи я былъ раненъ и къ арміи возвратился уже въ генварѣ 1813 года.

Изъ воспоминаній графа Воронцова.

Авторъ воспоминаній, извѣстный графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, впослѣдствіи князь и намѣстникъ кавказскій. Печатаемыя воспоминанія изложены имъ въ декабрѣ 1836 года въ письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому. Письмо на почтовомъ листѣ обыкновеннаго формата продиктовано и лишь подписано графомъ. Въ другомъ письмѣ къ историку Отечественной войны въ маѣ 1836 года, графъ Воронцовъ по поводу Бородинскаго сраженія писалъ слѣдующее: „Au sujet de Borodino j'ai toujours pensé. qu'on n'a jamais parlé avec justice chez nous et autre part de cette bataille, la plus terrible et la plus sanglante des temps modernes; ce n'était pas une victoire, comme on l'avait annoncé à Pétersbourg les premiers jours, ce n'était pas une défaite, car, hors l'occupation de Moscou, mesure à laquelle on devait s'attendre depuis longtemps, tous ses resultats ont été heureux pour nous; elle a été de fait le tombeau de l'infanterie

française, de cette infanterie, qui depuis les premières années de la révolution comptait dix succès pour un revers et a changé en tous points la situation politique de l'Europe" т. е. „По поводу Бородина я всегда думалъ, что у насъ и другихъ никогда не оцѣнивали вѣрно это ужаснѣйшее и кровопролитнѣйшее сраженіе новѣйшихъ временъ; то не была побѣда, какъ объ этомъ донесли въ первое время въ Петербургъ, оно не было пораженіемъ, потому что, кромѣ занятія Москвы, котораго задолго слѣдовало ожидать, всѣ его послѣдствія были намъ благопріятны; воистину оно было могилой французской пѣхоты, той пѣхоты, которая съ первыхъ годовъ революціи насчитывала десять успѣховъ на одно пораженіе и во всѣхъ отношеніяхъ измѣнила политическое положеніе Европы".

Сводная гренадерская дивизія въ войну 1812 года. Бородинское сраженіе.

Quant aux détails personnels sur la bataille de Borodino je n'ai aucun document par écrit et le long laps de temps, qui nous sépare de cette époque, me fait craindre d'entrer dans des détails, qui auraient pu

Что касается личныхъ воспоминаній о Бородинскомъ сраженіи, у меня нѣтъ никакого письменнаго документа, а длинный промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ этой эпохи, заставляетъ меня опасаться войти въ подробности, которыя могли пере-

se confondre dans ma mémoire. Blessé dans cette bataille et la division que je commandais, ayant été entièrement détruite, je n'ai même fait aucun rapport sur la part, que nous y avons pris. Le peu, que je peux certifier là dessus, est ce qui suit.

Rappelé de l'armée de Moldavie au printemps 1812 je reçus à Луцкъ, quartier général de la 2 armée, la nomination de chef de la division des grenadiers réunis de cette armée. Les bataillons étaient composés de soldats aguerris par de longues campagnes et de nombreux combats, excepté cependant les bataillons de la division Neweroffsky, qui venait d'être formée et qui n'avait de grenadiers que le nom, la taille et la bonne volonté.

Je fus constamment l'arrière-garde de cette armée

мѣшаться въ моей памяти. Я былъ раненъ въ этомъ сраженіи, дивизія, которою я командовалъ, совершенно уничтожена, и я даже не представилъ вовсе донесенія о принятомъ нами въ немъ участіи. То немногое, что я могу засвидѣтельствовать въ этомъ отношеніи, слѣдующее.

Вызванный изъ Молдавской арміи весною 1812 года, я получилъ въ Луцкѣ, главной квартирѣ 2 арміи, назначеніе начальникомъ сводной гренадерской дивизіи этой арміи. Баталіоны ея были составлены изъ солдатъ, пріобрѣтшихъ боевой опытъ въ продолжительныхъ походахъ и многочисленныхъ бояхъ, исключая, впрочемъ, баталіоновъ дивизіи Невѣровскаго, только что сформированной, и которые были гренадерами лишь по имени, росту и доброй волѣ.

tantôt avec Platoff et presque toujours avec le général Wassiltchikoff; nous fûmes présents à Mir, à Romanoff, et nous formions la réserve du général Raeffsky à Dachkoffka. Ma division ne prit presque pas de part aux affaires de Smolensk. Mais le 24, devant la position de Borodino, je soutins avec 4 bataillons la 27 division près de la redoute de Schewardino; nous y perdîmes assez de monde.

Le jour de la grande bataille j'étais chargé des redoutes en premiere ligne sur la gauche, et nous eumes à soutenir la première et violente attaque de 5 à 6 divisions françaises, qui furent lancées en masse sur ce point; plus de 200 pièces de canons étaient dirigées sur nous. La résistance ne pouvait être longue; mais elle ne cessa, pour ainsi dire, qu'avec

---

Я былъ постоянно въ арьергардѣ этой арміи, иногда съ Платовымъ, и почти всегда съ генераломъ Васильчиковымъ. Мы находились при Мирѣ, при Романовѣ, и составляли резервъ генерала Раевскаго у Дашковки. Моя дивизія почти не приняла участія въ дѣлахъ подъ Смоленскомъ. Но 24-го впереди Бородинской позиціи близъ Шевардинскаго редута я поддерживалъ съ четырьмя баталіонами 27 дивизію; мы потеряли тамъ довольно много народу.

Въ день главнаго сраженія на меня была возложена оборона редутовъ первой линіи на лѣвомъ флангѣ, и мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5—6 французскихъ дивизій, которыя одновременно были брошены противъ этого пункта; болѣе 200 орудій дѣйствовали противъ насъ. Со-

l'existence de ma division. Placé moi-même au centre et voyant qu'une des redoutes sur ma gauche étant enlevée, je pris un bataillon de la 2 division de grenadiers et je le menai à la bayonnette pour la reprendre. C'est là, que je fus blessé, et ce bataillon à peu près détruit; il était à peu près 8 heures du matin, et mon sort fut d'être le premier de cette longue liste de généraux, qui furent mis hors de combat dans cette terrible journée.

Мой дежурный штабъ-офицеръ Дунаевъ me remplaça et mon aide de camp Соколовскій alla chercher le dernier bataillon en réserve pour le soutenir. Il fut tué et Дунаевъ dangereusement blessé. Deux redoutes furent prises et reprises. Une heure après la division n'existait plus. Sur 4 mille hom-

---

противленіе не могло быть продолжительнымъ, но оно кончилось, такъ сказать, съ окончаніемъ существованія моей дивизіи. Находясь лично въ центрѣ и видя, что одинъ изъ редутовъ на моемъ лѣвомъ флангѣ потерянъ, я взялъ баталіонъ 2 гренадерской дивизіи и повелъ его въ штыки, чтобы вернуть редутъ обратно. Тамъ я былъ раненъ, а этотъ баталіонъ почти уничтоженъ. Было почти 8 часовъ утра, и мнѣ выпала судьба быть первымъ въ длинномъ спискѣ генераловъ, выбывшихъ изъ строя въ этотъ ужасный день.

Мой дежурный штабъ-офицеръ Дунаевъ замѣнилъ меня, а мой адъютантъ Соколовскій отправился за послѣднимъ находившимся въ резервѣ баталіономъ, чтобы его поддержать. Онъ былъ убитъ, а Дунаевъ тяжело раненъ. Два редута были потеряны и снова

mes environ il n'y eut pas 300 debout à l'appel du soir; sur 18 officiers supérieurs, il ne restait que 3, sur lesquels, je crois, qu'il n'y en avait qu'un, qui n'était pas au moins lègèrement blessé. Cette poignée de braves ne pouvait plus faire corps et fut repartie dans différents régiments.

Voilà tout ce que je puis dire sur moi-même et sur ma division pour la campagne de 1812. Nous n'y fîmes pas grande chose; mais il n'y a pas eu dans nos rangs, ni fuyards, ni prisonniers. Si on avait pu me demander le lendemain, où était ma division, j'aurais repondu comme le comte de Fuèntes à Rocroy, en montrant du doigt la place, qui nous avait été assignée — „La voilà".

отняты обратно. Часъ спустя дивизія не существовала. Изъ 4 тысячъ человѣкъ приблизительно на вечерней перекличкѣ оказалось менѣе 300; изъ 18 штабъ-офицеровъ оставалось только 3, изъ которыхъ, кажется, только одинъ не былъ хотя-бы легко раненъ. Эта горсть храбрецовъ не могла уже оставаться отдѣльной частью и была распредѣлена по разнымъ полкамъ.

Вотъ все, что я могу сказать о себѣ лично и о моей дивизіи по отношенію къ кампаніи 1812 года. Мы не совершили въ ней великихъ дѣлъ; но въ нашихъ рядахъ не было, ни бѣглецовъ, ни сдавшихся въ плѣнъ. Если-бы на слѣдующій день меня могли спросить, гдѣ моя дивизія, я отвѣтилъ-бы какъ графъ Фуэнтесъ при Рокруа, указавъ пальцемъ назначенное намъ мѣсто: „вотъ она".

Изъ воспоминаній Акинфова.

Авторъ воспоминаній, Өедоръ Владиміровичъ Акинфовъ, родился въ 1791 году, въ службу вступилъ въ л. гв. Гусарскій полкъ въ 1806 году. Произведенный въ слѣдующемъ году въ офицеры, онъ съ полкомъ участвовалъ въ войнахъ 1807 и 1812—14 годовъ. Впослѣдствіи, въ чинѣ генералъ-маіора, онъ принималъ участіе въ войнѣ 1829 года противъ Турціи и въ 1830 году вышелъ въ отставку. Пожалованный въ 1837 году въ сенаторы, онъ умеръ въ 1848 году. Печатаемыя воспоминанія автора представляютъ рукопись въ листъ писчей бумаги и препровождены имъ Михайловскому-Данилевскому въ октябрѣ 1837 года.

Посылка Акинфова 2 сентября къ Мюрату. Разговоръ съ Мюратомъ и согласіе послѣдняго на предложенія Милорадовича. Новыя требованія Милорадовича и принятіе ихъ Мюратомъ. Посылка Акинфова къ князю Кутузову въ Панки съ докладомъ объ отступленіи арьергарда черезъ Москву.

2 сентября арьергардъ подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича, впослѣдствіи гра-

фа, находился у Фарфоровыхъ Заводовъ, въ 10 верстахъ отъ Москвы, которую армія уже оставила; а когда непріятель сталъ наступать, арьергардъ началъ медленное отступленіе и пришелъ около полудня къ Поклонной горѣ.

Милорадовичъ, опасаясь быть отрѣзанъ отъ Москвы корпусами французскихъ войскъ, подходившими къ ней другими дорогами, хотѣлъ безъ кровопролитія слабаго своего арьергарда остановить непріятеля. Воспользовавшись присланною изъ главной квартиры запискою за подписаніемъ полковника Кайсарова, что 9000 оставленныхъ въ Москвѣ раненыхъ и больныхъ поручаются великодушному попеченію французскихъ войскъ, приказалъ мнѣ *) везти эту записку къ королю неаполитанскому и сказать, что, если Французы хотятъ занять Москву цѣлую, то должны, не наступая сильно, дать намъ спокойно выйти изъ нея съ артиллеріею и обозомъ; иначе генералъ Милорадовичъ передъ Москвою и въ Москвѣ будетъ драться до послѣдняго человѣка и, змѣсто Москвы, оставитъ развалины. Между тѣмъ поручилъ мнѣ, чтобы я всячески старался, какъ можно долѣе, оставаться у Французовъ.

Взявши изъ его конвоя трубача Черниговскаго драгунскаго полка, поѣхалъ я къ передовой цѣпи, состоящей изъ конныхъ егерей, которая по сигналу моего трубача остановилась, и ко мнѣ подъѣхалъ полковникъ 1 конно-егерскаго полка. На вопросъ его я отвѣчалъ, что имѣю порученіе отъ начальни-

*) *Примѣчаніе автора:* Я служилъ тогда лейбъ гвардіи въ Гусарскомъ полку штабсъ-ротмистромъ и съ Бородинскаго сраженія командовалъ эскадрономъ полковаго командира.

ка нашего авангарда, генерала Милорадовича, къ королю неаполитанскому.

Меня проводили къ командовавшему аванпостами, генералу Себастіани, который спросилъ, чего я желаю. Услыша, что имѣю порученіе къ королю неаполитанскому, отвѣчалъ, что все равно могу ему сообщить. На отзывъ мой, что не имѣю приказанія адресоваться къ нему и не смѣю никому передавать моего порученія, кромѣ короля неаполитанскаго, къ которому посланъ, генералъ Себастіани приказалъ вести меня къ Мюрату.

Проѣхавъ мимо 5 кавалерійскихъ полковъ, стоявшихъ развернутымъ фронтомъ „анъ эшикьэ", передъ пѣхотными колоннами увидѣлъ я Мюрата, блестяще одѣтаго, съ блестящею свитою.

По приближеніи моемъ, приподнялъ онъ свою шитую золотомъ съ перьями шляпу, и, когда я подъѣхалъ къ нему, былъ окруженъ его свитою. Тутъ онъ закричалъ, чтобы насъ оставили, и, по удаленіи свиты, положа руку на шею моей лошади, сказалъ мнѣ: „Г. капитанъ, что вы мнѣ скажете?" вѣроятно въ ожиданіи, что я имѣю гораздо важнѣе порученіе.

Подавши ему записку, присланную изъ главной квартиры, я сказалъ, что генералъ Милорадовичъ, будучи увѣренъ, что ему пріятно будетъ занять столицу своихъ непріятелей цѣлою, требуетъ, чтобы, не безпокоя нашъ арьергардъ, онъ далъ намъ ее пройти, иначе генералъ Милорадовичъ рѣшился драться въ Москвѣ и передъ Москвой до послѣдняго человѣка и, вмѣсто Москвы, уступитъ развалины, не оставя камня на камнѣ; для того-бы ко-

роль приказалъ остановиться французской колоннѣ, готовой вступить въ Москву, кажется, чрезъ Калужскую заставу.

На первое Мюратъ лишь отвѣчалъ, что „напрасно поручать больныхъ и раненыхъ великодушію французскихъ войскъ; Французы въ плѣнныхъ непріятеляхъ не видятъ уже враговъ“, а на второе сказалъ, что ничего не можетъ рѣшить безъ Наполеона, къ которому и былъ я тотчасъ отправленъ съ адъютантомъ его; но, проѣхавши около 200 шаговъ, прискакалъ за мною офицеръ свиты Мюрата съ приказаніемъ воротиться къ нему. А увидя меня, сказалъ, что, желая сохранить Москву, рѣшается самъ согласиться на предложеніе генерала Милорадовича и пойдетъ такъ тихо, какъ намъ угодно, съ тѣмъ только, чтобы Москва занята была Французами въ тотъ-же день. А когда я отвѣчалъ, что генералъ Милорадовичъ будетъ на это согласенъ, тогда онъ послалъ приказъ всѣмъ передовымъ цѣпямъ остановиться и прекратить перестрѣлку; меня же спросилъ, знаю ли я Москву, и, на отвѣтъ мой, что я уроженецъ Московскій, просилъ сказать жителямъ Москвы, чтобы они были покойны, что имъ не только никакого вреда не сдѣлаютъ, но никакой контрибуціи не возьмется, и всячески будутъ стараться о ихъ безопасности.

Спрашивалъ также, не оставили-ли Москвы жители, гдѣ графъ Растопчинъ?—Я отвѣчалъ, что, бывъ, безпрерывно въ авангардѣ и въ дѣлахъ, ничего, ни о Москвѣ, ни о графѣ, не знаю. На вопросъ-же, гдѣ теперь нашъ Императоръ, о которомъ по службѣ моей въ гвардіи я долженъ знать, отвѣтъ мой

былъ, что, хотя я служу въ гвардіи, но какъ бригада наша все время отъ Вильны въ авангардѣ, то мнѣ неизвѣстно мѣстопребываніе Императора, который часто бываетъ при арміи и отлучается въ отдаленныя губерніи (я не смѣлъ сказать, что Императоръ въ Петербургѣ, не знавши расположенія нашей арміи и опасаясь, по молодости лѣтъ и неопытности своей, что Французы могутъ послать корпусъ на Санктпетербургъ). Потомъ онъ спросилъ, гдѣ великій князь Константинъ Павловичъ, на что я отвѣчалъ, что его нѣтъ, кажется, теперь при арміи. Тутъ Мюратъ мнѣ разсказывалъ, что уважаетъ Императора Александра, бывши даже связанъ дружбою съ великимъ княземъ, и очень жалѣетъ, что по обстоятельствамъ долженъ воевать противъ нихъ.

Спросилъ также, много-ли нашъ полкъ потерялъ? Я отвѣчалъ: „Не можетъ быть безъ потери, находясь почти ежедневно въ сраженіи“.—„Тяжелая война!“ говоритъ мнѣ.—„Мы деремся, сказалъ я, за отечество и не примѣчаемъ тягости войны.“ - Отчего не дѣлаютъ мира?—прибавя тутъ по своей привычкѣ солдатское выраженіе. Я отвѣчалъ, что это должно быть ему извѣстнѣе, что, по моему мнѣнію, ни которая армія еще не разбита и ни которая не можетъ похвалиться совершенною побѣдою. Онъ улыбнулся и, сказавъ, „Пора мириться“, предложилъ, не хочу-ли я закусить? Поблагодаривъ его, я отвѣчалъ, что мы въ совершенномъ избыткѣ всего, и что они такъ поздно начинаютъ день, когда мы пообѣдали. Повторя мнѣ еще увѣреніе о стараніи, которое приложитъ къ сбереженію Москвы, и о почтеніи къ генералу Милорадовичу, поручилъ ему

сказать, что если согласился на его предложеніе, то единственно изъ уваженія только къ нему. Потомъ отпустилъ меня.

Въ сопровожденіи того-же полковника 1 конно-егерскаго полка я ѣхалъ маленькимъ галопомъ и, чтобы болѣе продлить время, просилъ позволить мнѣ полюбоваться двумя польскими гусарскими полками. Провожавшій меня полковникъ согласился проѣхать со мною по фронту этихъ полковъ. Но, замѣтивъ, что я тихо галопирую, и что мы много теряемъ время, просилъ меня пустить лошадь въ полный галопъ. Я долженъ былъ согласиться на это и, проѣхавши французскую цѣпь, подъѣхалъ къ командующему нашей цѣпью, лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковнику Ефремову. Объявивъ ему, что Мюратъ согласенъ тихо идти за нашими казаками, поскакалъ къ Милорадовичу, который подходилъ уже къ Яузѣ.

Когда я разсказалъ Милорадовичу разговоръ мой и отвѣтъ Мюрата, то, сказавъ „Видно, они очень рады занять Москву“, онъ послалъ меня опять предложить Мюрату, въ дополненіе условія его, заключить перемиріе до 7 часовъ слѣдующаго утра, чтобы могли свободно изъ Москвы выдти всѣ наши обозы и отсталые, въ противномъ случаѣ онъ останется при своемъ прежнемъ рѣшеніи, будетъ драться въ Москвѣ.

Воротясь, я нашелъ близъ Драгомиловской заставы Мюрата, который ѣхалъ вслѣдъ за своей передовой цѣпью, смѣшавшейся съ нашими казаками. Принявъ меня очень ласково, онъ безпрекословно согласился на это предложеніе, но съ тѣмъ,

что все непринадлежащее арміи будетъ оставлено; потомъ спросилъ меня, сообщалъ-ли я жителямъ Москвы, что они могутъ быть въ совершенной безопасности? Хотя, по истинѣ, я не думалъ и не съ кѣмъ было въ Москвѣ говорить объ этомъ, но долженъ былъ увѣрить Мюрата, что исполнилъ его порученіе.

Возвратясь къ Милорадовичу и передавъ ему согласіе Мюрата, когда мы совсѣмъ вышли изъ опустѣвшей Москвы, гдѣ только въ церквахъ толпился народъ, и, отойдя 4 версты по Рязанской дорогѣ, остановились, Милорадовичъ послалъ меня къ Его Свѣтлости, главнокомандующему князю Кутузову, съ донесеніемъ, что при отступленіи изъ Москвы потери не было.

Дорога и поля были загромождены экипажами. Тысячи каретъ, колясокъ, фуръ, телѣгъ, тѣснили другъ друга, спѣша отъ непріятеля. Между полковыми обозами и подводами съ нашими ранеными, партіями плѣнныхъ, я съ трудомъ могъ добраться до главной квартиры, расположившейся по Рязанской дорогѣ въ селеніи Панкахъ, и пріѣхалъ туда уже въ сумерки.

Полковникъ Кайсаровъ, къ которому явился я, пошелъ сперва доложить обо мнѣ Свѣтлѣйшему и потомъ представилъ ему. Я нашелъ его въ крестьянской избѣ, въ сюртукѣ, сидящаго за длиннымъ столомъ, на концѣ котораго сидѣлъ генералъ Бенигсенъ. Когда я донесъ объ отступленіи нашемъ черезъ Москву, онъ распрашивалъ меня о Мюратѣ, что онъ говорилъ, и даже о подробностяхъ его истинно театральной одежды; удостоилъ благодарить

меня, какъ за исполненіе этого порученія, такъ и за отвѣты мои Мюрату, велѣлъ записать мое имя, генералу Милорадовичу объявить его благодарность. сказавъ, что онъ остается тутъ дневать завтра, и потому бы Милорадовичъ держался съ арьергардомъ.

Возвратясь очень поздно къ послѣднему, я разбудилъ его и сообщилъ ему благодарность и приказаніе главнокомандующаго. Милорадовичъ былъ, казалось, въ затрудненіи держаться съ слабымъ арьергардомъ, если-бы непріятель вздумалъ на насъ напирать.

По исполненіи, такимъ образомъ, моего порученія, возвратился я къ своему эскадрону. Но слышалъ, что нашъ герой нашелся еще разъ исполнить приказаніе главнокомандующаго безъ кровопролитія. Узнавъ отъ меня, что аванпостами командуетъ Себастіани, котораго Милорадовичъ зналъ по случаю проѣзда его изъ Константинополя чрезъ Бухарестъ, онъ самъ поѣхалъ къ непріятельскимъ аванпостамъ, спросилъ генерала Себастіани и, обрадовавшись другъ другу, предложилъ ему не проливать крови въ день ихъ свиданія, и что онъ такъ отступитъ 4 версты. Не смѣю утверждать справедливости этого, бывъ тогда во фронтѣ, а не при Милорадовичѣ, но знаю, что мы точно отступили съ арьергардомъ 4 версты, продневали безъ сраженія и даже цѣлый день не садились на лошадей, а на слѣдующее утро начали опять отступленіе съ бою.

Изъ воспоминаній графа Орлова-Денисова.

Авторъ воспоминаній, графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, родился въ 1775 году. Принималъ участіе въ войнѣ противъ Французовъ въ 1807 году и въ Финляндіи въ 1808 и 1809 годахъ. Во время Отечественной войны командовалъ л.гв. Казачьимъ полкомъ. Затѣмъ участвовалъ въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ и въ кампаніи 1828 года противъ Турціи. Умеръ въ 1843 году.

Краткія описанія дѣлъ подъ Витебскомъ и Спасъ-Куплею препровождены графомъ Орловымъ-Денисовымъ Михайловскому-Данилевскому въ февралѣ 1840 года, на отдѣльныхъ листахъ почтовой бумаги малаго формата, при письмѣ, въ которомъ графъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „О дѣлахъ между Видзы и Свенцянъ, при Кочержишкахъ, не нахожу нужнымъ много распространяться, ибо нечѣмъ похвастать, кромѣ того, что здѣсь съ 11 полками легкой кавалеріи я былъ оставленъ для удержанія

напора непріятеля, и, слава Богу, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ атакъ, въ теченіи коихъ мостъ загорѣлся, я благополучно перешелъ Дисну на другой берегъ, большею частью вплавь, безъ большого урону".

Описаніе боя при Лубинѣ прислано графомъ Орловымъ-Денисовымъ Михайловскому-Данилевскому, повидимому, въ мартѣ 1836 года. Рукопись представляетъ тетрадь въ листъ писчей бумаги.

Арьергардное дѣло подъ Витебскомъ.

Когда непріятель завязалъ дѣло съ нашею пѣхотою, я со всею кавалеріею стоялъ на полянѣ между кустарниками, прикрывавшими большую дорогу, и Двиною, имѣя впереди два полка—Конно-Польскій и Елисаветградскій гусарскій. Какъ вдругъ на высотѣ предъ Куковичи поставлена была батарея, гдѣ находился и самъ Наполеонъ, а лѣсъ направо отъ Двины заняли стрѣлки; слѣва-же отъ большой дороги подходили новыя колонны въ помощь атакѣ, и въ это время стрѣлки согласнымъ огнемъ съ батареею начали наносить сильный вредъ Конно-Польскому и Елисаветградскому гусарскому полку, которые принуждены были отступить. Вслѣдъ за чѣмъ не замедлили выдти подъ прикрытіемъ батареи два полка непріятельскихъ конно-егерей на поляну, пересѣкаемую глубокимъ рвомъ, а лишь только что успѣли перейти черезъ него, какъ я съ лейбъ-казаками, поддерживаемый Сумскимъ гусарскимъ полкомъ, пошелъ на нихъ въ атаку, и, не смотря на сильный картечный огонь непріятеля съ большой дороги, доскакали до конно-егерей, сбили

ихъ и обратили въ бѣгство. Ровъ много содѣйствовалъ къ совершенному уничтоженію ихъ, такъ что тѣла ихъ сдѣлали намъ мостъ черезъ него. За остальными-же, которые успѣли спастись, лейбъ-казаки вскакали на батарею и завладѣли оною, но вывезти было невозможно, потому что невдалекѣ замѣченъ былъ Наполеонъ съ многочисленною свитою, и казаки, проскакавши батарею, бросились за ними такъ быстро, что подъ казакомъ Авдѣевымъ убита была свитою лошадь въ самомъ близкомъ разстояніи, и онъ, весь израненый, былъ приведенъ къ Наполеону для объясненій.

Впередъ то намъ идти было не такъ чувствительно, но назадъ проскакивали почти по одному такъ силенъ былъ огонь съ двухъ сторонъ.)*

Бой при Лубинѣ. **)

Въ ночь съ 5-го на 6-е число чрезъ оставленіе города Смоленска и большой Московской дороги нашими войсками, расположившимися по Порѣченской дорогѣ, положеніе 1 западной арміи сдѣлалось весьма невыгоднымъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіи дня замѣчены были въ непріятельской арміи движенія вверхъ по Днѣпру, идущему параллельно съ большой Московской дорогой. Къ ночи-же на 7 число приготовленіе переправъ ихъ при Смоленскѣ и въ 10 верстахъ выше угрожало занятіе непріятелемъ

---

*) Собственноручная приписка автора.

**) Описаніе этого боя въ рукописи озаглавлено такъ: „Описаніе сраженія при д. Лубино, происходившаго августа 7-го дня 1812 года, между россійскими войсками подъ начальствомъ главнокомандующаго арміею генерала-отъ-инфантеріи Барклая де-Толли и французскими войсками изъ 1, 3, 8 пѣхотныхъ корпусовъ и 2 и 3 кавалерійскихъ подъ командою короля неаполитанскаго Іоахима“.

Московской дороги, чрезъ что соединеніе наше съ 2 арміею сдѣлалось-бы невозможнымъ, а для отступленія 1-й не оставалось другого пути, какъ на Духовщину. Для предотвращенія чего армія выступила въ 9 часовъ по полудни къ Соловьевой переправѣ двумя колоннами.

Первая, подъ начальствомъ генерала Тучкова I, состоявшая изъ 3 и 4 пѣхотныхъ корпусовъ, имѣя въ арьергардѣ 1 резервный кавалерійскій корпусъ, должна была выдти на большую Московскую дорогу въ . . . . верстахъ при деревнѣ . . . . *), что и совершила безъ всякаго препятствія.**)

Второй-же, подъ начальствомъ генерала Дохтурова, состоявшей изъ 5 и 6 пѣхотныхъ корпусовъ, 1 кирасирской дивизіи, 2 и 3 кавалерійскихъ корпусовъ и всей резервной артиллеріи, приказано было по проселочной, кривой, гористой и неудобной дорогѣ выдти на соединеніе съ 1 колонной, чрезъ деревни: Зыкалку, Пойсилову, Маршулки и Сущево къ д. Прудище.

2 корпусу, причисленному къ 1 колоннѣ, подъ командою Багговута, назначено слѣдовать по большой Московской дорогѣ и арьергарду, состоявшему подъ начальствомъ барона Корфа, состоявшему изъ нѣсколькихъ егерскихъ полковъ при нѣкоторомъ числѣ кавалеріи и конной артиллеріи. Наблюденіе же за движеніемъ непріятеля къ сторонѣ Смоленска поручено генералъ-маіору Карпову съ 4-мя казачьими полками.

*) Пропуски въ подлинной рукописи.

**) *Примѣчаніе автора*: Но какъ фланговое движеніе первой колонны должно было быть сокрыто отъ непріятеля, чрезъ что она должна была пройти нѣсколько верстъ по дорогѣ, назначенной для второй колонны, чѣмъ самымъ движеніе ея было задержано.

7 числа по утру открыты были движенія непріятеля въ сильныхъ и густыхъ колоннахъ пѣхоты и кавалеріи, направленныхъ на Московскую дорогу, прикрываемую одними казачьими полками. Какъ въ то-же время слѣдованіе резервной артиллеріи 4 и 5 корпуса съ кавалеріею, составлявшей вторую колонну, по проселочной дорогѣ дѣлалось часъ отъ часу затруднительнѣе и тѣмъ задержало движеніе корпуса генерала Багговута и арьергарда подъ командою Корфа, то вынудило сформировать арьергардъ подъ командою генерала Тучкова 3-го изъ полковъ: трехъ казачьихъ, Елисаветградскаго гусарскаго, 20 и 21 егерскаго, Ревельскаго пѣхотнаго и роты конной артиллеріи, и возвратить обратно къ Смоленску, гдѣ 2 корпусъ съ арьергардомъ долженъ былъ выдти на большую Московскую дорогу; который, дойдя до д. Топоревщина и Латышино, остановился при оныхъ для отдохновенія войскъ, перешедшихъ въ ночь безъ роздыху 30 верстъ, и, удостовѣрясь въ приближеніи непріятеля въ густыхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ колоннахъ, генералъ Тучковъ расположилъ войска свои сообразно мѣстоположенію, занявъ полками: 20 и 21—лѣски, на правой и на лѣвой сторонѣ дороги находящіеся; конную артиллерію поставилъ на высоту, съ коей удобно могъ анфилировать на большое пространство Смоленскую почтовую дорогу; Ревельскій пѣхотный полкъ съ кавалеріей долженъ былъ подкрѣплять егерей; три полка казаковъ отряжены были влѣво къ д. Лапинѣ и вообще къ сторонѣ Днѣпра, дабы открывать приближеніе непріятеля съ сей стороны. Движеніе сіе происходило около 9 часовъ утра.

Генералъ-лейтенантъ Багговутъ съ 2 корпусомъ не могъ уже поспѣть на Московскую дорогу. По занятіи оной непріятелемъ, былъ на маршѣ сильно атакованъ при д. Гедеоновѣ, но благоразумными распоряженіями и храбростью одержанъ былъ верхъ надъ непріятелемъ. Генералу-маіору принцу Виртембергскому приказано было сбить непріятеля и держать тотъ пунктъ до прибытія арьергарда барона Корфа, что съ успѣхомъ и было имъ исполнено; по сближеніи коего съ 2 корпусомъ, войска продолжали затруднительный маршъ свой на соединеніе съ 3 и 4 корпусами горами и лѣсами, которые, тѣмъ временемъ, по повелѣнію генералъ-лейтенанта Тучкова I, по случаю сильнаго боя, возгорѣвшагося съ авангардомъ генералъ-маіора Тучкова 3, прибыли обратно отъ села Бредихино къ деревнѣ Лубино и заняли позицію при . . . . . . *).

Авангардъ генералъ-маіора Тучкова 3-го, сражавшійся съ 10 часовъ утра до 3 по полудни, противъ 3 французскаго корпуса маршала Нея, принужденъ былъ наконецъ отступить за рѣчку Пiравнецъ и занять подоспѣвшею 1 бригады батарейною артиллеріею высоту при большой дорогѣ, съ коей удобно могъ очищать оную. Конная-же рота поставлена была правѣе, на той-же высотѣ. За артиллеріею стали въ колоннахъ Лейбъ-Гренадерскій полкъ, а правѣе онаго полки Елецкій и Екатеринбургскій. Ревельскій полкъ, отступая, занялъ лѣсъ между деревнями Грейчишки и Конопковка. 20 и 21 егерскіе полки, подъ командою генералъ-маіора князя Шаховскаго, занимали влѣво долину, покры-

*) Пропускъ въ рукописи.

тую кустарникомъ, имѣя въ подкрѣпленіе сводный гренадерскій баталіонъ 23 дивизіи и одинъ баталіонъ графа Аракчеева полка; другой-же баталіонъ сего полка сталъ лѣвѣе на горѣ, при рощѣ, занятой Рыльскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Генералъ-маіоръ Карповъ со всѣми казачьими полками сталъ въ открытыхъ мѣстахъ около деревень Гумничино и Мартино.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило въ центрѣ и на правомъ нашемъ флангѣ, непріятель, собравъ подъ командою Мюрата всю свою кавалерію, болѣе 200 эскадроновъ, поддерживаемый пѣхотою, угрожалъ движеніемъ своимъ по полянѣ обойти лѣвый нашъ флангъ. Генералъ-маіоръ Карповъ, находившійся въ семъ пунктѣ съ пятью казачьими полками, подкрѣпленный генералъ-маіоромъ Всеволожскимъ и княземъ Вадбольскимъ, началъ отступать въ порядкѣ, избѣгая боя. Почему, главнокомандующій приказалъ генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову поспѣшить съ позиціи при Бредихинѣ на рысяхъ съ I резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ къ д. Заболотье, расположить корпусъ, не переходя черезъ болото, на высотахъ. Увеличивая силу онаго, мелкій кустарникъ, растущій на высотахъ, способствовалъ выполнить приказаніе, и весь корпусъ съ конною артиллеріею, сойдя съ коней, былъ поставленъ по опушкѣ лѣса въ одну шеренгу. Лично-же приказано было генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову: принять подъ свое начальство кавалерію, находившуюся впереди на лѣвомъ флангѣ подъ командою Всеволожскаго, Вадбольскаго, и казачьи полки генералъ-маіора Карпова;

удержать стремленіе Мюрата, угрожавшаго разстройствомъ центра нашей арміи, большою потерею второй колоннѣ и 2 корпусу Багговута, находившимся еще въ затруднительномъ маршѣ по проселочной дорогѣ и невышедшимъ на большую Московскую дорогу.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, переѣхавъ съ затрудненіемъ черезъ болото по тропинкѣ*) на первую высоту, встрѣтилъ тамъ полки подъ командою Карпова, Всеволожскаго и Вадбольскаго. Осмотрѣвъ непріятеля, формирующагося за большимъ оврагомъ въ три густыя эскадронныя колонны, имѣя впереди каждой по полку пѣхоты, съ другой стороны, удостовѣрясь, что окружавшія позицію сію болота лишали всю надежду на отступленіе, приказалъ полкамъ отправить изъ каждаго эскадрона осмотрѣть мѣста, способныя къ отступленію и къ переходу черезъ болота, и, когда дознано было, что болота непроходимыя окружаютъ насъ, то предложилъ войску съ честью умереть или побѣдить. Между тѣмъ, предусматривая движеніе непріятеля и стѣсненное положеніе нашей позиціи, занялъ оную съ интервалами на эскадронную дистанцію въ 4 линіи тремя гусарскими полками: Маріупольскимъ, Сумскимъ и Елисаветградскимъ, каждый въ два баталіона *состоявшіе*,**) и утвердилъ свой правый флангъ къ пригорку надъ болотами, отдѣлявшему сію позицію отъ большой Московской дороги, на которомъ поставлены 4 орудія конной артиллеріи съ приказаніемъ удерживать

*) *Примѣчаніе автора*: Къ которой уже приближался нашъ арьергардъ въ сильномъ бою.

**) Приписка карандашемъ.

всякое покушеніе непріятельской пѣхоты на правый нашъ флангъ, отколь удобно было черезъ болото обстрѣливать и большую Московскую дорогу, въ случаѣ сильнаго нападенія непріятеля на арьергардъ. Пять полковъ казачьихъ и 2 эскадрона Изюмскихъ гусаръ составили лѣвое крыло и, примыкая лѣвымъ флангомъ къ болоту, стали въ томъ-же порядкѣ. Вся первая линія ожидала непріятеля предъ кустарникомъ на полъ-ружейнаго выстрѣла, съ предположеніемъ воспрепятствовать выходу непріятеля изъ кустарника.

Приготовясь, такимъ образомъ, къ бою, генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ просилъ главнокомандующаго о присылкѣ ему нѣсколькихъ орудій конной артиллеріи и одной бригады пѣхоты для занятія кустарника на правомъ его крылѣ, съ твердымъ увѣреніемъ главнокомандующаго, не смотря на превосходство силъ Мюрата, не уступать ему ни шагу до глубокой ночи.

Въ часъ по полудни непріятель двумя полками пѣхоты открылъ, при выходѣ изъ кустарника, огонь. Видя это смѣлое движеніе пѣхоты, первой линіи приказано было отступить на мѣсто второй, второй на третью и такъ далѣе—почему пѣхота непріятельская, не останавливаясь, двинулась впередъ изъ кустарника. Тогда приказано было первой линіи атаковать ее, съ подтвержденіемъ, уничтоживъ пѣхоту, проскакать за 4 линію и тамъ строиться, а 2 линіи снова начинать атаку противъ кавалеріи и, разстроивъ, проскакивать за 4 линію, дабы безпрерывными атаками препятствовать строиться на полянѣ непріятелю.

Первая атака Маріупольскимъ гусарскимъ полкомъ и казачьими произведена была съ отличнѣйшимъ успѣхомъ, и пѣхота была изрублена на мѣстѣ; подоспѣвшая кавалерія отбила оной весьма малое число. 2 линія, *не дождавшись отступленія первой, а первая, ободренная своею удачею, вмѣстѣ съ нею пошла въ атаку, черезъ то на короткое время произошло замѣшательство и отступленія отъ сдѣланнаго распоряженія. Обѣ линіи* опрокинули кавалерію и *тѣмъ задержали дѣйствія 3 линіи, доколѣ опять онѣ были вызваны, чтобы занять свои мѣста.**) Такого рода атаки, производимыя съ неимовѣрнымъ духомъ и быстротою, продолжались до 4 часовъ.

Въ это время третья непріятельская колонна, обойдя дефиле и лѣсъ, открыла на лѣвый нашъ флангъ огонь артиллеріею и пѣхотою. Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, видя стѣсненное положеніе лѣваго фланга, приказалъ всѣмъ линіямъ завернуть лѣвый флангъ.

Сокращеніе позиціи между двухъ болотъ дало возможность составить резервы, почему и поставлены: за правымъ флангомъ, въ колоннахъ, Елисаветградскій гусарскій, а на лѣвомъ—2 эскадрона Изюмскихъ и казачій полкъ. Подоспѣвшіе съ генераломъ Чеблуковымъ (Чоглоковымъ?) два полка пѣхоты поставлены были: Псковской—на правомъ флангѣ у пригорка въ кустарникѣ, а Перновскій—въ каре въ центрѣ кавалеріи. Двѣнадцать орудій артиллеріи съ прежде бывшими четырьмя маскированы на правомъ флангѣ за первою линіею.

---

*) Курсивомъ напечатаны позднѣйшія приписки на поляхъ другою рукою.

Почему, въ половинѣ 6 часа, непріятель, имѣя возможность выдти изъ кустарниковъ, показался на полянѣ противъ нашего праваго фланга въ двухъ колоннахъ, изъ 8 полковъ составленныхъ, съ сильными резервами. Подпустя его къ флангу на ближайшій картечный выстрѣлъ, батарея, состоявшая изъ 16 орудій, была открыта. Убійственное дѣйствіе ея картечью и открытый огонь изъ кустарниковъ Псковского полка и изъ центра Перновскаго — нанесли ему ужасное пораженіе, а атакою Сумскаго гусарскаго полка и казаками совершенно разстроены и прогнаны. Что и заставило превосходнаго въ силахъ непріятеля, подъ командою короля неаполитанскаго, отступить къ д. Гумничино и ограничиться одною лишь пушечною пальбою.

Около 9 часовъ вечера дивизія генерала Гюдена, воспользовавшись сумерками, прошла лощину и атаковала съ бѣшенствомъ все правое наше крыло, приближаясь на полу-картечный выстрѣлъ къ нашей артиллеріи. Генералъ-маіоръ Тучковъ, взявъ Екатеринославскій гренадерскій полкъ, ударилъ въ штыки. Генералъ Олсуфьевъ послѣдовалъ за нимъ, и непріятель съ большимъ урономъ былъ опрокинутъ за лощину. При семъ случаѣ генералъ Тучковъ 3 взятъ въ плѣнъ.

Послѣ сего огонь умолкъ на всѣхъ пунктахъ. Потеря съ нашей стороны простиралась до 5,000 человѣкъ убитыми и ранеными, непріятельскую-же полагать должно гораздо превосходнѣе; ибо многократныя его атаки повсюду были отражаемы. Французскій дивизіонный генералъ Гюденъ былъ

убитъ. Въ плѣнъ взято 500 человѣкъ, между коими много штабъ и оберъ-офицеровъ.

8 числа въ 4 часа по полуночи войска наши предприняли движеніе свое къ Соловьевой переправѣ, куда прибыла и колонна Дохтурова, и по устроеннымъ тремъ мостамъ переправились на лѣвый берегъ Днѣпра.

Въ сей день арьергардъ генерала Копова (Карпова?) и большая часть казачьихъ полковъ оставались на правомъ берегу сей рѣки, имѣя связь съ отрядомъ барона Винценгероде, дѣйствовавшаго къ сторонѣ Духовщины, куда, по полученнымъ извѣстіямъ, послѣ отступленія нашего отъ Смоленска, направился вице-король италіанскій съ 4 пѣхотнымъ и 3 кавалерійскимъ непріятельскими корпусами *).

Дѣло при Спасъ-Куплѣ.

При выступленіи изъ Воронова непріятельскія войска долго удерживаемы были въ дефилеяхъ легкими кавалерійскими полками и батареею гвардейской артиллеріи. Непріятель, желая пробраться безъ большого урону, двинулся сильною кавалеріею подъ командою корпуснаго командира. . . .**) влѣво чрезъ лѣсъ по проселочной дорогѣ, ведущей прямо на Спасъ-Куплю, чтобы обойти позицію сію и отрѣзать находившіяся тамъ войска — о каковомъ движеніи тотчасъ донесено было казачьимъ полкомъ, стоявшимъ на дорогѣ для наблюденія. Почему графъ Орловъ-Денисовъ, командовавшій всею легкою кава-

---

*) Въ концѣ рукописи сдѣлана приписка другою рукою: „Простояли до глубокой ночи.“

**) Пропускъ въ подлинной рукописи.

лерiею, оставивъ дефилеи, перешелъ со всѣми войсками своими къ Спасъ-Куплѣ для встрѣчи непрiятеля, долженствовавшаго выйти изъ лѣсу, и поставилъ бывшiе при немъ гусарскiе полки во фронтъ, а три полка казачьихъ, подъ командою полковника Балабина, справа, и четыре съ генералъ-маiоромъ Сысоевымъ слѣва – въ засадахъ; остальная же кавалерiя и казачьи полки, подъ командою генералъ-лейтенанта Карпова, стали противъ большой дороги для наблюденiя ея.

Непрiятель не замедлилъ съ поспѣшностью выходить изъ лѣсу передъ Спасъ-Куплею и, замѣтя нашу кавалерiю, началъ выстраивать свои полки. Но лишь только построилъ третiй полкъ, а остальные стали показываться, какъ въ это время двумъ гусарскимъ полкамъ приказано было двинуться на непрiятеля въ атаку рысью, дабы тѣмъ обратить на себя вниманiе его, а казачьимъ полкамъ, бывшимъ въ засадахъ, въ тоже время броситься непрiятелю во фланги.

Атака сiя исполнена была съ такой быстротою и порядкомъ, что непрiятель былъ опрокинутъ и обратился въ совершенномъ разстройствѣ по лѣсу въ бѣгство, преслѣдуемый болѣе трехъ верстъ, причемъ понесъ значительный уронъ убитыми и плѣнными.

Изъ воспоминаній Болговского.

Авторъ воспоминаній, Дмитрій Николаевичъ Болговской, началъ службу въ л. гв. Измайловскомъ полку и въ 1797 году произведенъ въ офицеры. Во время Отечественной войны онъ, въ чинѣ маіора, находился въ должности дежурнаго штабъ-офицера при 6 пѣхотномъ корпусѣ Дохтурова. Въ началѣ 1836 года Болговской назначенъ Вологодскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ, въ 1841 году - сенаторомъ и умеръ въ 1852 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Воспоминанія его въ видѣ двухъ отрывковъ, писанныхъ каждый на тетради въ листъ писчей бумаги, препровождены имъ въ сентябрѣ 1836 года Михайловскому-Данилевскому. Первый отрывокъ заключаетъ сужденія автора о причинахъ, повліявшихъ на исходъ Бородинскаго сраженія; второй—составленное исключительно по памяти описаніе событій, предшествовавшихъ бою подъ Малоярославцемъ.

Observations sur Borodino.

On ne saurait s'étonner assez, que personne jusqu'à présent ne se soit donné la peine d'examiner avec attention les circonstances, qui ont pu déterminer le résultat de la bataille de Borodino. On n'en sait que les conséquences; il parait, que la veritable cause du salut de l'armée russe est ignorée.

Ayant peu de confiance en mon optique militaire, ce n'est pas d'elle seulement, que j'emprunterai mes observations sur cette bataille à jamais célèbre. Je les déduirai principalement des renseignements, que j'ai recueillis dans le temps-même des officiers généraux ennemis les plus distingués, et qui plus ou moins m'ont confirmé dans mon opinion.

Замѣчанія на Бородино.

Невозможно достаточно удивляться, что до сихъ поръ никто не далъ себѣ труда внимательно изслѣдовать обстоятельства, которыя могли привести къ результату Бородинскаго сраженія. Извѣстны только послѣдствія его, настоящая-же причина спасенія русской арміи, повидимому, неизвѣстна.

Имѣя мало довѣрія къ моему военному взгляду, я не буду исключительно изъ него заимствовать мои замѣчанія на это навсегда знаменитое сраженіе. Я буду выводить ихъ, главнымъ образомъ, изъ свѣдѣній, собранныхъ мною въ то время отъ наиболѣе выдающихся непріятельскихъ генераловъ, которые, болѣе или менѣе, утвердили меня въ моемъ мнѣніи.

Je ne présenterai d'ailleurs que des faits, chacun pourra juger de l'influence, qu'ils ont eue et celle qu'ils pouvaient avoir.

Tout le monde connait la grande disproportion, qui existait à cette époque entre les forces disponibles des armées respectives, et, de plus, la grande confiance, que donnait à l'armée française un chef jusqu'à lors invincible. Comment concevoir, qu'avec d'aussi grands avantages en matériel et au moral elle ait échoué dans ses espérances, et, qu'au lieu d'une entière défaite, l'armée russe ait pu se retirer le lendemain de la bataille avec ordre et calme, tout comme s'il ne s'agissait que d'une manoeuvre?

A valeur égale, la prépondérance numérique peut quelque fois être paralysée par les localités et le

---

Впрочемъ я буду представлять только факты, всякій можетъ судить о вліяніи, которое они имѣли и которое они могли имѣть.

Всѣ знаютъ объ огромной несоразмѣрности, существовавшей въ это время въ силахъ, которыми располагали та и другая арміи, и, болѣе того, объ огромной увѣренности, которую доставлялъ французской арміи вождь, до тѣхъ поръ непобѣдимый. Какъ понять, что съ столь значительными преимуществами въ матеріальномъ и моральномъ отношеніяхъ она потерпѣла неудачу въ своихъ надеждахъ, и русская армія, вмѣсто полнаго пораженія, могла на слѣдующій день послѣ боя отступить въ порядкѣ и спокойно, совершенно какъ будто дѣло шло только о маневрѣ.

При одинаковой доблести численное превосход-

parti, qu'en tirerait un habile capitaine; mais à Borodino la position de notre flanc droit seule pouvait imposer à l'ennemi; le reste de la ligne n'avait pour appui que le dévouement des troupes et la ferme résolution de vaincre ou de mourir.

La disposition du maréchal prince Koutouzoff pour accepter la bataille portait, que le flanc droit serait appuyé à la petite rivière Kalotscha; le centre et la gauche auraient devant leur front trois redoutes et la batterie, dite Raevsky, dominant la plaine entre elles et la ligne; l'extrême gauche aux ordres du général Touschkoff devait, en s'emparant de la vieille route de Smolensk, tourner le flanc droit des Français, et le général Platoff eut odre dans la nuit de se porter avec un régiment de chasseurs et tous

ство можетъ быть иногда парализовано мѣстными условіями и пользованіемъ ими со стороны искуснаго полководца; но при Бородинѣ только расположеніе нашего праваго фланга могло внушать уваженіе непріятелю, остальная часть линіи не имѣла другой опоры кромѣ самоотверженія войскъ и твердой рѣшимости побѣдить или умереть.

Диспозиція фельдмаршала князя Кутузова для принятія сраженія заключала указаніе, что правый флангъ долженъ былъ примыкать къ маленькой рѣчкѣ Колочѣ; центръ и лѣвый флангъ должны были имѣть впереди фронта три редута и батарею Раевскаго, командовавшую равниной между ними и фронтомъ; крайній лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала Тучкова, долженъ былъ, овладѣвъ старой Смоленской дорогой, обойти правый флангъ Фран-

ses cosaques sur la rive gauche de la Kalotscha et, tournant le flanc gauche de l'ennemi, le charger en flanc et à revers.

Telles étaient les dispositions d'une armée, qui avait à combattre la grande supériorité du nombre et Napoléon.

A l'aube du jour l'ennemi débuta par une forte démonstration sur notre centre, tandis que toute son attention et la majeure partie de ses forces se portèrent sur notre gauche; cent quarante bouches à feu, chargés à mitraille l'accablèrent d'abord, et lorsque le prince Bagration, général en chef de l'aile combattante, fut mis hors de combat, il en résulta un désordre, qui eût produit les conséquences les plus funestes, si le 2 corps d'armée, sous les ordres

цузовъ, а генералъ Платовъ получилъ приказанie направиться ночью на лѣвый берегъ Колочи и, обойдя лѣвый флангъ непрiятеля, атаковать его во флангъ и съ тылу.

Таковы были распоряженiя по армiи, которой предстояло сражаться противъ огромнаго численнаго превосходства и Наполеона.

На разсвѣтѣ непрiятель открылъ дѣйствiя сильной демонстрацiей противъ нашего центра, между тѣмъ какъ все его вниманie и большая часть его силъ была направлена противъ нашего лѣваго фланга. Прежде всего на него обрушились сто сорокъ орудiй, заряженныхъ картечью, и, когда главнокомандовавшiй сражавшагося крыла, князь Багратiонъ, выбылъ изъ боя, произошелъ безпорядокъ, который имѣлъ-бы самыя пагубныя послѣдствiя,

du général Bogovouth, le 4-ème du comte Ostermann et les régiments des gardes ne se fussent présentés pour rétablir nos affaires sur ce point.

Cependant l'ennemi, renforçant toujours ses colonnes d'attaque, parvint à s'emparer de nos redoutes, construites en avant la ligne. Il est certain, que dans cette entreprise il perdit un monde infini, mais il n'est que trop vrai, que notre 8 corps et celui des grenadiers réunis ne conservèrent aussi après cette lutte que de très faibles débris.

Fier de ce succès, l'ennemi attaqua d'abord avec impétuosité la batterie de Raevsky, seul point d'appui, qui nous restait sur la gauche et sur le centre, mais la courageuse résistance, que deployèrent les généraux: Paskevitch—avec la 26 division, Jermoloff et

---

если-бы не прибыли, для возстановленія нашихъ дѣлъ на этомъ пунктѣ, 2 корпусъ, подъ командою генерала Багговута, 4-й—графа Остермана, и гвардейскіе полки.

Между тѣмъ непріятель, все усиливая свои атакующія колонны, успѣлъ овладѣть нашими редутами, построенными впереди фронта. Достовѣрно, что въ этомъ предпріятіи онъ потерялъ пропасть народа, но вполнѣ справедливо, что нашъ 8 корпусъ и корпусъ сводныхъ гренадеръ послѣ этой борьбы сохранили также очень слабые остатки.

Гордый этимъ успѣхомъ, непріятель тотчасъ стремительно атаковалъ батарею Раевскаго, единственный опорный пунктъ, оставашійся у насъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, но мужественное сопротивленіе, оказанное генералами: Паскевичемъ—

ses cosaques
tournant le f
flanc et à re
Telles é
avait à com
et Napoléor
A l'au
démonstrat
attention
tèrent sur
feu, char
que le pr
combatta
un déso
plus fur

цузовъ
направ
обойд
фланг

пред
нагс

ной
тѣı
си.
ф.
р
к
7

Wassiltchikoff avec d'a
... ennemies, qui éch
... entreprise, c'était pl
combat aussi le se battit
... qui ...

majeure pour nous, qu'il était à craindre,
i, habile à profiter d'un avantage de cette
ne perça notre centre, et c'est alors, que
l'armée eût été inévitable, d'autant plus faci-
depuis la perte du général Koutayssoff notre
'agissait que partiellement et sans accord.
tait l'état des choses vers les trois heures
grand étonnement de tous ceux, qui ob-
les mouvements de l'ennemi, l'on s'apper-
ne profita point de ces immenses avanta-
is au prix de tant de sang et de persévé-
ais que le feu de son artillerie se rallentit
une manière si tranchante, qu'on pouvait
avec raison, qu'il renonçait déjà à l'éspe-
e nous vaincre.

терия этого пункта имѣла для насъ тѣмъ боль-
ченіе, что должно было опасаться, чтобы не-
ь, искуссно воспользовавшись столь важнымъ
ществомъ, не прорвалъ нашего центра, и тогда
еніе арміи было-бы неизбѣжно и тѣмъ болѣе
, что послѣ потери генерала Кутайсова наша ар-
рія дѣйствовала только по частямъ и безъ связи.
Таково было положеніе дѣлъ около трехъ ча-
, когда, къ великому удивленію всѣхъ тѣхъ,
наблюдалъ за движеніями непріятеля, замѣтили,
онъ совершенно не воспользовался этими огром-
и преимуществами, пріобрѣтенными цѣною столь-
ъ крови и настойчивости, но огонь его артиллеріи
е ослабѣлъ такъ замѣтно, что съ основаніемъ
кно было предположить, что онъ уже отказывался
ь надежды насъ побѣдить.

Wassiltschikoff—avec d'autres troupes, déconcerta l
masses ennemies, qui échouèrent completement dan
leur entreprise—c'était plutôt une boucherie qu'u
combat; aussi ne se battit on qu'à l'arme blanch
ce qui est rare, quoiqu'on en dise.

L'ennemi, ayant perdu dans cette infructueus attaque quelques milliers d'hommes, devint plu circonspect et n'entreprit rien de décisif sur ce poin jusqu'à deux heures après midi. Il persévèra pourtant dans l'idée de nous enlever cette hauteur, et, pendant que le prince Eugène l'attaquait en front avec ses masses d'infanterie, une forte colonne de cavalerie parvint à s'en emparer en la prenant à revers.

La perte de ce point était d'une conséquence

съ 26 дивизіею, Ермоловымъ и Васильчиковымъ— съ другими войсками, привело въ замѣшательство непріятельскія массы, которыя потерпѣли совершенную неудачу въ своемъ предпріятіи—это была скорѣе бойня, нежели бой; дрались только холоднымъ оружіемъ, что, что-бы не говорили относительно этого, бываетъ рѣдко.

Непріятель, потерявъ въ этой безплодной атакѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, сдѣлался осмотрительнѣе и до двухъ часовъ по полудни не предпринялъ ничего рѣшительнаго на этомъ пунктѣ. Онъ однако упорствовалъ въ намѣреніи отнять у насъ эту высоту, и въ то время, какъ принцъ Евгеній атаковалъ ее своими пѣхотными массами съ фронта, сильной кавалерійской колоннѣ удалось овладѣть ею, взявъ ее въ тылъ.

d'autant plus majeure pour nous, qu'il était à craindre, que l'ennemi, habile à profiter d'un avantage de cette importance, ne perça notre centre, et c'est alors, que la défaite de l'armée eût été inévitable, d'autant plus facilement,que depuis la perte du général Koutayssoff notre artillerie n'agissait que partiellement et sans accord.

Tel était l'état des choses vers les trois heures lorsqu'au grand étonnement de tous ceux, qui observaient les mouvements de l'ennemi, l'on s'apperçut, qu'il ne profita point de ces immenses avantages, acquis au prix de tant de sang et de persévérance, mais que le feu de son artillerie se rallentit même d'une manière si tranchante, qu'on pouvait supposer avec raison, qu'il renonçait déjà à l'éspérance de nous vaincre.

Потеря этого пункта имѣла для насъ тѣмъ большее значенiе, что должно было опасаться, чтобы непрiятель, искуссно воспользовавшись столь важнымъ преимуществомъ, не прорвалъ нашего центра, и тогда пораженiе армiи было-бы неизбѣжно и тѣмъ болѣе легко, что послѣ потери генерала Кутайсова наша артиллерiя дѣйствовала только по частямъ и безъ связи.

Таково было положенiе дѣлъ около трехъ часовъ, когда, къ великому удивленiю всѣхъ тѣхъ, кто наблюдалъ за движенiями непрiятеля, замѣтили, что онъ совершенно не воспользовался этими огромными преимуществами, прiобрѣтенными цѣною столькихъ крови и настойчивости, но огонь его артиллерiи даже ослабѣлъ такъ замѣтно, что съ основанiемъ можно было предположить, что онъ уже отказывался отъ надежды насъ побѣдить.

Tous ceux, qui se sont trouvés a cette célèbre bataille, pourront me servir de témoins, que, sauf quelques détails, le gros de l'action est présenté ici avec fidélité, et que finalement nous nous sommes retirés le lendemain de la bataille non défaits, mais faute de combattants, tandis que l'ennemi avait encore des troupes fraiches à sa disposition.

Mais quelle est donc la cause de cette apparente et inexplicable inaction de Napoléon? Comment concevoir, qu'au début de la bataille il ait agi offensivement et d'une manière si vide et qu'à trois heures, au moment d'avoir réussi à emporter tous les points, qui garantissaient notre front de l'impétuosité de ses attaques, et, par conséquent, à l'instant d'ob-

---

Всѣ, участвовавшіе въ этомъ знаменитомъ сраженіи, могутъ засвидѣтельствовать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, общій ходъ боя представленъ здѣсь вѣрно, и что въ концѣ мы от ступили па слѣдующій день послѣ сраженія, не разбитые, но по недостатку способныхъ къ бою, между тѣмъ какъ непріятель имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи свѣжія войска.

Но гдѣ-же причина этого очевиднаго и необъяснимаго бездѣйствія Наполеона? Какъ понять, что въ началѣ сраженія онъ дѣйствовалъ наступательно и доводя дѣло до конца, а въ три часа, въ тотъ моментъ, когда ему удалось овладѣть всѣми пунктами, которые обезпечивали нашъ фронтъ отъ стремительности его атакъ, и, слѣдовательно, въ минуту одержанія полнаго успѣха онъ держался

tenir un succès complet, il se soit tenu dans une attitude plutôt défensive qu'initiative?

Je crois pouvoir l'expliquer de la manière suivante. Platoff, ayant eu ordre, comme je l'ai dit plus haut, de chercher à tourner le flanc gauche de l'ennemi et de l'attaquer à revers, si l'occasion s'en présentait, exécuta ce mouvement avec tant de précision et de calme, qu'il ne fut apperçu de l'ennemi qu'au débouché du défilé, à la distance d'environ une verste de son extrême gauche. L'ennemi, effrayé de l'apparition soudaine d'une forêt de lances et y ayant même remarqué de l'infanterie, jugea, que la gauche de l'armée se trouvait fortement compromise et cela avec d'autant plus de probabilité, que les belles charges du général Ouvaroff ne lui permettaient pas

---

скорѣе въ оборонительномъ положеніи, нежели активно.

Я думаю, что можно объяснить это слѣдующимъ образомъ. Платовъ, получивъ, какъ я сказалъ объ этомъ выше, приказаніе попытаться обойти лѣвый флангъ непріятеля и, если представится къ тому случай, атаковать его съ тылу, исполнилъ это движеніе съ такою точностью и спокойствіемъ, что былъ замѣченъ непріятелемъ только при выходѣ изъ дефиле въ удаленіи приблизительно версты отъ его крайняго лѣваго фланга. Непріятель, устрашенный внезапнымъ появленіемъ лѣса пикъ и замѣтивъ тамъ даже пѣхоту, счелъ лѣвый флангъ арміи въ весьма опасномъ положеніи и тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что блестящія атаки генерала Уварова не позволяли ему сомнѣваться, что онѣ производи-

de douter, qu'elles n'eussent été exécutées à l'appui du grand mouvement de Platoff. Aussitôt cette aile menacée commença à effectuer un changement de front, et dans le même moment on vit un aide de camp se porter à bride abbatue pour annoncer cette facheuse nouvelle à Napoléon.

De son côté le général Platoff, débouchant du défilé, qui masquait la nullité de ses forces, craignit de se compromettre par une attaque décisive contre un ennemi, qui déjà lui opposait une batterie. Il jugea plus utile de lui imposer par une attitude, qui le laisserait dans le doute sur ses véritables forces, et finit par se décider à ne harceler que partiellement.

Cette manoeuvre de Platoff décida du sort de l'armée russe, car Napoléon, informé dè ce, qui se

---

лись, опираясь на рѣшительное движенiе Платова. Это угрожаемое крыло начало тотчасъ-же производить перемѣну фронта, и въ тоже мгновенiе было видно, какъ адъютантъ помчался во всю прыть, чтобы доложить Наполеону это непрiятное извѣстiе.

Съ своей стороны, генералъ Платовъ, дебушируя изъ дефиле, скрывавшаго ничтожество его силъ, опасался скомпрометировать себя рѣшительной атакой непрiятеля, противоставлявшаго ему уже батарею. Онъ счелъ болѣе полезнымъ угрожать ему положенiемъ, которое оставило-бы его въ сомнѣнiи относительно его дѣйствительныхъ силъ, и въ концѣ концовъ рѣшился тревожить только частями.

Этотъ маневръ Платова рѣшилъ участь русской армiи, потому что Наполеонъ, извѣщенный о происходившемъ на его крайнемъ лѣвомъ флангѣ, при-

passait à son extrême gauche, furieux de ce contretemps, dirigea en toute hâte une colonne de vingt trois mille hommes pour la soutenir—diversion, qui le priva pour le reste de la journée des moyens de profiter des avantages, remportés par sa droite. Quant à ses réserves de la vieille garde, qui restaient encore intactes, les fortes colonnes de la milice de Moscou, que nous eumes en réserve derrière notre gauche, et que Napoléon prit pour nos gardes, lui imposèrent tellement, qu'il crut avoir tout à craindre, s'il risquait dans cette tentative sa troupe d'élite. qu'il regardait comme sa toute dernière ressource.

Tels sont les faits, que bien des gens ignorent; ils prouvent, que si Platoff avait agi conformément

---

веденный въ сильное раздраженіе этой помѣхой, направилъ на его поддержку возможно поспѣшнѣе колонну въ двадцать три тысячи человѣкъ—диверсія, которая лишила его на остальную часть дня средствъ воспользоваться успѣхами, одержанными его правымъ крыломъ. Что касается его резервовъ старой гвардіи, остававшихся еще нетронутыми, сильныя колонны Московскаго ополченія, которыя мы имѣли въ резервѣ позади нашего лѣваго фланга, и которыя Наполеонъ принялъ за нашу гвардію, внушили ему такую боязнь, что онъ считалъ крайне опаснымъ рискнуть въ этой попыткѣ своимъ отборнымъ войскомъ, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на свое послѣднее средство.

Таковы факты, которые многимъ неизвѣстны. Они доказываютъ, что если-бы Платовъ дѣйство-

aux ordres, qui lui furent prescrits; s'il n'eût considéré son devoir que dans la stricte obéissance aux ordres de ses supérieurs, la défaite de notre armée eût été très probable; car, tant qu'il restait dans le défilé avec toutes ses lances, il imposait; mais s'il eût attaqué l'ennemi avec des forces de nulle influence dans une bataille rangée, le charme serait rompu, et les vingt trois mille hommes, détachés du flanc victorieux de l'ennemi, auraient indubitablement mis le comble au désastre de notre armée.

валъ соотвѣтственно предписаннымъ ему приказаніямъ, что если-бы онъ считалъ своею обязанностью только строгое повиновеніе своему начальству, пораженіе нашей арміи было-бы весьма вѣроятнымъ; потому что, пока онъ со всѣми своими пиками оставался въ дефиле, онъ угрожалъ; но если-бы онъ атаковалъ непріятеля силами, которыя не имѣли никакого значенія въ регулярномъ бою, очарованіе исчезло-бы, и двадцать три тысячи человѣкъ, отдѣленныхъ отъ побѣдоноснаго непріятельскаго крыла, несомнѣнно довершили-бы разгромъ нашей арміи.

Полученіе Кутузовымъ 8 октября донесенія Дорохова о появленіи Французовъ близъ с. Фоминскаго. Высылка Дохтурова къ Фоминскому. Совѣщаніе, собранное Дохтуровымъ вечеромъ 10 октября. Прибытіе Сеславина. Посылка Болговского въ главную квартиру. Принятіе Кутузовымъ извѣстія объ оставленіи Французами Москвы.

1812 года октября 8 дня главнокомандующій князь Кутузовъ въ главной своей квартирѣ въ Леташевкѣ получилъ слѣдующее донесеніе отъ генерала Дорохова, начальствующаго легкимъ отрядомъ

и наблюдающаго непріятеля между двухъ дорогъ, старой и новой Калужской. Генералъ Дороховъ доносилъ, что непріятельскій отрядъ, въ числѣ 10 тысячъ, показался на Боровской дорогѣ близъ села Фоминскаго, имѣя будто бы предметомъ протежировать своихъ фуражировъ и правымъ своимъ флангомъ прикрывать отъ партизановъ и самые транспорты, по Смоленской дорогѣ тянувшіеся. Въ то утро фельдмаршалъ еще не рѣшался, кому ввѣрить войска на пораженіе сего отряда. Онъ колебался въ своемъ выборѣ между двухъ лицъ—генерала Коновницына и генерала Дохтурова. Но вечеромъ сей послѣдній получилъ, не только на сей счетъ предписаніе, но и самую диспозицію. Корпусъ, генералу Дохтурову тогда ввѣренный, состоялъ изъ 26 тысячъ подъ ружьемъ, и именно: весь 6 корпусъ въ полномъ его составѣ, часть 4-го, легкая гвардейская кавалерія и часть конной Тульской дружины.

Между тѣмъ опытные въ военномъ дѣлѣ люди, мало довѣряя основательности рапорта генерала Дорохова, разсуждали такъ: — „Имовѣрно-ли, чтобы Наполеонъ, въ намѣреніи протежировать своихъ фуражировъ, рѣшился-бы пожертвовать 10 тысячнымъ корпусомъ, оставя его, такъ сказать, на воздухѣ и въ столь близкомъ отъ непріятеля разстояніи?

Такъ разсуждалъ и генералъ Ермоловъ, который, по власти начальника главнаго штаба (чѣмъ тогда онъ былъ) и дабы убѣдиться въ справедливости рапорта генерала Дорохова, распорядился такимъ образомъ. Въ ту-же ночь и прежде, нежели корпусъ генерала Дохтурова выступилъ изъ лагеря по направленію къ селу Фоминскому, онъ приказалъ

двумъ партизанамъ, Сеславину и Фигнеру, каждому съ 500 лошадей, идти по тому же направленію и стараться, по усмотрѣнію, или на флангѣ, или въ тылу непріятеля, открыть настоящее его намѣреніе, съ чѣмъ вмѣстѣ поставлено имъ было въ обязанность свѣдѣнія сіи доставить на другой день въ вечеру генералу Дохтурову, долженствующему къ тому времени сблизиться къ селу Фоминскому.

10 октября рано утромъ генералъ Дохтуровъ, выступя изъ Тарутина съ ввѣреннымъ ему корпусомъ, въ тотъ-же вечеръ достигъ своего назначенія, а дабы, сколь возможно болѣе, скрыть движеніе сіе отъ непріятеля, слѣдственно и предполагали на него нападеніе, приказано наблюдать въ лагерѣ тишину, огней не разводить, а людямъ довольствоваться имѣющею на нихъ пищею.

Такимъ образомъ, не доходя двухъ или трехъ верстъ до непріятельской позиціи, корпусъ расположился на бивакахъ, и въ ту-же минуту составился военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ корпуснаго командира и членовъ: генераловъ Капцевича, Фока, Ермолова, Талызина, Меллера-Закомельскаго, Рота, англійскаго генерала Вильсона и соединившагося съ своимъ отрядомъ генерала Дорохова. Предметъ совѣщанія состоялъ въ томъ, слѣпо-ли довѣривъ донесенію сего послѣдняго и личному его въ томъ подтвержденію, на разсвѣтѣ атаковать непріятеля всѣми силами, или нѣтъ. Мнѣнія были, сколько я помню, различны. Одни полагали атаковать непріятеля всѣми силами и внезапно, а другіе предлагали утромъ сдѣлать только рекогносцировку. Одинъ генералъ Дороховъ утверждалъ и утвер-

ждалъ горячо, что отрядъ сей точно не превышаетъ 10 тысячъ, и что корпусу нашему остается только овладѣть имъ, но генералъ Ермоловъ, совѣщаніе сіе прервалъ предложеніемъ оставить рѣшеніе сего вопроса до прибытія къ корпусу партизановъ, съ часу на часъ ожидаемыхъ.

Симъ военный совѣтъ на тотъ разъ и закрылся (что было около 8 часовъ вечера), а вслѣдъ за тѣмъ и войско въ лагерѣ и начальники—все предалось покою. Но я бдѣлъ въ ожиданіи партизановъ, какъ вѣстниковъ, долженствующихъ опредѣлить жребій воюющихъ, и, дѣйствительно, въ первомъ часу по полуночи явился полковникъ Сеславинъ, и съ той минуты я заключилъ, что врядъ ли кто дотолѣ имѣлъ счастіе оказать болѣе блестящую заслугу государству, какъ не онъ, Сеславинъ. Онъ, какъ Ангелъ-Хранитель Россіи, предсталъ, чтобы возвѣстить, что мнимый тотъ 10 тысячный отрядъ, по сказанію Дорохова—не иное что, какъ эшелонъ отступающей отъ Москвы французской арміи. Отъ него узналъ я тутъ всѣ подробности сего отступленія, какъ то: подорваніе Кремля и прочее, а въ удостовѣреніе сего наиважнѣйшаго событія, Сеславинъ, имѣвъ дерзость заѣхать въ тылъ непріятельскихъ колоннъ, привелъ съ собой нѣсколько гвардейскихъ плѣнныхъ офицеровъ, которые при допросѣ моемъ все сказанное совершенно подтвердили.

За чрезвычайностью таковаго донесенія чрезъ нѣсколько минутъ военный совѣтъ вновь послѣдовалъ. Разсуждали недолго и положили такъ: генералъ Ермоловъ своей рукой написалъ весьма краткую записку къ фельдмаршалу, генералъ Дохтуровъ

подписалъ ее, и мнѣ поручено было, сколь возможно быстрѣе, доставить и дополнить изустно оную подробностью происшествія.

Съ сей драгоцѣннѣйшей запиской я отправился, а какъ все дѣло состояло въ томъ, чтобы пресѣчь непріятелю большую Калужсскую дорогу, на которой овладѣлъ уже онъ Боровскомъ, то, постигая сколь каждая потерянная въ дорогѣ минута неоцѣненна, я распорядился слѣдующимъ образомъ. На тотъ разъ я имѣлъ отличную добрую Донскую лошадь, но, не довѣряя достаточно силѣ и быстротѣ ея, я взялъ съ собой фельдъегеря на весьма добромъ конѣ, при корпусѣ служившаго, и нѣсколько своихъ ординарцевъ, и сіе на тотъ конецъ, дабы, въ случаѣ нужды, перемѣнить мою лошадь. Ночь была теплая, мѣсячная, и лошадь моя столь хорошо себя оправдала, что всѣхъ моихъ спутниковъ я оставилъ далеко за собой и въ главную квартиру прибылъ съ неимовѣрной скоростью.

Прискакавъ прямо къ квартирѣ генерала Коновницына, я нашелъ еще его работающимъ. Онъ, пораженный моимъ разсказомъ, тотчасъ пригласилъ графа Толя. Оба вмѣстѣ, принявъ отъ меня записку, пошли будить отъ сна фельдмаршала, а я остался въ сѣняхъ той избы, гдѣ онъ покоился. Нимало не медля, онъ потребовалъ меня къ себѣ, и вотъ что я видѣлъ и слышалъ въ сію незабвенную для меня эпоху. Старца сего я нашелъ сидящимъ на постели, но въ сюртукѣ и въ декораціяхъ. Видъ его на тотъ разъ былъ величественный, и чувство радости сверкало уже въ очахъ его. „Разскажи, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ, что

такое за событіе, о которомъ вѣсти привезъ ты мнѣ? Неужели во истину Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ? Говори скорѣй, не томи сердце, оно дрожитъ". Я донесъ ему подробно о всемъ вышесказанномъ, и, когда разсказъ мой былъ конченъ, то вдругъ сей маститый старецъ, не заплакалъ, а захлипалъ и, обратясь къ образу Спасителя, такъ рекъ: „Боже, Создатель мой, наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена". Онъ прорекъ, и все сбылось! Тутъ подалъ генералъ Толь ему карту, и корпусъ Дохтурова получилъ повелѣніе, не слѣдовать, а, если можно, бѣжать къ Малому Ярославцу, Всевышнимъ предопредѣленному чтобы содѣлаться первой ступенью паденія Наполеона.

Изъ воспоминаній Кожухова.

Авторъ воспоминаній, Алексѣй Степановичъ Кожуховъ, произведенъ въ офицеры въ 1799 году и въ 1811 году назначенъ адъютантомъ къ Кутузову, состоявъ въ этой должности во время Отечественной войны. Въ 1816 году вышелъ въ отставку. Печатаемое описаніе поиска, исполненнаго имъ на Калужскую дорогу, находится въ письмѣ къ Михайловскому-Данилевскому въ январѣ 1847 года. Письмо, на почтовомъ листѣ большаго формата, продиктовано и подписано авторомъ. Въ подтвержденіе его разсказа къ письму были приложены формулярный его списокъ и свидѣтельство, выданное генераломъ Коновницынымъ.

Поискъ къ Красной Пахрѣ послѣ боя подъ Тарутинымъ.

Я былъ адъютантомъ при свѣтлѣйшемъ князѣ Михаилѣ Илларіоновичѣ и былъ адъютантомъ дѣйствующимъ. Впрочемъ кого Отечественная незабвенная война не вызывала на брань противъ враговъ!

Послѣдовавъ сему увлеченію, я просилъ Свѣтлѣйшаго дозволить мнѣ быть въ партизанахъ и былъ посланъ въ отрядъ князя Кудашева.

Послѣ Тарутинскаго сраженія Свѣтлѣйшему нужно было имѣть точныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Наполеона и мѣрахъ, имъ предпринимаемыхъ послѣ пораженія подъ Тарутинымъ возлюбленнаго его героя. Князь Кудашевъ, съ которымъ я былъ на Серпуховской дорогѣ въ с. Лопасни, объявилъ мнѣ желаніе Свѣтлѣйшаго, и я вызвался на это предпріятіе.

Чтобы имѣть вѣрныя и точныя свѣдѣнія, надобно было проникнуть въ средину французской арміи. Большою партіею этого исполнить было невозможно, потому что надобно было проходить мимо французскихъ биваковъ и встрѣчаться съ отрядами ихъ фуражировъ. Открытіе моихъ дѣйствій и перестрѣлки испортили-бы дѣло. Надобно было имѣть горсть храбрецовъ. Нѣсколько отважныхъ казаковъ Харитонова полка и хорунжій Поповъ были моими спутниками. Вѣра и правое дѣло были щитомъ нашимъ.

Мы пустились въ ночь перелѣсками прямо на Красную Пахру. Еще съ половины предлежащаго намъ пути мы увидѣли непріятельскіе огни. Нужно было лавировать, перемѣнить направленіе, уменьшить еще число казаковъ. Я оставилъ ихъ въ резервѣ и до разсвѣта, безъ приключеній, прибылъ на большую дорогу къ самой Красной Пахрѣ. Большіе огни доказывали, что тамъ было много Французовъ. Бывшій со мною крестьянинъ, вызвавшійся быть проводникомъ изъ Лопасни, посланъ былъ

мною въ Красную Пахру, гдѣ нашелъ множество обоза, пѣшихъ кавалеристовъ и проч. Не то мнѣ нужно было.

Размѣстясь въ опушкѣ лѣса, близъ самой большой дороги, я выжидалъ ѣхавшихъ изъ Москвы по сему сообщенію. Съ разсвѣтомъ много потянулось экипажей, изъ коихъ два проѣхали быстро. Можно было разсмотрѣть лица, но сердце мнѣ ничего не предвѣщало. Наконецъ показался конвой верховыхъ, ѣхавшихъ скоро. Съ приближеніемъ ихъ я усмотрѣлъ треугольную шляпу, съ поля надѣтую, и огромные усы и бакенбарды. Условный знакъ былъ данъ, и весь конвой былъ въ нашихъ рукахъ. Нѣсколько выстрѣловъ à bout portant не помѣшали намъ овладѣть имъ и утащить въ лѣсъ того, кого мнѣ нужно было. Въ ту минуту взята съ плѣннаго сумка. Это былъ посланный съ депешами штабъ-офицеръ Виліонъ изъ штаба принца Экмюльскаго.

Пересадя тотчасъ плѣннаго на казачью лошадь и давъ поводья казакамъ, я старался его увезти отъ преслѣдованія. Оставшіеся казаки, съ присоединеніемъ резерва, нашли себѣ добычу, какъ это обыкновенно бываетъ, и взяли нѣсколько пѣшихъ; я же съ моею добычею старался выбраться, какъ можно скорѣе, изъ занятой непріятелями мѣстности и доставилъ депеши и плѣннаго лично Свѣтлѣйшему. Тутъ были Карлъ Федоровичъ Толь и князь Кудашевъ. Не знаю точно, что въ депешахъ заключалось, но Свѣтлѣйшій былъ очень доволенъ, обнялъ меня и спросилъ, чего я хочу? Само собою разумѣется, что я предоставилъ это его волѣ и былъ переведенъ въ гвардію тѣмъ-же чиномъ (я былъ

тогда капитаномъ*). Происшествіе это было извѣстно всей главной квартирѣ и должно быть въ донесеніяхъ Свѣтлѣйшаго князя, находящихся, конечно, въ архивахъ военнаго министерства.

Спустя нѣсколько дней, князь Кудашевъ получилъ свѣдѣніе, что непріятельская пѣхота пробирается къ Серпуховской дорогѣ и заняла уже близлежащую деревню Чегодаеву. Я обратился туда съ партіей, у меня находившеюся, выбилъ изъ деревни непріятельскую пѣхоту, упорно защищавшуюся, и взялъ въ пѣнъ капитана Тубье и нѣсколько плѣнныхъ; убитыхъ Французовъ было довольное число.

*) Авторъ въ ноябрѣ 1812 года за отличіе переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ л. гв. Литовскій полкъ.

Изъ записокъ Давыдова.

Печатаемый отрывокъ принадлежитъ перу извѣстнаго партизана Дениса Васильевича Давыдова и былъ препровожденъ въ мартѣ 1836 года графомъ Орловымъ-Денисовымъ Михайловскому-Данилевскому. Хранящаяся въ матеріалахъ послѣдняго рукопись представляетъ тетрадь въ листъ писчей бумаги и, по содержанію своему, давая нѣкоторыя подробности относительно дѣйствій противъ французскихъ войскъ, слѣдовавшихъ на поддержку Ожеро, является интереснымъ варіантомъ описанія дѣла подъ Ляховымъ, сдѣланнаго въ различныхъ изданіяхъ „дневника партизанскихъ дѣйствій“.

Дѣло подъ Ляховымъ.

Въ ночь возвратились разъѣздные мои, посланные къ селу Ляхову, и увѣдомили меня, что, какъ въ немъ, такъ и въ Язвинѣ, находятся два сильные непріятельскіе отряда, что мнѣ подтвердилъ и приведенный ими плѣнный, увѣряя, что въ первомъ

селѣ стоитъ генералъ Ожеро съ 2000 человѣкъ пѣхоты и съ частью кавалеріи.

Мы рѣшились атаковать Ляхово, но, такъ какъ всѣ три партіи не составляли болѣе 1200 человѣкъ разнаго сбора конницы, 80 егерей 20 егерскаго полка и 4 орудій, то я предложилъ пригласить на ударъ сей графа Орлова-Денисова, котораго партія состояла изъ шести полковъ казачьихъ и Нѣжинскаго драгунскаго полка, весьма слабаго, но еще годнаго для декораціи какого-нибудь возвышенія.

Немедленно я послалъ къ графу письмо пригласительное.

27 числа мы были на маршѣ. Вечеромъ я получилъ отъ графа отвѣтъ. Онъ писалъ:

„Увѣдомленіе о движеніи вашемъ въ Бѣлкино я получилъ. Вслѣдъ за симъ и я слѣдую для нападенія на непріятеля, но кажется мнѣ, что атака наша безъ присоединенія ко мнѣ командированныхъ мною трехъ полковъ (которые прибыть должны чрезъ два часа) будетъ не навѣрное, а потому не худо бы намъ дождаться и дѣйствовать всѣми силами“.

28-го по утру Фигнеръ, Сеславинъ и я пріѣхали въ одну деревушку, занимаемую полкомъ Чеченскаго, верстахъ въ двухъ отъ Бѣлкина. Вдали было видно Ляхово; вокругъ села биваки. Нѣсколько пѣшихъ и конныхъ солдатъ показывались между избами и шалашами; болѣе ничего не можно было замѣтить. Спустя полчаса времени, мы увидѣли непріятельскихъ фуражировъ, въ числѣ 40 человѣкъ, ѣхавшихъ безъ малѣйшей осторожности въ напра-

вленіи къ Таращину. Чеченскій послалъ въ тылъ имъ лощиною сотню казаковъ своихъ. Фуражиры примѣтили ихъ, когда уже было поздно. Нѣсколько спаслось бѣгствомъ; большая часть, вмѣстѣ съ офицеромъ (адъютантомъ генерала Ожеро), сдались въ плѣнъ. Они подтвердили намъ извѣстіе о корпусѣ Бараге-Дильера и объ отрядѣ генерала Ожеро, кои, не взирая на отрядъ графа Ожаровскаго, прошедшаго 27 числа Балтутино на Рославльскую дорогу, остались неподвижными, хотя Балтутино отъ Ляхова не болѣе, какъ въ 17, а отъ Язвина въ 9 верстахъ.

Вскорѣ изъ Бѣлкина подошла ко мнѣ вся партія моя, и графъ Орловъ-Денисовъ явился на лихомъ конѣ съ вѣстовыми гвардейскими казаками. Онъ извѣстилъ насъ, что командированные имъ три полка прибыли, что вся его партія подходитъ. Поговоря со мною, какъ и съ которой стороны будемъ атаковать, онъ, обратясь къ Фигнеру и Сеславину, которыхъ еще партіи не прибыли на мѣсто, сказалъ: „Я надѣюсь, господа, что вы насъ поддержите?“.

Спустя часъ времени, всѣ партіи наши соединились, и отрядъ графа Орлова-Денисова прибылъ. Полковнику Давыдову немедленно поручено было вести передовыя войска, и часть отряда его положено отправить на дорогу, ведущую изъ Ляхова въ Ельню, дабы совершенно пресѣчь тѣмъ сообщеніе Ожеро съ корпусомъ Бараге-Дильера, что и приведено въ дѣйствіе полкомъ Чеченскаго.

Коль скоро мы начали вытягиваться и подвигаться къ Ляхову, все въ селѣ этомъ пришло въ

смятеніе. Мы услышали барабаны и ясно видѣли, какъ непріятель становился въ ружье; стрѣлки отдѣлялись отъ колоннъ и выбѣгали изъ за избъ къ намъ на встрѣчу. Полковникъ Давыдовъ немедленно спѣшилъ казаковъ своихъ и завязалъ дѣло. Полкъ Попова 13-го и партизанскую свою команду развернулъ на лѣвомъ флангѣ спѣшенныхъ казаковъ, чтобы закрыть движеніе подвигавшихся войскъ нашихъ. Сеславинъ поддерживалъ движеніе сіе и противу непріятельскихъ колоннъ, выходившихъ изъ Ляхова, открылъ огонь 4-мя орудіями, подвинувъ, притомъ, гусаръ своихъ для прикрытія стрѣлковъ. Партія Фигнера оставалась въ резервѣ.

Огонь изъ орудій разстроилъ колонны сіи и обратилъ ихъ къ деревнѣ. Пользуясь симъ, ротмистръ Горсткинъ съ Ахтырскими гусарами пылкою атакою не замедлилъ уничтожить стрѣлковъ ихъ; и батарея была подвезена на крайнюю оконечность возвышенія къ деревнѣ, нанося непріятелю значительный вредъ. Послѣ чего полковникъ Давыдовъ съ отрядомъ своимъ перешелъ на лѣвый нашъ флангъ, разстроивая всѣ покушенія непріятеля, силившагося прорваться на Ельненскую дорогу для соединенія съ Бараге-Дильеромъ.

Графъ Орловъ-Денисовъ, усмотрѣвъ наносимое удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи нашей отряду Ожеро пораженіе и видя уже совершенное его стѣсненіе, послалъ къ нему штабсъ-ротмистра Чемоданова парламентеромъ съ увѣдомленіемъ о состояніи и бѣгствѣ Наполеона, большой французской арміи, и съ предложеніемъ сдаться военно-плѣнными.

Между тѣмъ полковнику Загряжскому, изъ от-

ряда графа Орлова-Денисова, поручено было съ полкомъ Нѣжинскимъ драгунскимъ, двумя казачьими и шестью орудіями конной артиллеріи дѣйствовать по Ельненской дорогѣ противу корпуса Барагe-Дильера и всемѣрно удерживать его отъ соединенія съ Ожеро, вступивъ въ сношеніе и совокупное дѣйствіе съ полковникомъ Андріановымъ, находившимся вблизи дороги сей для наблюденія за движеніями непріятеля съ двумя казачьими полками. Загряжскій, приведя все сіе въ дѣйствіе и видя приближающіяся передовыя войска корпуса Барагe-Дильера, открылъ по нимъ огонь артиллеріею своею и принудилъ возвратиться.

Полковнику Быхалову съ двумя казачьими полками приказано было перерѣзать большую дорогу, ведущую отъ Ляхова къ Смоленску, и тѣмъ уничтожить послѣднюю надежду генерала Ожеро на ретираду. Но вскорѣ разъѣзды его открыли сильную непріятельскую колонну, составленную изъ 2 тысячъ кирасиръ, идущихъ по дорогѣ отъ Смоленска на помощь Ожеро; вслѣдствіе чего Быхалову приказано было, нимало не медля, атаковать колонну сію, а полкамъ Иловайскаго 9 и Мельникова занять его позицію.

Быхаловъ, послѣ многократныхъ, но безуспѣшныхъ, атакъ, двумя своими полками, не составившими и 600 человѣкъ, не могъ устоять противу многочисленнаго отряда сего, и притомъ свѣжаго, и, будучи сильно тѣснимъ, началъ отступать въ порядкѣ. Вслѣдствіе чего полковнику Мельникову съ двумя полками приказано было поддержать его и совокупно напасть на непріятеля. Бой 1300 человѣкъ

казаковъ и 2000 непріятельскихъ кирасиръ сдѣлался рукопашный и отчаянный, и тутъ-то Французы удостовѣрились, что кирасы ихъ недостаточны для спасенія отъ пики казачьей, гдѣ нѣтъ поддержки артиллеріи и пѣхоты. Вскорѣ увидѣли мы, что кирасиры разсѣяны и обратились въ бѣгство. Казаки, преслѣдуя ихъ почти на протяженіи 5 верстъ и пригнавъ къ болотистому ручью, совершенно уничтожили; болѣе 700 кирасъ*), снятыхъ съ убитыхъ и доставшихся намъ въ добычу, доказываютъ пораженіе ихъ.

Ожеро въ минуту отступленія казаковъ, льстясь надеждою въ присоединеніи кирасиръ,въ сдачѣ войскъ штабсъ-ротмистру Чемоданову рѣшительно отказалъ. Послѣ-же пораженія оныхъ, графъ Орловъ-Денисовъ снова отправилъ для переговоровъ съ нимъ Фигнера, приказавъ сказать ему, притомъ, что и корпусъ Бараге-Дильера находится въ обстоятельствахъ, подобныхъ ему; къ которому тоже былъ посланъ парламентеръ для увѣдомленія о состояніи Наполеона,большой французской арміи, и съ предложеніемъ сдаться.

Наконецъ Ожеро, видя себя не въ состояніи долѣе держаться, выѣхалъ самъ лично для переговоровъ съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ и сдался въ плѣнъ съ 60 офицерами и 2000 рядовыхъ. Наступившая ночь помѣшала усилить дѣйствія противу Бараге-Дильера, а онъ, пользуясь темнотою оной, отступилъ проселочными дорогами къ Смоленску.

Побѣда сія тѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіи нынѣшней кампаніи непріятельскій корпусъ сдался намъ.

---

*) *Примѣчаніе автора*: переданныхъ генералу Корфу для Псковскихъ и другихъ драгунъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.